

MIESIĘCZNIK

№ 1(66), 2024

POŁOCKI.

Tom I.

Rok 1818.

«Вестник Полоцкого государственного университета» продолжает традиции первого в Беларуси литературно-научного журнала «Месячник Полоцкий».

ВЕСТНИК ПОЛОЦКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия D. Экономические и юридические науки

В серии D научно-теоретического журнала публикуются статьи, прошедшие рецензирование, содержащие новые научные результаты в области экономики и управления, финансов, денежного обращения и кредита, бухгалтерского учета и статистики, а также юридических наук.

ВЕСНІК ПОЛАЦКАГА ДЗЯРЖАЎНАГА ЎНІВЕРСІТЭТА

Серыя D. Эканамічныя і юрыдычныя навукі

У серыі D навукова-тэарэтычнага часопіса друкуюцца артыкулы, якія прайшлі рэцэнзаваанне і змяшчаюць новыя навуковыя вынікі ў галіне эканомікі і кіравання, фінансаў, грашовага абарачэння і крэдыта, бухгалтарскага ўліку і статыстыкі, а таксама юрыдычных навук.

HERALD OF POLOTSK STATE UNIVERSITY

Series D. Economics and law sciences

Series D of the scientific-theoretical journal includes reviewed articles which contain new scientific results in such fields as economics and management, finance, money circulation and credit, accounting and statistics and also legal sciences.

Журнал входит в Российский индекс научного цитирования.

Электронная версия номера размещена на сайте: <https://journals.psu.by/economics>

Адрес редакции:

Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой,
ул. Блохина, 29, г. Новополоцк, 211440, Беларусь
тел. + 375 (214) 59 95 41, e-mail: vestnik@psu.by

Отв. за выпуск: *Е.Ю. Афанасьева.*
Редактор *И.Н. Чапкевич.*

Подписано к печати 06.05.2024. Бумага офсетная 80 г/м². Формат 60×84¹/₈. Ризография.
Усл. печ. л. 10,69. Уч.-изд. л. 12,89. Тираж 50 экз. Заказ 180.

ПОЗДРАВЛЯЕМ С ЮБИЛЕЕМ

**доктора экономических наук, профессора
Рустама Илькамовича МАЛИКОВА**

Много лет успешно реализуются условия Договора о сотрудничестве в области высшего, послевузовского образования и науки, заключенного между двумя вузами – российским ФГБОУ ВПО «Уфимский государственный нефтяной технический университет» (кафедра проектного менеджмента и экономики предпринимательства, заведующий кафедрой – доктор экономических наук, профессор Маликов Р.И.) и белорусским УО «Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой» (кафедра экономики, заведующий кафедрой – кандидат экономических наук, доцент Зенькова И.В.), а также в соответствии с действием Дорожной карты по дальнейшему развитию сотрудничества между этими вузами, принятой еще в сентябре 2021 г.

Профессору Маликову Рустаму Илькамовичу в этом году исполнилось 65 лет. В связи с прошедшим Юбилеем сотрудники кафедры экономики Полоцкого государственного университета сердечно поздравляют коллегу с круглой датой и желают ему здоровья, долголетия и дальнейших творческих успехов!

Рустам Илькамович родился 2 апреля 1959 г. в г. Октябрьский Башкирской АССР, где вырос и закончил школу с золотой медалью в 1976 г. Уже в период школьного обучения он проявил склонности к точным наукам, благодаря которым обучался во Всесоюзной заочной математической школе при Московском государственном университете им. М.В. Ломоносова.

В 1976 г. Р.И. Маликов поступил на отделение «Планирование народного хозяйства и экономическая кибернетика» экономического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, который окончил в 1981 г. по специальности «Экономическая кибернетика» с присвоением квалификации «экономист-кибернетик». В 1981–1983 гг. он проходил стажировку, в 1983–1987 гг. обучался в очной аспирантуре Института экономики АН СССР (г. Москва), которую закончил в 1987 г. с защитой кандидатской диссертации по специальности 08.00.08 – «Эффективность капитальных вложений и новой техники» на тему «Повышение эффективности строительного комплекса на основе интенсификации использования его инвестиционного потенциала» в Институте экономики АН СССР. После этого около 15 лет проработал в системе Академии наук СССР и Российской Академии наук, где прошел путь от стажера-исследователя и младшего научного сотрудника до заведующего отделом. С 1988 г. по 1996 г. работал заведующим отделом проблем управления производством Института экономики и социологии Уфимского научного центра РАН, одновременно (с 1995 г.) исполняя обязанности заведующего кафедрой экономики и организации предпринимательства Уфимского технологического института сервиса. В 1995 г. Рустаму Илькамовичу было присвоено ученое звание доцента. В декабре 2006 г. защитил докторскую диссертацию на тему «Теоретико-методологические основы институционального проектирования эффективной предпринимательской среды», а в апреле 2008 г. ему было присвоено ученое звание профессора по кафедре управления и экономики предпринимательства.

В период 2008–2012 гг. Маликов Р.И. работал в должности директора Института экономики и управления Уфимской государственной академии экономики и сервиса и возглавлял кафедру управления и экономики предпринимательства. В 2013–2016 гг. – в должности директора научно-исследовательского центра экономики и управления ФГБОУ ВО «Уфимский государственный университет экономики и сервиса», где также заведовал кафедрой управления и экономики предпринимательства. С 2016 г. по настоящий момент Р.И. Маликов – заведующий кафедрой «Проектный менеджмент и экономика предпринимательства» Института экосистем бизнеса и креативных индустрий Уфимского государственного нефтяного технического университета (УГНТУ).

Основные научные результаты уважаемого юбиляра лежат в области решения проблем становления и устойчивого функционирования предпринимательства, исследования институциональной организации предпринимательской среды; развития системы управления конкурентоспособностью предпринимательских структур; институционального проектирования экосистем российского бизнеса; оценки состояния инвестиционного климата и инфраструктуры развития предпринимательства в регионах Российской Федерации. Им сформулированы методологические подходы к исследованию девиантных форм и осуществлена оценка параметров развития предпринимательской среды (генерирование административных барьеров, уклонение от уплаты налогов с уходом в тень, рейдерство, коррупционная составляющая взаимодействия экономических агентов с бюрократией) с целью обоснования мер по снижению административного давления на развитие бизнеса. Он внес значительный вклад в развитие методического инструментария институционального проектирования эффективной предпринимательской среды, моделей и практик эффективного сотрудничества властных и предпринимательских структур в целях повышения вклада делового сообщества в развитие региональных экономик.

Под научным руководством Рустама Илькамовича защитились 1 доктор и 14 кандидатов экономических наук, пятеро из которых преподают на кафедре «Проектный менеджмент и экономика предпринимательства» Уфимского государственного нефтяного технического университета.

За 42 года научно-педагогической деятельности Р.И. Маликовым издано свыше 250 научных работ (индекс Хирша 24), включая 113 в изданиях, рекомендуемых ВАК для публикации основных результатов докторских диссертаций и 23 в рецензируемых изданиях Scopus и Web of Science, 24 монографии, 16 учебных пособий.

Результаты научно-исследовательской работы Маликова Р.И. в 2001–2010 гг. нашли отражение в разработке и реализации разделов важных народно-хозяйственных и научно-исследовательских программ, в том числе таких, как «Комплексная программа НТП в Республике Башкортостан на 1991 – 2010 гг.», «Схема развития и размещения производительных сил Республики Башкортостан», Концепция развития малого предпринимательства в Республике Башкортостан на 2006 – 2010 гг., «Концепция развития бытового обслуживания населения Республики Башкортостан в переходный к рыночной экономике период», «Энциклопедия истории предпринимательства в Республике Башкортостан», в разделах, поддерживаемых РГНФ научно-исследовательских проектов «Теневая экономика региона: диагностика и меры нейтрализации», «Экономические парадоксы или парадоксальная экономика». Результаты внедрения в хозяйственную практику такого рода программ и инноваций подтверждены Свидетельством Федеральной службы по интеллектуальной собственности, патентам и товарным знакам об официальной регистрации базы данных по системам лояльности предприятий в сфере сервиса и торговли г. Уфы.

Под научным руководством и при непосредственном участии Р.И. Маликова в период 2011–2022 гг. выполнены разделы научно-исследовательских программ «Разработка инструментария стратегического прогнозирования "точек роста" предпринимательства в системе социально-экономического развития Республики Башкортостан», «Институциональное проектирование параметров внедрения критических технологий инновационного развития предприятий Республики Башкортостан», проекты «Анализ влияния административных барьеров на развитие субъектов малого и среднего предпринимательства в Республике Башкортостан» по заказу Министерства экономического развития Республики Башкортостан, «Оценка и анализ параметров административного давления на субъекты предпринимательской деятельности в Республике Башкортостан»; выполнены научные проекты по грантам РГНФ «Взаимодействие властных и предпринимательских структур в муниципальных образованиях: через компромиссы к взаимной лояльности», «Формирование благоприятной институциональной конфигурации региональной деловой среды как фактор повышения конкурентоспособности предпринимательских структур» и гранту РФФИ «Реконфигурация экосистемы предпринимательства как фактор повышения деловой и инвестиционной активности в регионе».

В 2013–2014 гг. профессор Маликов Р.И. работал в составе экспертного совета по отраслевой и региональной экономике Высшей аттестационной комиссии при Министерстве образования и науки Российской Федерации. В 2008–2022 гг. числился членом трех диссертационных советов: при Уфимском государственном университете экономики и сервиса, при Уфимском государственном авиационном техническом университете, а также объединенного диссертационного совета Уфимского государственного нефтяного технического университета и Башкирского государственного университета. В настоящее время профессор Маликов Р.И. входит в состав диссертационного совета 24.2.479.13 по научной специальности 5.2.3 «Региональная и отраслевая экономика (экономические науки)» при Уфимском университете науки и технологий (УУНИТ).

Рустам Илькамович является членом редколлегии журнала «Вестник УГНТУ. Наука, образование, экономика. Серия экономика», редакционных советов Международного научно-практического журнала «Экономика, предпринимательство и право», Евразийского международного научно-аналитического журнала «Проблемы современной экономики», включенных в перечень ВАК Российской Федерации.

Под руководством профессора были налажены плодотворные взаимовыгодные контакты с органами федерального, республиканского управления и деловым сообществом региона. В период 2012 – 2021 гг. он являлся членом экспертной группы по финансовому просвещению при Региональном отделении Федеральной службы по финансовым рынкам России в Юго-Восточном Регионе, членом Комитета Торгово-промышленной палаты Республики Башкортостан по предпринимательству, членом экспертного совета при Комитете по промышленности, инновационному развитию и предпринимательству Государственного собрания – Курултая Республики Башкортостан, членом экспертного совета при Комитете по бюджетной, налоговой, инвестиционной политике и территориальному развитию Государственного собрания – Курултая Республики, членом консультативного совета по оценке регулирующего воздействия в Республике Башкортостан при Министерстве экономического развития Республики Башкортостан.

Профессор Маликов Р.И. награжден званием «Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации», ему присвоено почетное звание «Заслуженный деятель науки Республики Башкортостан», он награжден Почетными грамотами Министерства экономического развития Республики Башкортостан, Министерства образования и науки Республики Башкортостан, Благодарственным письмом Министерства предпринимательства и туризма Республики Башкортостан. Маликов Р.И. является членом-корреспондентом общественной Академии социальных технологий и местного самоуправления, выступал в 2010 г. экспертом в Программе TEMPUS project «International Networking for modernization of Tourism Education and Developing Academic Mobility» (Институт технического образования Пирей (Греция)).

По данным исследования «Оценка актуальности предпринимательской повестки сквозь призму наукометрии», проведенного экспертами Университета «Синергия» на основе наукометрического анализа международных

и российской баз данных научного цитирования: Web of Science Core Collection, Scopus, ядра РИНЦ, профессор Маликов Р.И. вошел в десятку ведущих российских ученых по направлению «предпринимательство», наряду с исследователями из Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Финансового университета при Правительстве Российской Федерации.

Маликов Р.И. стал победителем XII Международного конкурса методической, учебной и научной литературы «Золотой корифей», проходящего в г. Ростов-на-Дону в 2023 г. (I место в номинации «Экономические науки») в составе российско-белорусского авторского коллектива с коллегами из Полоцкого государственного университета имени Евфросинии Полоцкой (Зенькова И.В., Маликов Р.И., Павлов К.В.) за монографию «Социально-экономическая среда и её влияние на хозяйственные процессы на разных уровнях управленческой иерархии». В рамках программ академической мобильности российского и международного уровня и обмена опытом преподавателей он содействует развитию международных профессиональных связей с научным и педагогическим сообществом, участвует в составе оргкомитетов в проведении международных научно-практических конференций, форумов и семинаров, проводит лекционные занятия в вузах-партнерах УГНТУ. В рамках сотрудничества им прочитан курс лекций «Инструменты развития экосистемы молодежного предпринимательства» на базе Полоцкого государственного университета.

В период работы Р.И. Маликова в должности заведующего кафедрой «Проектный менеджмент и экономика предпринимательства» Института экосистем бизнеса и креативных индустрий Уфимского государственного нефтяного технического университета были открыты и успешно реализуются образовательные программы: бакалавриата 38.03.01 Экономика, профиль «Экономика предпринимательства и инноваций», 38.03.02 Менеджмент, профиль «Финансовый менеджмент и управление проектами», 09.03.03 Прикладная информатика, профиль «Цифровые технологии в бизнесе», магистерская программа 38.04.02 Менеджмент, профиль «Управление экосистемой бизнеса», аспирантуры 5.2.6 Менеджмент (экономические науки), 5.2.1 Экономическая теория (экономические науки).

Рустам Илькамович пользуется заслуженным уважением и авторитетом в коллективе и профессиональном сообществе. Высокая жизненная энергия и целеустремленность позволяют ему достигать действительно значимых результатов и служить примером для студентов и молодых сотрудников.

Редакция журнала «Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D Экономические и юридические науки» желает уважаемому юбиляру дальнейших успехов в профессиональной сфере, семейного счастья, крепкого здоровья и благополучия!

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 332.142.2

DOI 10.52928/2070-1632-2024-66-1-5-9

МОДУЛЬ «B2B» РЕГИОНАЛЬНОЙ ЦИФРОВОЙ ПЛАТФОРМЫ КАК ИНСТРУМЕНТ КООПЕРАЦИИ СТЕЙКХОЛДЕРОВ ЦЕПЕЙ ПОСТАВОК И РАЗВИТИЯ ПОЛИТИКИ ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЯ

Е.С. ВЕРЕТЕННИКОВА

(Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой)

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2358-2210>

Выявлены основные этапы разработки модуля «B2B» региональной цифровой платформы для сотрудничества и кооперации участников цепей поставок и других стейкхолдеров с целью управления региональными цепями поставок и развития политики импортозамещения. Разработаны алгоритмы принятия управленческих решений о целесообразности поддержки проектов импортозамещения в рамках модуля «B2B» региональной цифровой платформы, которые ускорят переход субъектов хозяйствования на производство конкурентоспособной инновационной продукции на внутреннем рынке, что будет способствовать обеспечению экономической безопасности и повышению конкурентоспособности территории.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований (грант БРФФИ Наука М Г23М-029).

Ключевые слова: цифровая платформа, управление региональными цепями поставок, импортозамещение, стейкхолдер, B2B.

Введение. В условиях западных санкций и ограничений, вызванных пандемией COVID-19, драйвером регионального экономического роста является региональная цифровая платформа для сотрудничества и кооперации участников цепей поставок и других стейкхолдеров, разработка и внедрение которой станет основой для эффективного диалога между местными органами власти, участниками цепей поставок и другими заинтересованными сторонами; стимулирования коммуникаций, доверительных отношений и партнерских связей между участниками цифровой платформы; роста эффективности деятельности участников цифровой платформы на основе обмена и совместного использования знаний; обеспечения прозрачности и достоверности информации о производителях (поставщиках) товаров и процессе движения товаров (контроль соблюдения сроков поставки); развития политики импортозамещения; создания условий для перехода на электронный документооборот; снижения негативного воздействия деятельности участников цепей поставок на окружающую среду и улучшение экологической ситуации региона [1].

Целью данной статьи является разработка и обоснование модуля «B2B» региональной цифровой платформы для сотрудничества и кооперации участников цепей поставок и других стейкхолдеров с целью развития политики импортозамещения.

Научная значимость результатов исследования состоит в решении важной научной проблемы управления региональными цепями поставок и развития политики импортозамещения в условиях западных санкций и постковидных ограничений с целью устойчивого регионального развития.

Основная часть. В современных условиях региональная цифровая платформа для сотрудничества участников цепей поставок и других стейкхолдеров – это элемент инфраструктуры устойчивого регионального развития, обеспечивающий открытое взаимодействие представителей местных органов власти, участников цепей поставок и других заинтересованных лиц с целью повышения их конкурентоспособности и конкурентоспособности региона в целом, а также удовлетворения потребностей населения в рамках устойчивого развития [1]. Региональная цифровая платформа может повысить прозрачность операций в режиме реального времени, что позволит лучше контролировать затраты, ценообразование и размер прибыли¹. Кооперируя деятельность, бизнес-партнеры смогут решать задачи цепи поставок так, чтобы сэкономить административные расходы, использовать передовой опыт и учиться друг у друга. Сотрудничество по всей цепочке создания стоимости позволит значительно снизить запасы за счет обмена надежными данными планирования, поэтапного изменения времени выполнения заказов за счет мгновенного предоставления информации по всей цепочке. Возможность обмена информацией – это новые организационные возможности и источник конкурентных преимуществ в эпоху цифровых технологий. Дополнительная возможность наблюдения за работой поставщиков и потребностями клиентов в режиме, близком к реальному времени, позволит владельцам цепи поставок развивать более сложные отношения с большим количеством поставщиков, тем самым защищая себя от сбоев в работе. Следовательно, региональная цифровая платформа для сотрудничества участников цепей поставок и других стейкхолдеров – это набор процессов с использованием передовых технологий, позволяющий определять функции каждой заинтересованной стороны в цепочке, а также способствующий принятию обоснованного решения по источникам, необходимым материалам, спросу на продукцию и другим аспектам деятельности.

¹ URL: <https://topo.cc/solutions/>.

Таким образом, используя инструменты совместной работы в цепи поставок для обмена данными в рамках региональной цифровой платформы, организации могут устранять неэффективность и организовать свои цепи поставок так, чтобы обеспечить бесперебойный поток информации, материалов и товаров.

Модуль «B2B» региональной цифровой платформы предназначен для управления региональными цепями поставок и развития политики импортозамещения. Процесс разработки модуля «B2B» региональной цифровой платформы состоит из следующих этапов:

- 1) присоединение к платформе всех потенциальных участников региональных цепей поставок и других стейкхолдеров;
- 2) картирование региональных цепей поставок;
- 3) принятие решений по проектированию эффективных цепей поставок;
- 4) отслеживание и управление рисками, связанными с потенциальными сбоями в региональных цепях поставок;
- 5) мониторинг эффективности региональных цепей поставок на основе принципов ESG².

Разработка инструментов и алгоритма принятия управленческих решений о целесообразности поддержки проектов импортозамещения на специальной цифровой платформе ускорит переход субъектов хозяйствования на производство конкурентоспособной инновационной продукции на внутреннем рынке, что подстегнет развитие процесса импортозамещения, повышающего экономическую безопасность страны.

Нами предлагаются две модели принятия решений о целесообразности поддержки импортозамещающих проектов на региональном уровне: 1) по вертикали; 2) по горизонтали. Критерии выбора модели идентифицируются стратегической необходимостью в развитии установленной отрасли для экономики государства и степенью готовности потенциальных стейкхолдеров к сотрудничеству и формированию региональных цепей поставок.

Алгоритм принятия решений о целесообразности поддержки импортозамещающих проектов «по вертикали» включает следующие этапы: 1) определение приоритетных отраслей и необходимой для производства продукции (проекта); 2) поиск стейкхолдеров, оценка их готовности к сотрудничеству и осуществлению проекта; 3) проектирование бизнес-процессов каждым стейкхолдером и цепи поставок в целом; 4) осуществление сотрудничества стейкхолдеров, реализация проекта; 5) оценка экономической эффективности проекта; 6) корректировка модели сотрудничества стейкхолдеров и конфигурации цепи поставок (рисунок 1).

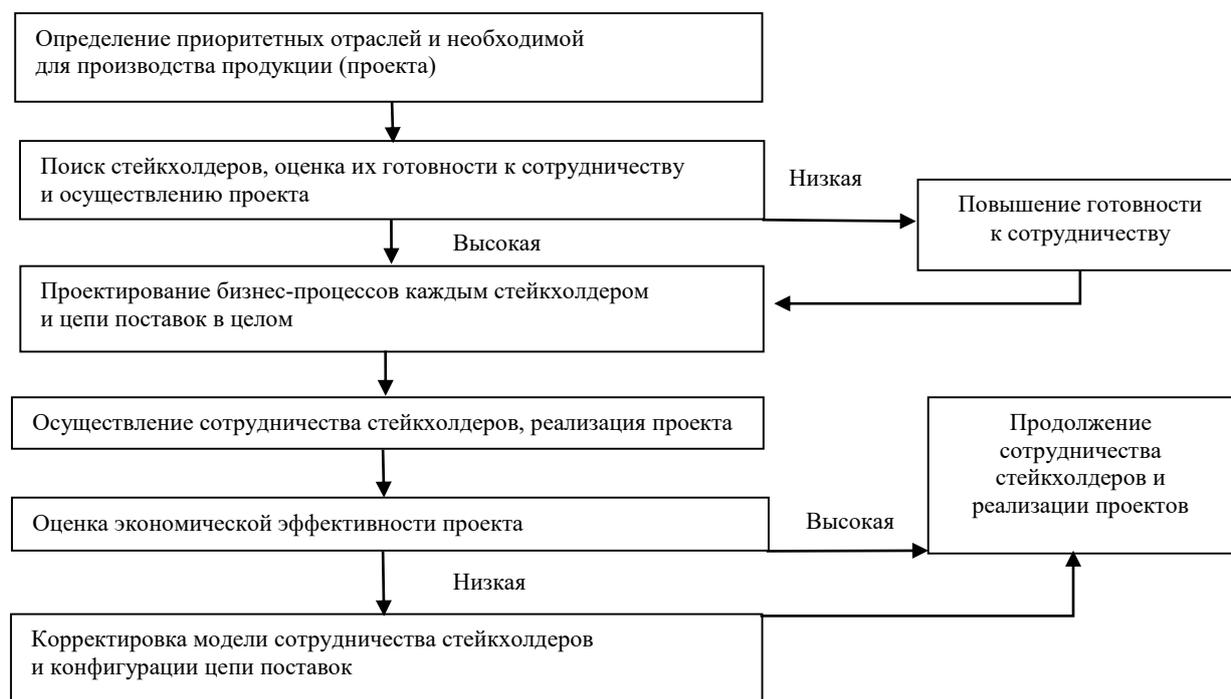

Рисунок 1. – Алгоритм принятия решений о целесообразности поддержки импортозамещающих проектов «по вертикали»

1. *Определение приоритетных отраслей и необходимой для производства продукции (проекта).* Решение о необходимости осуществления импортозамещающего проекта, а, следовательно, и организации сотрудничества стейкхолдеров, формирования цепи поставок принимается заинтересованным органом государственной власти. Основанием для принятия решения является реализация государственных программ и других стратегических документов, нормативно-правовых актов региона и страны в целом. Органы государственной власти определяют

² DOI: <https://doi.org/10.52928/2070-1632-2023-64-2-2-6>.

отрасли и перечень продукции, имеющие стратегическое значение для устойчивого развития экономики конкретной территории и страны в целом, размещают их на специальной электронной платформе. Как правило, эти отрасли имеют высокий потенциал роста и возможности создания новых рабочих мест.

Для эффективной реализации импортозамещающих проектов органам государственной власти следует максимально оказывать поддержку, а именно: предоставить возможность получения финансовой помощи в виде грантов и субсидий; создавать условия для информационной поддержки стейкхолдеров при оформлении финансовой помощи; предоставлять им доступ к инновационному оборудованию и технологиям с помощью строительства технопарков; обеспечить возможность обучения персонала; формировать условия для создания и развития региональных кластеров³.

2. *Поиск стейкхолдеров, оценка их готовности к сотрудничеству и осуществлению проекта.* Потенциальными стейкхолдерами могут стать промышленные предприятия, субъекты малого и среднего бизнеса, индивидуальные предприниматели, банки, кредитные и финансовые организации, инвесторы, изобретатели и исследователи, учреждения образования и другие заинтересованные лица. Основная цель сотрудничества стейкхолдеров – приобретение конкурентного преимущества, то есть возможности обеспечения почти такой же ценности для потребителей, как конкуренты, но с более низкими затратами или увеличением ценности для покупателя за счет использования более уникальной технологии, что дает возможность увеличить цену относительно цен конкурентов (дифференциация) [2, с. 43]. Для того чтобы исключить риск оппортунистического поведения, каждому стейкхолдеру следует пройти проверку. В данном случае фиксируются и удаляются субъекты хозяйствования, которые желают вступить в сотрудничество с целью применения общих ресурсов, не предлагая ничего взамен. У отобранных партнеров должны совпадать общие убеждения и интересы с целью обеспечения возможности согласования общих целей и задач в процессе проектирования цепи поставок. Если потенциальный стейкхолдер не соответствует данным требованиям, то ему следует совершенствовать свою деятельность для повышения готовности к сотрудничеству [3, с. 160].

3. *Проектирование бизнес-процессов каждым стейкхолдером и цепи поставок в целом.* На данном этапе выбирается управляющая компания, которая будет определять и контролировать перемещение материальных, финансовых и информационных потоков по цепи поставок.

Каждый стейкхолдер определяет: перечень работ, которые следует реализовать, чтобы получить заданный конечный результат; последовательность реализации работ; механизмы управления и контроля; исполнителей работ; входящую и исходящую документацию / информацию по каждому процессу работы; необходимые средства для реализации каждого процесса. Таким образом, каждый участник проектирует ключевые бизнес-процессы: прогнозирование спроса, управление запасами, производство, управление закупками и снабжением, транспортировка, упаковка, погрузочно-разгрузочные работы, складирование и обработка заказов, после чего формируется региональная цепь поставок.

Проектирование цепей поставок осуществляется с помощью одной из моделей: SCOR, DCOR, CCOR.

SCOR-модель (Supply Chain Operations Reference) – референтная модель, разработанная с целью планирования и проектирования эффективных цепей поставок, описания и измерения бизнес-процессов, протекающих в ней. Модель SCOR основана на пяти основных составляющих: планирование (plan); поставка (source); исполнение (make); распределение (deliver); цепь возврата (return). Участники цепи поставок приобретают возможность определить «узкие места» и спроектировать эффективные логистические системы.

DCOR-модель (Design-Chain Operations Reference) – референтная модель, которая детализирует операции при проектировании цепи поставок, что содействует осознанию процессов производства продукции и его ценности. Данная оптимизационная модель может являться дополнением SCOR-модели либо использоваться отдельно для модернизации определенных процессов в логистических системах.

CCOR-модель (Customer Chain Operations Reference) – референтная модель, разработанная для учета операций в цепях потребителей, что дает возможность рационально управлять продажами в логистических системах. С помощью данной модели формируются алгоритмы, содействующие оптимальным взаимоотношениям с покупателями продукции, эффективному обслуживанию⁴.

Процесс сотрудничества стейкхолдеров и проектирование эффективной цепи поставок предполагает формирование взаимного доверия и согласование целей, обмен информацией и неизбежные процессы адаптации.

4. *Осуществление сотрудничества стейкхолдеров, реализация проекта.* Основная цель данного этапа – эффективное функционирование региональной цепи поставок, для достижения которой следует выполнить следующие задачи:

– построение эффективного диалога между партнерами. Необходимо организовать общение сотрудников, ответственных за конкретные задачи цепи поставок. Следует проводить личные встречи стейкхолдеров и руководителей с целью появления доверия между всеми заинтересованными сторонами, участвующими в осуществлении проекта и формировании цепи поставок для уменьшения возможных негативных последствий и непонимания, связанного с взаимодействием через электронные средства связи;

– оценка стейкхолдера с позиции личного вклада в общую ценность проекта, а также получаемых им преимуществ и экономической эффективности от сотрудничества и формирования цепи поставок.

³ DOI: <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2020-3-7>.

⁴ DOI: <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2023-8-116-127>.

После решения указанных задач цепь поставок может начать свое функционирование. В процессе у стейкхолдеров могут появляться противоречия, связанные с несоответствием реальной ситуации и ожидаемой, поэтому руководителям необходимо своевременно выявлять желания и ожидания каждого участника, оценивать уровень удовлетворенности текущими событиями.

Основными задачами, которые требуется решить на данном этапе, являются:

- повышение коммуникативных связей и доверия;
- эффективная работа над выработкой и согласованием общих интересов участников цепи поставок.

5. *Оценка экономической эффективности проекта.* Оценка экономической эффективности проекта предлагается проводить на двух уровнях: 1) на уровне региона; 2) на уровне отдельных участников цепи поставок.

На уровне региона успешность реализации импортозамещающих проектов должна способствовать обеспечению безопасности региона, повышению его инновационности, росту конкурентоспособности, повышению устойчивости региона, уровня социально-экономического развития⁵. На уровне отдельных участников цепи поставок предлагается применять показатель роста конкурентоспособности стейкхолдера, которого можно достичь за счет выпуска инновационной продукции, уменьшения транзакционных издержек, расширения рынков сбыта и т.п. [3]. Также выгоду каждого стейкхолдера можно определить с помощью оценки альтернативных издержек, которые пришлось бы понести, если бы он не участвовал в сотрудничестве и сформированной цепи поставок [4].

6. *Корректировка модели сотрудничества стейкхолдеров и конфигурации цепи поставок.* При отрицательном экономическом эффекте реализации проекта, а также при выявлении случаев недобросовестного поведения некоторых стейкхолдеров, принимается решение об окончании сотрудничества с ними. В таких случаях происходит поиск новых участников цепи и изменение её конфигурации. Также при необходимости совершенствуется программное обеспечение для мониторинга и поддержки принятия решений в цепи поставок.

Алгоритм принятия решений о целесообразности поддержки импортозамещающих проектов «по горизонтали» включает следующие этапы: 1) оценка потенциала субъекта хозяйствования и возможности осуществления проекта; 2) принятие решения о возможности осуществления проекта; 3) поиск партнеров, оценка их готовности к сотрудничеству и осуществлению проекта; 4) осуществление сотрудничества стейкхолдеров, реализация проекта; 5) оценка экономической эффективности проекта; 6) корректировка модели сотрудничества стейкхолдеров и конфигурации цепи поставок (рисунок 2).

Рисунок 2. – Алгоритм принятия решений о целесообразности поддержки импортозамещающих проектов «по горизонтали»

Основным отличием алгоритма «по горизонтали» от предыдущего алгоритма «по вертикали» являются первые два этапа, суть которых заключается в следующем.

У субъекта хозяйствования появляется идея о реализации совместного импортозамещающего проекта, для оценки возможности осуществления которого он проводит анализ своего потенциала, возможностей и ресурсов. При положительно принятом решении, субъект хозяйствования размещает информацию на специальной электронной платформе для поиска партнеров и других заинтересованных лиц. Главным аргументом для стейкхолдеров

⁵ DOI: <https://doi.org/10.24891/fa.10.7.722>.

принять положительное решение об участии в импортозамещающем проекте и формировании цепи поставок является приобретение конкурентных преимуществ на рынке благодаря доступу к новым знаниям, усилению маркетинговой деятельности и снижению издержек, что в конечном итоге обеспечит повышение их конкурентоспособности. Сотрудничество и личное общение заинтересованных сторон имеет весомую роль в формировании региональных цепей поставок и способствует переходу к совместному производству знаний и ответственности.

Так, чтобы стать участником цифровой платформы модуля «B2B», необходимо будет пройти авторизацию, после чего у участника платформы появится свой личный кабинет. Раздел «Личный кабинет» будет включать всю необходимую для взаимодействия и сотрудничества в единой информационной среде информацию об участнике платформы.

Раздел «Участники» будет включать всех зарегистрированных пользователей. С добавлением большого количества заинтересованных пользователей возможно их разделение на группы «органы власти», «малое и среднее предпринимательство», «учреждения образования», «финансовые организации» и т.п.

Заключение. Регистрация участников цепей поставок и других стейкхолдеров на специальной цифровой платформе, их взаимодействие и сотрудничество в формате B2B приведет к ряду положительных факторов:

- повышению конкурентоспособности участников цепей поставок и в целом региона;
- взаимовыгодному сотрудничеству всех участников;
- получению синергетического эффекта от совместной деятельности;
- снижению транзакционных издержек;
- совместному применению инновационной продукции, услуг, методов и способов управленческой деятельности;
- содействию межотраслевой интеграции;
- развитию импортозамещения в экономике.

Дальнейшие исследования будут посвящены разработке и обоснованию других возможных модулей региональной цифровой платформы с целью удовлетворения потребностей населения и повышения качества и уровня жизни, развития и кооперации науки, бизнеса и образования, кросс-кластерной кооперации и привлечения инвесторов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Веретенникова Е.С. Цифровая платформа как инструмент интеграции и сотрудничества участников цепей поставок региона: сущность, задачи, перспективы использования // Актуальные проблемы экономики и менеджмента. – 2021. – № 4(32). – С. 26–33.
2. Холленсен С. Глобальный маркетинг. – М: ООО «Новое знание», 2004. – 832 с.
3. Слонимская М.А. Сетевые формы организации экономики; науч. ред. А.Е. Дайнеко. – Минск: Беларуская навука, 2018. – 279 с.
4. Ткаченко И.Н., Злыгостев А.А. Оценка вклада стейкхолдеров в стоимость компании: пример российского банковского сектора // Управленец. – 2018. – Т. 9, № 4. – С. 40–52.

Поступила 14.03.2024

“B2B” MODULE OF THE REGIONAL DIGITAL PLATFORM AS A TOOL FOR COOPERATION OF SUPPLY CHAIN STAKEHOLDERS AND DEVELOPMENT OF IMPORT SUBSTITUTION POLICY

E. VERETENNIKOVA
(Euphrosyne Polotskaya State University of Polotsk)

The main stages in the development of the “B2B” module of a regional digital platform for collaboration of supply chain participants and other stakeholders have been identified in order to manage regional supply chains and develop import substitution policies. Algorithms have been developed for making management decisions on the feasibility of supporting import substitution projects within the “B2B” module of the regional digital platform, which will accelerate the transition of business entities to the production of competitive innovative products in the domestic market, which will help ensure economic security and increase the competitiveness of the territory.

The study was carried out with financial support from the Belarusian Republican Foundation for Basic Research (BRFFR Nauka M G23M-029 grant).

Keywords: *digital platform, regional supply chain management, import substitution, stakeholder, B2B.*

УДК 330

DOI 10.52928/2070-1632-2024-66-1-10-15

ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПОВ «ЗЕЛеной» ЭКОНОМИКИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Р.В. ГАВРИЛОВ

(Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой)

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4384-6092>

В статье представлен анализ ключевых эколого-социальных показателей Республики Беларусь за период с 2010 по 2022 год. Обозначены положительные и отрицательные тенденции в области экологического и социального развития в республике. Выделены и систематизированы основные экологические и социальные предпосылки, влияющие на развитие «зеленой» экономики в стране. Подчеркнуто, что нерешенные проблемы в экологической и социальной сферах являются ключевыми вызовами для устойчивого развития страны. Обоснована актуальность и приоритетность оценки экологической и социальной компоненты при переходе к новой модели экономического роста. Представлены систематизированные факторы, оказывающие негативное влияние на устойчивое развитие «зеленой» экономики в республике.

Ключевые слова: «зеленая» экономика, устойчивое развитие, экологические предпосылки, социальные предпосылки, инклюзивная экономика, экономический рост.

Введение. Обсуждения по проблемам соотношения между устойчивым развитием и устойчивым ростом делятся уже не одно десятилетие. Ввиду глобального изменения климата эти проблемы вышли на первый план. Многие ученые-экономисты, среди которых Нобелевский лауреат Р. Солоу, высказывают мнение, что экономическая модель, основанная на росте валового внутреннего продукта (ВВП) довольно рискованна [1]. Дж. Стиглиц и А. Сена в своем докладе «Об изменении экономической эффективности и социального прогресса» делают акцент на тот факт, что ВВП не охватывает социальные процессы, изменения в окружающей среде и другие изменения, с которыми связывают «устойчивость» развития¹. Как отмечает Г. Верхар: «Сосредоточение на ВВП как основном показателе роста закрыло нас в линейной модели общества ...»². Очевидно, что большая часть природного капитала не находит отражения в ВВП. Данный факт отмечает Экономический и Социальный Совет ООН в своем докладе «Оценка экосистем на пороге тысячелетия», где говорится: «страна может вырубить свои леса и истощить рыбные запасы, и это показало бы только увеличение ВВП (мера сегодняшнего экономического благополучия), не регистрируя соответствующего снижения активов (богатства), являющихся более корректным критерием оценки будущего экономического благополучия»³. Данный вывод подтверждается базовыми документами ООН, где закреплено, что переход к устойчивому развитию – приоритетная задача, а устойчивое развитие предполагает высокий уровень социального и экологического роста.

Как отмечено в монографии «Проблемы представления информации о результатах ESG-поведения в отчетности компаний для реализации целей устойчивого развития» [2, с. 164], отсутствие у субъектов структурированных эколого-ориентированных данных негативно характеризует их социальную ответственность, не способствует экологизации производства и его показателей, снижает практическую значимость получаемой информации, затрудняет принятие своевременных управленческих решений. Беларусь обладает богатым природным и человеческим потенциалом, развитой промышленностью, но при этом относится к странам, которые оставляют значительный экологический след (4,2 глобального гектара), что более чем в 1,5 раза превышает среднемировой показатель (2,8 глобального гектара)⁴. В этой связи в реализации «зеленой» экономики видится действенный и эффективный инструментальный устойчивого развития, изменения мотивации поведения человека, предотвращения дисбаланса в экосистемах, в связи с чем в переходном периоде развития экономики приоритетное значение имеет формирование эффективного экономического механизма природопользования [3, с. 140].

Интересным представляется мнение С.Н. Бобылева, который отмечает, что важнейшим вопросом для экологизации экономики, перехода к устойчивому типу развития является вопрос механизмов реализации эколого-ориентированного развития [4, с. 355]. По мнению автора, для реализации подобного механизма необходимо, чтобы субъекты хозяйствования располагали более полной информацией о состоянии экологической и социальной компоненты, выраженной не только через общий показатель ВВП, но и частные. Все это свидетельствует о приоритетности оценки экологической и социальной компоненты, так как на макроэкономическом уровне всё ещё используется показатель ВВП для оценки взаимосвязи потребления ресурсов и объема производства. Систематизация и учет экологических и социальных предпосылок при переходе к новой «зеленой» модели развития

¹ URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/documents/8131721/8131772/Stiglitz-Sen-Fitoussi-Commission-report.pdf>.

² Устойчивое развитие: новая модель развития для XXI века. – URL: <https://www.unep.org/ru/novosti-i-istorii/story/ustoychivoerazvitie-novaya-model-razvitiya-dlya-xxi-veka>

³ Millennium Ecosystem Assessment, 2005. Ecosystems and Human Well-being: Synthesis. – Island Press, Washington, DC. – P. 23.

⁴ Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь, 17.12.2021, 5/49733.

в целях предоставления оперативной информации о состоянии экологической и социальной компоненты будут способствовать своевременному принятию управленческих решений.

Целью исследования является анализ эколого-социальных показателей Республики Беларусь для выявления и систематизации основных предпосылок, негативно влияющих на устойчивое развитие «зеленой» экономики в республике. В качестве объекта исследования выбрана Республика Беларусь, предметом выступают основные макроэкономические показатели экологического и социального развития.

Практическая значимость данного исследования заключается в систематизации экологических и социальных рисков развития «зеленой» экономики в республике, что позволит улучшить понимание ключевых вызовов и проблем, с которыми сталкивается страна в контексте развития «зеленой» экономики, своевременно скорректировать управленческие решения по достижению целей устойчивого развития. Оно может послужить основой для разработки механизма, направленного на устранение обозначенных негативных факторов на пути достижения целей «зеленой» экономики. Исследование эколого-социальных показателей республики выполнено на основе статистических данных Национального статистического комитета Республики Беларусь за 2010–2022 гг. и международных рейтингов, в которых дана оценка проводимой эколого-социальной политике в стране. Были использованы следующие методы: анализ, синтез, научная абстракция и обобщение.

Основная часть. Республика Беларусь считает «зеленую» экономику стратегическим инструментом устойчивого развития, и постепенно начала принимать последовательные меры по имплементации идейных принципов и методологических подходов в национальную экономику. Тем не менее, постоянная угроза истощения природных ресурсов, возрастание экологической и демографической нагрузки на экономику являются одними из центральных препятствий устойчивого экономического роста. Реализация «зеленых» принципов создаст условия для «зеленой» экономики, содействующей достижению экономического роста. «Зеленая» экономика – это взаимоувязанное развитие элементов системы, направленное на преодоление текущего ущерба и формирование долгосрочной устойчивости [5], что соответствует целям и задачам Национальной стратегии устойчивого развития Республики Беларусь до 2035 года⁵ в контексте трех компонентов – экологического, социального и экономического.

Исследованием экономики природопользования и решением экологических вопросов занимались многие ученые: С.Н. Бобылев, С.А. Боголюбов, В.В. Глухов, Н.П. Донской, С.И. Колесникова, С.С. Маглыш, А.В. Неверов, Н.К. Соколовский, Е.Т. Тимонова, Н.Ф. Реймерс, Т.С. Хачатуров, А.Ш. Ходжаев, О.С. Шимова и др. Наиболее существенный вклад в изучение проблемы экономики устойчивого развития привнесли труды Дж. Пиззи, М. Томана, Дж. Боулинга, Д. Пирса, ключевой идеей которых стал пересмотр стратегической модели поведения в связи с тем, что потери биоразнообразия достигли чрезвычайного уровня.

В нашей стране на пути «зеленого» развития были созданы важные правовые основы, включающие разработку и принятие соответствующих нормативно-правовых актов, которые позволили ввести в национальную экономику экологические принципы, снизив экологические риски и создав условия для улучшения качества жизни населения. Так, в Индексе достижения глобальных целевых показателей Целей устойчивого развития в 2020 г. Беларусь заняла 18-е место (78,8 балла из 100), что в целом выше средней оценки по региону Восточной Европы (70,9). Однако необходимо учесть, что из 17 Целей устойчивого развития 7 относятся к экологическим и, несмотря на достигнутый прогресс, остается ряд вопросов, требующих дальнейшего решения. В частности, имеются проблемы в области обеспечения рационального использования водных ресурсов, остается актуальным вопрос с обеспечением повсеместно доступа к современным источникам энергии, проблема в сфере обращения с крупнотоннажными отходами производства калийных удобрений и токсичными отходами.

Согласно Индексу экологической эффективности Беларуси⁶ на 2022 г. республика заняла 55 позицию со значением 48,5, и значительно отстает от лидеров в экологическом развитии. Несмотря на позитивные тенденции в обеспечении доступа к питьевой воде и санитарным условиям, качеству воздуха, оценке биоразнообразия и среды обитания, наиболее проблемными показателями являются «Изменение климата», «Жизнеспособность экосистем», «Качество воздуха» и «Выбросы загрязняющих веществ». Данные обстоятельства свидетельствуют о наличии эколого-экономических проблем и необходимости принятия изменений в проводимой политике в области окружающей среды и экологии.

Также отмечается низкая эффективность усилий в сфере защиты климата. Согласно Индексу эффективности борьбы с изменением климата в 2021 г. республика находилась на 36-й позиции рейтинга, а в 2023 г. уже на 46-м месте⁷. Навысшей оценкой отмечены достижения за использование энергетики (8-е место), наименьшей – достижения в области возобновляемых источников энергии (57-е место). Имеются некоторые проблемы по критерию «политика в области климата» (36-я позиция) и по выбросам парниковых газов (45-я позиция).

Национальным статистическим комитетом Республики Беларусь для оценки процессов, ведущих к экологизации экономики, используются показатели экологической и ресурсной эффективности производства и потребления, которые приведены в таблице 1.

⁵ URL: <https://economy.gov.by/uploads/files/ObsugdaemNPA/NSUR-2035-1.pdf>.

⁶ URL: <https://epi.yale.edu/downloads/epi2022report06062022.pdf>.

⁷ URL: <https://ccpi.org/wp-content/uploads/CCPI-2023-Results-3.pdf>.

Таблица 1. – Статистические показатели экологической и ресурсной эффективности экономики за 2015–2022 гг.⁸

Наименование показателя	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
Углеродная эффективность, привязанная к производству, руб. / кг	1,5	1,6	1,8	2,0	2,2	2,5	2,9	–
Углеродная эффективность, привязанная к спросу, руб./кг	1,5	1,6	1,7	1,9	2,1	2,4	2,8	–
Энергоэффективность (ВВП в ценах 2005 года), тыс. руб. / кг усл. топ-ва	2,7	2,7	2,7	2,6	2,7	2,7	2,6	2,7
Энергоемкость ВВП (ВВП в ценах 2005 года), кг усл. топ-ва / млн. руб.	369,9	374,5	376,1	380,2	371,0	364,3	387,7	367,0
Доля производства электрической энергии за счет использования возобновляемых источников энергии в общем объеме производства электрической энергии, %	0,9	1,1	2,2	1,8	2,5	3,4	3,2	3,5
Интенсивность образования отходов производства на единицу ВВП, кг / руб.	0,55	0,52	0,52	0,50	0,45	0,41	0,35	0,21
Коэффициент регенерации отходов производства, k	0,2	0,3	0,3	0,3	0,3	0,4	0,3	0,5
Эффективность использования водных ресурсов, руб. / м ³	61,4	63,0	72,6	84,0	97,0	109,5	121,6	134,3

Из приведенных показателей следует, что за период с 2015 по 2021 год наблюдается положительная динамика углеродной эффективности как в производстве, так и в спросе, что свидетельствует о снижении выбросов углерода на единицу продукции и потребления. Уровень энергоэффективности в анализируемом периоде остается стабильным, находится в диапазоне 2,6 – 2,7 тыс. руб. / кг усл. топ-ва и может указывать на относительно эффективное использование энергии в экономике страны. Однако энергоемкость экономики характеризуется колебательными изменениями с заметным увеличением энергоемкости ВВП в 2021 г. (387,7 кг усл. топ-ва / млн руб. ВВП), что может свидетельствовать об изменении в структуре экономики и менее эффективном использовании ресурсов. Наблюдается положительная динамика по показателю производства электрической энергии за счет использования возобновляемых источников энергии в общем объеме производства электрической энергии, доля которой увеличилась с 0,9% в 2015 г. до 3,5% в 2022 г. Наблюдается положительная динамика в области снижения интенсивности образования отходов производства с 2015 по 2022 год с 0,55 кг / руб. до 0,21 кг/руб., что отражает более эффективное использование ресурсов в экономике. Данный факт дополнительно подтверждается ростом коэффициента регенерации отходов производства, который также увеличивается с 2015 по 2022 год с 0,2 до 0,5. В совокупности оба показателя свидетельствуют о более устойчивом и экологически ответственном подходе к производству и потреблению, подчеркивая прилагаемые политиками усилия в области переработки и повторного использования отходов.

В то же время наблюдаются некоторые проблемы в области возобновляемых и невозобновляемых ресурсов, необходимых для экономической деятельности (таблица 2).

Таблица 2. – Динамика природных активов Республики Беларусь за 2010–2022 гг.⁹

Период	Индекс эксплуатации водных ресурсов (по однолетнему стоку), %	Площадь сельскохозяйственных земель, тыс. га	Площадь прочих земель, тыс. га
2010	2,2	–	–
2011	2,8	8 898	1 953
2012	2,6	8 874	1 963
2013	2,1	8 817	2 025
2014	3,8	8 726	2 075
2015	4,9	8 632	2 166
2016	3,4	8 582	2 150
2017	2,3	8 540	2 180
2018	2,5	8 502	2 212
2019	3,6	8 460	2 235
2020	3,5	8 391	2 291
2021	2,9	8 284	2 366
2022	–	8 176	2 430

Из приведенных показателей следует, что Индекс эксплуатации водных ресурсов в анализируемом периоде имеет колебания, изменяясь от 2,1% до 4,9%. В целом, большая часть значений индекса находится выше среднего, что может свидетельствовать об интенсивном использовании водных ресурсов в стране. В то же время периодические колебания указывают на потенциал для улучшения эффективности использования водных ресурсов. С 2011 по 2022 год площадь

⁸ URL: <https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/makroekonomika-i-okruzhayushchaya-sreda/okruzhayushchaya-sreda/pokazateli-zelenogo-rosta/ekologicheskaya-i-resursnaya-effektivnost-ekonomiki/>.

⁹ URL: <https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/makroekonomika-i-okruzhayushchaya-sreda/okruzhayushchaya-sreda/pokazateli-zelenogo-rosta/prirodnye-aktivy/>.

сельскохозяйственных земель снизилась на 801 тыс. га, в то время как площадь прочих земель увеличилась за этот период на 511 тыс. га. Ситуация указывает на изменения в структуре земельного фонда Республики Беларусь, которые несут негативные последствия для сельского хозяйства и устойчивости использования природных ресурсов.

В стране наблюдаются некоторые проблемы в области обеспечения экологических условий, влияющих на качество жизни населения через процессы загрязнения воздуха и воды, изменения климата (таблица 3).

Таблица 3. – Динамика экологических условий, влияющих на качество жизни населения в Республике Беларусь за 2010–2022 гг.¹⁰

Период	Выбросы загрязняющих веществ в атмосферный воздух, кг/чел	Углеводороды, включая неметановые летучие органические соединения, кг/чел	Сумма совокупных выбросов парниковых газов, млн т CO ₂ -эквивалента в год	Отходы производства на душу населения, кг/чел	Площадь земель, подверженных водной и (или) ветровой эрозии, %	Площадь с/х земель, подвергшиеся радиоактивному загрязнению, %
2010	139,1	32,4	46,09	4 615,80	–	–
2011	139	34,3	48,99	4 682,90	–	–
2012	147	39	48,44	4 323,90	–	–
2013	145,5	40,2	47,77	4 268,10	–	–
2014	142,2	40,9	44,5	5 559,50	–	–
2015	133,1	39,8	47,45	5 270,60	–	–
2016	131,5	39,7	52,29	5 221,90	2,7	1,2
2017	131,2	40,6	52,29	5 868,10	2,7	1,2
2018	130,9	40,9	56,66	6 433,40	2,7	1,2
2019	127,6	39,1	52,49	6 458,40	2,7	1,2
2020	124,9	37,8	48,91	6 522,80	2,7	1,2
2021	128,2	40,1	46,09	6 691,70	2,7	1,2
2022	–	–	48,99	4 344,00	2,7	1,2

За рассматриваемый период наблюдается устойчивая тенденция к снижению выбросов основных загрязняющих веществ на душу населения. Показатель снизился с 139,1 кг/чел в 2010 г. до 128,2 кг/чел в 2021 г., общее снижение выбросов на душу населения составило около 10,9 кг/чел. Это важное достижение для снижения экологической нагрузки и защиты окружающей среды. Однако, несмотря на положительную тенденцию, показатель выбросов загрязняющих веществ на душу населения остается на высоком уровне, в этой связи необходимы дальнейшие усилия в области сокращения выбросов вредных веществ. Начиная с 2010 г. наблюдается увеличение выбросов углеводородов, включая неметановые летучие органические соединения, на душу населения с 32,4 кг/чел в 2010 г. до 40,1 кг/чел в 2021 г., а также совокупных выбросов парниковых газов с 46,09 млн т CO₂-эквивалента в год в 2010 г. до 48,99 млн т CO₂-эквивалента в год в 2022 г. Остаются нерешенными экологические проблемы в области деградации земель (площадь земель, подверженных водной и (или) ветровой эрозии, составляет около 2,7% территории страны) и химическое загрязнение почвы (площадь сельскохозяйственных земель, подвергшиеся радиоактивному загрязнению в 2022 г. составляет 1,2% территории). Не решены вопросы по уменьшению объемов образования отходов производства и жизнедеятельности населения и вовлечения их в экономический оборот.

Рассмотрим более подробно социальные предпосылки реализации принципов «зеленого» развития экономики в Республике Беларусь. Современные реалии обусловили приоритет социальной составляющей в развитии общества, что главным образом связано с возрастающей значимостью человеческого фактора в экономике. В Беларуси внедрена собственная модель социальной политики, в первую очередь, ориентированная на рост реальных доходов населения и поддержку социально уязвимых граждан, повышение рождаемости и продолжительности жизни, обеспечение эффективной занятости. Основные социально-демографические параметры Республики Беларусь за 2010–2022 гг. приведены в таблице 4.

Таблица 4. – Динамика социально-демографических параметров Республики Беларусь за 2010–2022 гг.¹¹

Наименование показателя	2010	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
Среднегодовая численность населения, тыс. чел.	9 483	9 461	9 469	9 458	9 438	9 419	9 379	9 302	9 228
Коэффициент старения населения, %	92,0	87,3	87,3	88,1	89,1	91,3	93,0	94,2	98,9
Общий коэффициент рождаемости, ‰	11,4	12,5	12,4	10,8	9,9	9,3	–	–	–
Суммарный коэффициент рождаемости, к	1,49	1,72	1,73	1,54	1,45	1,38	–	–	–
Общий коэффициент смертности, ‰	14,5	12,7	12,6	12,6	12,7	12,8	–	–	–
Миграционный прирост, убыль (-), тыс. чел.	10,3	18,5	7,9	3,9	9,4	13,9	–	–	–
Уровень фактической безработицы (по методологии МОТ), %	–	5,2	5,8	5,6	4,8	4,2	4,0	3,9	3,6
Коэффициент выпуска специалистов с дипломом о высшем образовании, %	47,2	66,9	69,0	80,4	69,8	65,8	63,7	63,5	63,9

¹⁰ URL: <https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/makroekonomika-i-okruzhayushchaya-sreda/>.

¹¹ См. сноску № 8.

По состоянию на 1 января 2023 г. население страны составило 9 228 тыс. человек, республика занимает 7-е место среди стран СНГ и 97-е в мире по численности населения. Наибольшая численность населения была зафиксирована в 1997 году – 10 243,5 тыс. человек. С 1995 года в стране наблюдается сокращения общей численности населения. Таки образом, депопуляция является одним из ограничителей экономического роста Беларуси.

Структура населения Беларуси по полу сбалансирована. Женское население составляет 53,81%, мужское – 46,19%. Однако в старших возрастных группах численность женщин значительно превышает численность мужчин, что обусловлено более высокой смертностью мужского населения. Стоит отметить, что до 2010 г. трудоспособное население достигало максимальной численности, что в значительной степени выступало драйвером экономики. За 2010–2022 гг. его доля в общей численности населения снизилась с 61,4% до 58%, в то время как доля населения старше трудоспособного возраста за этот период увеличилось с 22,7% до 23,5%. Соответственно, четверть населения страны находится в возрасте старше трудоспособного.

Также отмечается негативная тенденция, вызванная постепенным старением населения. Доля численности лиц в возрасте 65 лет и старше к численности детей в возрасте до 14 лет выросла в 2022 г. до 98,9% по сравнению с 87,3 в 2015 г. Во многом старение общества вызвано возрастающей демографической нагрузкой на население трудоспособного возраста населением нетрудоспособных возрастов и сокращением рождаемости. Так, демографическая нагрузка с 2010 по 2019 годы на тысячу человек трудоспособного населения увеличилась с 629 до 730 человек. Общий коэффициент рождаемости в 2010 г. составлял 11,4% и постепенно рос до 12,5% в 2015 г., в последующем наметился отрицательный тренд: до 9,3% к 2019 г. Отрицательная динамика также наблюдается и по суммарному коэффициенту рождаемости, несмотря на рост с 2010 по 2016 год с 1,49 до 1,73, К 2019 г. показатель снизился до 1,38.

Актуальной остается проблема высокой заболеваемости населения и смертности трудоспособного населения. По сравнению с 2010 г. число умерших в 2019 г. уменьшилось до 12,8% и общий показатель смертности с 2010 г. сократился на 1,6 %. Доля населения трудоспособного возраста в общем числе умерших с 2010 по 2018 г. сократилось с 23,41 до 19,4%, что всё так же остается высоким показателем. Миграционная ситуация в период с 2010 по 2019 год характеризуется миграционным приростом. В 2019 г. сальдо внешней миграции составило 13,9 тыс. чел. по сравнению с 10,3 тыс. чел. в 2010 г., что частично позволило компенсировать естественную убыль населения. Уровень фактической безработицы остается на довольно высоком уровне, не смотря на положительную тенденцию к снижению (с 2016 г. снизился на 2,2 процентных пункта).

Стоит отметить, что в республике принят ряд нормативных документов в трудовой сфере и сфере социального обеспечения, что позволило в 2020 г. занять 50-е место в рейтинге Глобального индекса человеческого развития, однако с 2021 г. наметился спад (53-е место, а в 2022 – 60-е место среди 191 страны)¹². Несмотря на значительные успехи в социальной сфере, например, в наиболее значимой составляющей рейтинга – ожидаемая продолжительность жизни – 72,4 года, по данному показателю Беларусь отстает от развитых стран и соседей по региону. Например, в Швейцарии, находящейся на втором месте, ожидаемая продолжительность жизни составляет 84,0 года; соседи по региону: Эстония – 77,1 года, Польша – 76,5, Литва – 73,7, Латвия – 73,6 года. Опережает Республика Беларусь Российскую Федерацию (69,4 года).

За исследуемый период количество специалистов с дипломом высшего образования снизилось с 80,4% до 63,9%. По индексу уровня образования республика сопоставима с развитыми странами, но количество ожидаемых лет обучения снизилось с 15,6 в 2018 г. до 15,2 в 2022 г. Беларусь находится на уровне стран с очень высоким индексом человеческого развития, таких как Лихтенштейн – 15,2, Япония – 15,2, Франция – 15,8. Перемещение страны на 60-е место в рейтинге во многом связано с низким и медленно растущим валовым доходом на душу населения с поправкой на паритет покупательной способности. Валовой доход на душу населения составляет \$18,849 тыс., что значительно ниже, чем у стран с очень высоким индексом человеческого развития, например, Швейцарии (\$66,933 тыс.). У соседей по региону показатели следующие: Эстония – \$38,048 тыс., Польша – \$33,034 тыс., Литва – \$37,931 тыс., Латвия – \$32,803 тыс., Российская Федерация – \$27,166 тыс.

Таким образом, исследование экологической и социально-демографической ситуации в стране позволило выделить экологические и социальные предпосылки, оказывающие негативное влияние на устойчивое развитие «зеленой» экономики в Республике Беларусь (таблица 5).

Таблица 5. – Экологические и социальные предпосылки, негативно влияющие на развитие «зеленой» экономики в Республике Беларусь

Экологические предпосылки	Социальные предпосылки
1	2
1. Высокий экологический след. 2. Проблемы в области обеспечения доступности и рационального использования водных ресурсов. 3. Обеспечение всестороннего доступа к устойчивым источникам энергии. 4. Высокая энергоёмкость экономики. 5. Риск истощания невозобновляемых природных ресурсов и неустойчивого использования возобновляемых ресурсов.	1. Депопуляция населения. 2. Старение трудоспособного населения. 3. Рост демографической нагрузки. 4. Снижение рождаемости. 5. Проблемы в области здоровья (высокая заболеваемость и смертность среди трудоспособного населения). 6. Миграционная ситуация. 7. Уровень безработицы и уровень занятости населения.

¹² URL: <https://hdr.undp.org/system/files/documents/global-report-document/hdr2021-22overviewrupdf.pdf>.

Окончание таблицы 5.

1	2
6. Интенсивное использование водных ресурсов. 7. Сокращение площади сельскохозяйственных угодий. 8. Увеличение выбросов углекислого газа и парниковых газов. 9. Деградация земель и химическое загрязнение почвы, ухудшающие качество сельскохозяйственных угодий. 10. Образование отходов от производства и жизнедеятельности населения, требующих управления и включения их в экономический оборот	8. Снижение числа специалистов с высшим образованием. 9. Низкий темп прироста внутреннего валового дохода на душу населения. 10. Недостаточное развитие человеческого капитала и социальных индикаторов

Обозначенные аспекты позволят улучшить понимание ключевых вызовов и проблем, с которыми сталкивается Республика Беларусь в контексте развития «зеленой» экономики. Они также могут послужить основой для разработки механизма, направленного на устранение этих негативных факторов, и приблизить достижение целей «зеленой» экономики.

Заключение. По результатам проведенного исследования изучены основные эколого-социальные показатели Республики Беларусь за период с 2010 по 2022 год, выявлены положительные и отрицательные тенденции в развитии экологической и социальной компонент. Обозначено, что «зеленая» экономическая модель не может строиться только на росте ВВП, обоснована актуальность и приоритетность оценки экологической и социальной компоненты при переходе к новой модели экономического роста. Новизна проведенного исследования заключается в систематизации экологических и социальных предпосылок, оказывающих негативное влияние на устойчивое развитие «зеленой» экономики в Республике Беларусь, что позволило улучшить понимание ключевых вызовов и проблем, с которыми сталкивается страна в контексте развития «зеленой» экономики.

Прикладная ценность результатов исследования заключается в предоставлении основ для разработки механизма, направленного на устранение выявленных экологических и социальных факторов, которые могут оказывать негативное влияние на устойчивое развитие «зеленой» экономики в республике. Систематизированные предпосылки представляют практический инструмент для формирования политики, способствующей устойчивому развитию, а также могут быть полезны для дальнейшего исследования в данной сфере.

ЛИТЕРАТУРА

1. Solow R.M. Sustainability: an economist’s perspective. Paper presented at the XVIII J. Seward Johnson Lecture to the Marine Policy Center / Woods Hole Oceanographic Institution at Woods Hole. – Massachusetts, 1991.
4. Problems of presenting information on the results of ESG-behavior in the reporting of companies for the implementation of SDGs / I. Golochalova, M. Cojocar, L. Masko, R. Gavrilov. – Chişinău: [S. n.], 2023 (Print-Caro). – 184 p.
5. Голочалова И., Кожокару М., Масько Л. Проблемы представления информации о результатах ESG-поведения в отчетности компаний для реализации целей устойчивого развития. – Кишинэу: Б. и., 2023 (Print-Caro). – 193 с.
6. Бобылев С.Н., Ходжаев А.Ш. Экономика природопользования. – М.: ИНФРА-М, 2004. – 448 с.
7. Гаврилов Р.В., Масько Л.В. «Зеленая» экономика в контексте устойчивого развития общества: экономическая сущность и определение // Studia Universitatis Moldaviae. Seria “Stiinte Exacte Si Economice”. – 2020. – № 7(137). – С. 187–196.

Поступила 04.02.2024

ECOLOGICAL AND SOCIAL PREREQUISITES FOR IMPLEMENTING THE PRINCIPLES OF THE 'GREEN' ECONOMY IN THE REPUBLIC OF BELARUS

R. GAVRILOV
(Euphrosyne Polotskaya State University of Polotsk)

The article presents an analysis of key eco-social indicators of the Republic of Belarus for the period from 2010 to 2022. Positive and negative trends in the ecological and social development of the country are outlined. The primary ecological and social factors influencing the development of the "green" economy in the country are identified and systematized. It is emphasized that unresolved issues in the ecological and social spheres pose significant challenges to the sustainable development of the country. The relevance and priority of evaluating the ecological and social components in transitioning to a new model of economic growth are justified. Systematized ecological and social factors negatively impacting the sustainable development of the "green" economy in the republic are presented.

Keywords: green economy, sustainable development, environmental prerequisites, social prerequisites, inclusive economy, economic growth.

УДК 657.631.6

DOI 10.52928/2070-1632-2024-66-1-16-21

ВНУТРЕННИЙ АУДИТ В КОНЦЕПЦИИ КОНТРОЛЯ*канд. экон. наук, доц. С.А. ДАНИЛКОВА, д-р экон. наук, проф. Д.А. ПАНКОВ**(Белорусский государственный экономический университет, Минск)**Светлана Данилкова ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0243-5342>;**Дмитрий Панков ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2898-7225>*

В статье на основе многолетнего международного опыта становления и развития внутреннего аудита, научных публикаций, практики отечественных, российских, зарубежных субъектов предпринимательской деятельности рассмотрены вопросы распознавания сущности внутреннего аудита в концепции контроля. Авторами обоснован дуализм внутреннего аудита как формы аудита и элемента системы внутреннего контроля, что позволяет всесторонне идентифицировать его сущность в отличие от существующего комплекса односторонних взглядов как контрольного мероприятия. Анализ суждений различных ученых по исследуемой проблеме позволил генерализовать основные компоненты внутреннего аудита и раскрыть их содержание в концепции контроля.

Ключевые слова: *внутренний аудит, контроль, форма контроля, способ контроля, контрольная деятельность, система контроля, элемент внутреннего контроля, внешний аудит.*

Введение. В Республике Беларусь внутренний аудит получил наибольшее развитие в финансовой сфере. Однако, согласно как отечественному, так и зарубежному законодательству субъекты хозяйствования, желающие разместить свои ценные бумаги на фондовой бирже, должны создавать подразделения внутреннего аудита. Нормативные правовые акты по корпоративному управлению также предписывают наличие службы внутреннего аудита. Зачастую как законодатель, так и субъекты предпринимательской деятельности, ученые отождествляют внутренний аудит с контрольными мероприятиями – проверками, ревизией, – целью которых является изучение состояния бухгалтерского учета, обеспечение сохранности имущества, пресечение нарушений. Такой подход обусловлен наличием ряда проблем: отсутствием национального профильного основополагающего законодательства, регулирующего внутренний аудит, недостаточная разработанность теоретических вопросов сущности внутреннего аудита, его ключевых элементов, организационных стратегий, недостаток отечественных подходов к выбору методик внутреннего аудита и др.

Исходя из вышеизложенного, целью исследования является изучение комплекса взглядов на экономическую сущность внутреннего аудита с позиции контроля, идентификации основных его компонентов и раскрытия их сути для обоснования двойственной природы внутреннего аудита и его содержания.

Основными задачами исследования выступают:

- теоретическое построение мнений ученых о сущности внутреннего аудита как контрольного мероприятия;
- распознавание компонентов внутреннего аудита в концепции контроля и соответствие их содержания информационным ожиданиям бизнеса;
- развитие содержания внутреннего аудита как экономической категории двойственного характера.

Методологической основой исследования выступают положения теории экономических систем, контроля, включающие анализ и теоретическое обобщение сущности внутреннего аудита. Использован сравнительный анализ, метод аналогий, обработка эмпирических данных для выявления причинно-следственных связей и тенденций в развитии внутреннего аудита, экстраполяция тенденций, экспертный анализ.

Основная часть. На протяжении ряда лет проблемами методологии отечественного внутреннего аудита занимались ведущие ученые страны Панков Д.А., Лемеш В.Н., Данилкова С.А., Хмельницкий В.А. и др. Значительных результатов по данным вопросам достигли ученые Российской Федерации Бурцев В.В., Сотникова Л.В., Мезенцева Т.М., Щербакова В.В. и др. Основоположниками теории внутреннего аудита являются зарубежные исследователи А. Аренс, Дж. Дэвид, Дж. Лоббек, Д. МакНэйми, Дж. М. Сэлим и др.

Несмотря на глубокое изучение теоретических проблем внутреннего аудита, остаются вопросы, в том числе, по раскрытию сущности внутреннего аудита исходя из накопленного исторического опыта, отечественной и зарубежной практики, сложившихся экономических отношений, вызовов и угроз. Наличие многообразия мнений отечественных и зарубежных ученых о сущности внутреннего аудита свидетельствует об актуальности данного явления. Следует отметить, что значительная часть исследователей идентифицирует внутренний аудит в концепции контроля: контрольная деятельность, система контроля, форма контроля, способ контроля, часть (элемент) внутреннего контроля, внутрихозяйственный (внутрифирменный) контроль и др. Данный подход обусловлен первопричинами зарождения внутреннего аудита как инструмента противодействия хищениям, злоупотреблениям со стороны наемных работников, администрирования их действий и отслеживания последствий, а также выделением контрольной функции бухгалтерского учета для удовлетворения информационных интересов хозяев бизнеса.

Первоначально необходимо определить сущность понятия «контроль». В экономической литературе отсутствует единое мнение о сущности рассматриваемого понятия, однако согласно Декларации руководящих принципов контроля, принятой IX Конгрессом Международной организации высших контрольных органов, контроль – не самоцель, а неотъемлемая часть системы регулирования, целью которой является вскрытие отклонений от

принятых стандартов и нарушений принципов законности, эффективности и экономии расходования материальных ресурсов на возможно более ранней стадии с тем, чтобы иметь возможность принять корректирующие меры, в отдельных случаях, – привлечь виновных к ответственности, получить компенсацию за причиненный ущерб или осуществить мероприятия по предотвращению или сокращению таких нарушений в будущем¹.

По мнению ученых [1–3], сущность внутреннего аудита заключается в контрольной деятельности, осуществляемой службой внутреннего аудита субъекта хозяйствования для оказания консультаций. Предоставленное суждение отражает начальные этапы развития внутреннего аудита: тотальные проверочные действия лиц, которым передано право управлять хозяйством, делом, и говорит о необходимости формирования осознанной активности человека в данной сфере. Авторы указывают о наличии службы внутреннего аудита, созданной субъектом хозяйствования, а, следовательно, данная деятельность осуществляется на основании локальных документов, регламентов, что свидетельствует о четком построении системы, её подотчетности и функционале. Однако в настоящее время функции внутреннего аудита могут осуществляться на условиях аутсорсинга, косорсинга и аутстаффинга, следовательно, ориентир на собственную службу внутреннего аудита не в полной мере отвечает современному состоянию ведения бизнеса. Указание ученых на предоставление консультаций сужает предметную область внутреннего аудита, а отсутствие объекта внутреннего аудита не позволяет получить полного представления о его сущности.

Ряд отечественных и зарубежных ученых [4–8], а также национальные правила аудиторской деятельности «Использование результатов работы внутреннего аудита», утвержденные постановлением Министерства финансов Республики Беларусь от 07.02.2001 г. № 9 (с изм. и доп.) распознают внутренний аудит как систему контроля за соблюдением установленного порядка ведения бухгалтерского учета и надежностью функциональной системы внутреннего контроля, регламентированную внутренними документами, которая организована хозяйствующим субъектом и действует в интересах его руководства (собственников)². По мнению авторов, отождествление внутреннего аудита с системой контроля носит дискуссионный характер. Во-первых, необходимо раскрыть сущность понятия «система». Родоначальник теории систем Людвиг ф. Бергаланфи считал, что система представляет комплекс взаимодействующих элементов или совокупность элементов, находящихся в определенных отношениях друг с другом [9, с. 20–37]. А. Холл утверждает, что система выражает множество предметов вместе со связями между предметами и их признаками [10]. Другие авторы идентифицируют систему как объект, между частями («компонентами») которого существуют тесные взаимосвязи и устойчивые отношения, придающие объекту свойство целостности. Таким образом, отдельные части (компоненты), обладающие определенными свойствами, признаками, не могут быть системой, если нет между ними взаимосвязей и взаимодействия, что и характеризует целое, общее. Во-вторых, понятие «система контроля» – более широкое и включает в себя взаимосвязанные элементы, взаимодействующие по установленным нормам, стандартам, регламентам. Кроме того, авторы указывают на изучение произошедших событий и не ориентируют на разработку альтернативных вариантов ведения бизнеса на основе оценки бизнес-среды. Вместе с тем, объект внутреннего аудита ограничен данными бухгалтерского учета и системы внутреннего контроля, что не позволяет изучать иные направления деятельности субъекта хозяйствования.

Интересно мнение ученых о том, что внутренний аудит является способом контроля за эффективностью деятельности звеньев структуры экономического субъекта [11–13]. Способ представляет систему действий, применяемую при осуществлении деятельности, не содержащую исследовательского начала. В то время, как внутренний аудит располагает рядом взаимосвязанных элементов, сформировавшихся на протяжении исторических этапов его становления и развития, обладает научными исследованиями по обоснованию ключевых звеньев, что, по нашему мнению, не позволяет определять внутренний аудит как один из способов контроля.

Казакова Н., Гендон А., Хлевная Е., Чикунова С. определяют внутренний аудит как форму контроля, которая позволяет провести оценку эффективности компании, обнаружить искажения в учете и отчетности, выявить факты мошенничества [14, с. 215]. Согласно национальному законодательству формами контроля являются проверка и мониторинг, а исходя из международного опыта – ещё и аудит. Таким образом, внутренний аудит выступает явлением аудиторской практики. Данное суждение основано на том, что каждая форма должна быть наполнена содержанием. Содержание раскрывается в наличии нормативной базы, заложенной на историческом опыте, результатах научных исследований в области внутреннего аудита.

Иные ученые предлагают позиционировать внутренний аудит как форму внутреннего контроля, часть (элемент) внутреннего контроля, внутрихозяйственный (внутрифирменный) контроль. В связи с этим возникает потребность в анализе термина «внутренний контроль». Согласно Интегрированной концепции внутреннего контроля Комитета спонсорских организаций Комиссии Трудюзэ COSO под внутренним контролем понимают процесс, осуществляемый высшим органом предприятия, определяющим его политику, его управленческим персоналом высшего уровня (менеджментом) и всеми другими сотрудниками, в достаточной и оправданной мере обес-

¹ Декларация руководящих принципов контроля. – URL: <https://www.intosai.org/ru/dokumenty.html>.

² Национальные правила аудиторской деятельности «Использование результатов работы внутреннего аудита»: постановление Министерства финансов Республики Беларусь от 07.02.2021 г., № 9 // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.

печивающий достижение предприятием следующих целей: целесообразность и финансовая эффективность деятельности (включая сохранность активов); достоверность финансовой отчетности; соблюдение применимого законодательства и требований регулирующих органов³. Таким образом, внутренний аудит не является формой организации внутреннего контроля, он выступает частью управленческой системы со специфическими задачами, направленными на достижение стратегических целей субъекта предпринимательской деятельности.

Имеет место отождествление внутреннего аудита с внутривозможным (внутрифирменным), внутренним контролем, который осуществляется с использованием приемов (методов) внешнего аудита и проводится собственными сотрудниками компании [15–19]. По мнению авторов, данное суждение является необоснованным, так как понятие «внутренний, внутривозможный (внутрифирменный) контроль» более широкое, чем «внутренний аудит». Внутренний контроль представляет процесс соблюдения требований локальных нормативных актов, который осуществляют различные специалисты и (или) подразделения, например, органы управления, ревизионная комиссия, главный бухгалтер, служба внутреннего аудита, отдел управления рисками, служба безопасности, отдел технического контроля, отдел кадров, работники организации, включая самоконтроль. Следовательно, по мнению авторов, внутренний аудит является составным элементом внутривозможного (внутрифирменного) контроля субъекта хозяйствования.

Другие ученые и экономисты [20–24] считают внутренний аудит элементом системы внутреннего контроля, организованным руководством, органами управления предприятия в целях анализа учетных и других контрольных данных, оценки эффективности функционирования его системы управления. Согласно постановлению Министерства финансов Республики Беларусь от 29.12.2008 г. № 203 система внутреннего контроля – это совокупность методов управления, организационных мер, методик и процедур, принятых и осуществляемых собственниками, руководством и другими работниками аудируемого лица для обеспечения: эффективности, результативности и соответствия законодательству совершаемых хозяйственных операций; сохранности активов; выявления, исправления и предотвращения искажений информации на уровне бухгалтерской и (или) финансовой отчетности в целом и на уровне предпосылок её подготовки; достоверности бухгалтерской и (или) финансовой отчетности аудируемого лица⁴. Элементом системы является наименьшая часть системы, сохраняющая в себе качества системы в целом. По мнению авторов, частью системы внутреннего контроля является внутренний аудит, так как включает в себя комплекс методов управления, организационные мероприятия, перечень процедур, которые действуют в интересах менеджмента и собственников субъекта хозяйствования для достижения стратегических целей бизнеса. Наибольшее распространение принадлежит направлению внутреннего аудита данных бухгалтерского учета и отчетности как информационного ресурса для принятия управленческих решений по повышению эффективности деятельности и снижению рисков.

Авторы обобщили мнения ученых о сущности внутреннего аудита в концепции контроля и раскрыли его основные компоненты (таблица).

Анализ данных таблицы свидетельствует о том, что все авторы определяют цель внутреннего аудита как повышение качества управления субъектом хозяйствования путем соблюдения порядка ведения бухгалтерского учета и обеспечения надежности системы внутреннего контроля, предоставления консультаций и рекомендаций, оценки эффективности деятельности. Однако далеко не все ученые указывают субъект для достижения поставленной цели. Зачастую подразумевают, что реализовывать цель внутреннего аудита будут сотрудники субъекта хозяйствования, избегая конкретизации. Данное суждение базируется на том, что внутренний аудит охватывает все стороны деятельности субъекта хозяйствования: информационную безопасность, кадровую политику, технологическую дисциплину, бухгалтерский учет и отчетность и др., и привлекаемые специалисты в конкретной области способствуют достижению цели внутреннего аудита. Данный подход имеет существенный недостаток: если не указаны конкретные исполнители, то и спрашивать не с кого, деятельность таких сотрудников регламентирована лишь должностной инструкцией, где функции по реализации внутреннего аудита могут быть не приведены. Вопросы компетентности, квалификации, объективности суждений также вызывают сомнения, что в конечном итоге окажет влияние на качество работы.

Мнения ученых разделились относительно раскрытия объекта внутреннего аудита. Специалисты, признающие внутренний аудит как контрольную деятельность, способ контроля, внутривозможный (внутрифирменный) контроль, не определяют объект внутреннего аудита. Среди исследователей, которые указывают данный компонент внутреннего аудита, большинство считает, что внимание должно быть обращено на изучение состояния бухгалтерского учета и отчетности как информационной базы для внешних и внутренних пользователей.

³ Интегрированная концепция внутреннего контроля COSO [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.coso.org>.

⁴ Национальные правила аудиторской деятельности «Понимание деятельности, системы внутреннего контроля аудируемого лица и оценка риска существенного искажения бухгалтерской и (или) финансовой отчетности»: постановление Министерства финансов Республики Беларусь от 29.12.2008г. № 203 // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.

Таблица. – Идентификация сущности внутреннего аудита в концепции контроля и содержание его основных компонентов

	Основные компоненты										пользователи	
	цель			субъект		объект					собственники	руководство
Признание внутреннего аудита как:	оценка эффективности деятельности	соблюдение порядка ведения учета и надежность СВК	предоставление консультаций и рекомендаций	служба внутреннего аудита	без уточнения	бухгалтерский учет, отчетность	система внутреннего контроля	деятельность субъекта хозяйствования	собственники	руководство		
1. Контрольная деятельность	-	-	+	+	-	-	-	-	-	-	+	+
2. Внутрихозяйственный (внутрифирменный) контроль	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-
3. Система контроля	-	+	-	-	+	+	+	-	+	+	+	+
4. Способ контроля	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
5. Элемент (часть) системы внутреннего контроля	-	+	-	-	-	+	+	+	+	+	+	+
6. Форма контроля	+	-	+	-	+	+	-	+	+	+	+	+

Примечание – отметка «+» свидетельствует о наличии компонента; «-» указывает на отсутствие.

Ряд авторов не приводят бенефициаров результатов работы внутреннего аудита. Однако следует отметить, что большинство ученых указывают в качестве пользователей собственников и/или руководство субъекта хозяйствования. Основной интерес собственников, как правило, заключается в получении дохода на вложенный капитал, а руководства – информации для принятия обоснованных управленческих решений. Тем не менее, в современных условиях ведения бизнеса данный состав пользователей работы внутреннего аудита не отражает реалий. В условиях государственно-частного партнерства, роста социальной ответственности перед обществом состав пользователей и их интересов весьма широк. Так, государство на основе информации формирует единую государственную политику по регулированию экономических отношений, развитию приоритетных отраслей экономики, корректировке финансово-налоговой политики и т.д. Как государство, так и общественные организации (профсоюзы), работники субъекта хозяйствования заинтересованы в создании, наличии рабочих мест, занятости населения, развитии регионов, закреплении трудовых ресурсов, росте благосостояния граждан страны. Контрагенты (поставщики, покупатели, биржи, банки и др.) имеют преимущественно материальный интерес к финансовой способности субъекта хозяйствования своевременно и в полном объеме исполнять взятые обязательства. Будущие поколения ориентированы на устойчивое социальное развитие, создание и обеспечение безопасных условий жизнедеятельности, перспективы жизни в конкретном регионе, стране в целом. Следовательно, по мнению авторов, раскрывая содержание внутреннего аудита целесообразно делать акцент не только на пользователях, оказывающих непосредственное влияние на субъект хозяйствования, но и на всех стейкхолдерах: собственников, акционеров, заемщиков, государство в лице органов государственного управления и контроля, биржи, внешних аудиторов, руководство организации и её сотрудников, поставщиков и покупателей, инвесторов, банки, конкурентов, благотворительные и общественные союзы, средства массовой информации и будущие поколения.

Ряд авторов [15–18] указывают, что внутренний аудит проводится с использованием методов, приемов внешнего аудита, другие ученые [25] считают, что внутренний аудит имеет общие черты с внешним аудитом, третьи [26–28] утверждают, что внутренний аудит является видом внешнего аудита. Данные мнения не лишены логики, так как внешний и внутренний аудит выступают дихотомией аудита.

Таким образом, для раскрытия содержания внутреннего аудита нецелесообразно подходить к нему с одной стороны, лишь в концепции контроля. Следовательно, внутренний аудит имеет двойственную природу, обусловленную историческим развитием: от обеспечения сохранности имущества до достижения стратегических целей развития бизнеса и удовлетворения всесторонних интересов пользователей [29]. Под внутренним аудитом следует понимать форму аудита, представляющую элемент системы внутреннего контроля, направленный на многостороннее изучение состояния дел субъекта хозяйствования с целью разработки стратегических альтернатив развития бизнеса и удовлетворения информационных интересов стейкхолдеров.

Заключение. По результатам проведенного исследования на основе отечественных и зарубежных разработок, международного опыта внутреннего аудита авторы пришли к следующим выводам:

- изученный комплекс взглядов отечественных и зарубежных ученых о сущности внутреннего аудита в концепции контроля позволил идентифицировать внутренний аудит как контрольную деятельность, систему контроля, форму контроля, способ контроля, часть (элемент) внутреннего контроля, внутривнутрифирменный (внутрифирменный) контроль;
- основные сгруппированные компоненты внутреннего аудита в концепции контроля позволяют провести сравнение, выделить преимущества и недостатки исходя из целей бизнеса и ожиданий его результатов широким кругом пользователей;
- демонстрируя дуализм, внутренний аудит является формой аудита, представляющей элемент системы внутреннего контроля, направленный на многостороннее изучение состояния дел субъекта хозяйствования с целью разработки стратегических альтернатив развития бизнеса и удовлетворения информационных интересов стейкхолдеров.

ЛИТЕРАТУРА

1. Селезнева Е.Ю., Белик Н.В. Внутренний аудит: понятие, виды и функции в системе внутреннего контроля // Современное состояние и перспективы развития бухгалтерского учета, анализа и аудита: материалы Всерос. научно-практ. конф., 20 апр. 2012 г. / под науч. ред. Е.М. Сорокиной. – Иркутск: Байкал. гос. ун-т, 2012. – С. 334–339.
2. Внутренний аудит и внутренний контроль в системе экономической безопасности хозяйствующего субъекта: от теории к практике / И.Б. Романова, О.Ф. Ермишина, С.С. Сажина, А.В. Иванчук // Успехи современной науки и образования. – 2016. – Т. 2, № 4. – С. 64–66.
3. Юдина Г.А., Черных М.Н. Основы аудита: учеб. пособие. – 6-е изд., перераб. и доп. – М.: КНОРУС, 2014. – 392 с.
4. Хмельницкий В.А. Ревизия и аудит: учеб. комплекс. – Минск: Книжный Дом, 2005. – 480 с.
5. Литвин Д.В., Богданова Е.П., Михеева Л.В. Основы общего аудита. – М.: Маркет ДС, 2010. – 288 с.
6. Подольский В.И., Савина А.А., Сотникова Л.В. Международные и внутрифирменные стандарты аудиторской деятельности: учеб. пособие. – М.: Вузовский учебник: ИНФРА-М, 2010. – 302 с.
7. Евдокимова А.В., Пашкина И.Н. Внутренний аудит и контроль финансово-хозяйственной деятельности организации: практ. пособие. – М.: Изд.-торг. корпорация «Дашков и К», 2009. – 325 с.
8. Бакаев А.С. Бухгалтерские термины и определения. – М.: Библ. журн. «Бухгалтерский учет», 2002. – 160 с.

9. Бергаланфи Л. фон. Исторический статус общей теории систем [Электронный ресурс] // Системные исследования. Ежегодник 1973. – М., 1973. – С. 20–37. – URL: https://systems-analysis.ru/assets/systems_research_1973.pdf. (дата обращения: 23.02.2023).
10. Холл А.Д., Фейджин Р.Е. Определение понятия системы // Исследования по общей теории систем. Сборник переводов с польского и английского. – М.: Прогресс, 1969. – С. 252–286.
11. Гусева Л.П., Кульнева И.И., Лахина Л.Ф. Методы контроллинга и внутренний контроль качества: взаимосвязь и различия // Молодой ученый. – 2014. – № 21(80). – С. 294–298.
12. Вершинина Г.В. Внутренний аудит: сущность, проблемы и пути их решения // Актуальные вопросы экономических наук. – 2009. – № 9-2. – С. 149–152.
13. Миронова О.А., Азарская М.А. Аудит: теория и методология: учеб. пособие. – М.: Омега-Л, 2007. – 176 с.
14. Внутренний аудит в системе контроллинга бизнес-процессов как механизм управления рисками в промышленных холдингах / Н. Казакова, А. Гендон, Е. Хлевная, С. Чукунова // РИСК: ресурсы, информация, снабжение, конкуренция. — 2016. – №1. – С. 214–217.
15. Алборов Р.А. Аудит в организациях промышленности, торговли и АПК. – М.: «Дело и сервис», 1998. – 464 с.
16. Ворожейкина Т.М. Особенности организации внутреннего контроля в агрохолдингах // Международные научные исследования. – 2015. – № 3(24). – С. 24–29.
17. Васильева М., Камфер Ю., Степанова О. Внешний и внутренний аудит на предприятиях // Экономико-правовой бюллетень. – 2001. – № 6. – С. 6–15.
18. Первова К.А. Актуальность внутреннего аудита в современных условиях // Аудит и финансовый анализ. – 2013. – № 5. – С. 199–202.
19. Арнс Э. А., Лоббек Дж. К. Аудит: пер. с англ. – М.: Финансы и статистика, 1995. – 560 с.
20. Долж Р. Краткое руководство по стандартам и нормам аудита: пер. с англ.; предисл. С.А. Стукова. – М.: ЮНИТИ, 1992. – 240 с.
21. Адамс Р. Основы аудита: пер. с англ. / Под ред. Я.В. Соколова. – М.: Аудит, ЮНИТИ, 1995. – 398 с.
22. Бычкова С.М. Аудиторская деятельность: теория и практика. – СПб.: «Лань», 2000. – 88 с.
23. Нуркашева Н.С. Контролинг и внутренний аудит как концепции системного управления организацией // Современные проблемы социально-гуманитарных наук. – 2017. – № 1(9). – С. 166–169.
24. Старцева Е.А. Внутренний аудит бухгалтерского учета и бухгалтерской отчетности // Актуальные вопросы экономических наук. – 2010. – № 12-2. – С. 49–53.
25. Макаренко Е.Н. Система внутреннего и внешнего аудита в условиях функционирования МСФО и МСА // Экономические и гуманитарные науки. – 2010. – № 11(226). – С. 29–33.
26. Суглобов А.Е. Аудит: учеб. / под ред. А.Е. Суглобова. – М.: Дашков и К, 2015. – 368 с.
27. Жарыгасова Б.Т. Внутренний аудит в осуществлении экономического контроля финансовых результатов сельскохозяйственных организаций // Предпринимательство. – 2008. – № 3. – С. 123–129.
28. Богомолов А.М., Голощапов Н.А. Внутренний аудит. Организация и методика проведения. – М.: «Экзамен», 1999. – 192 с.
29. Данилкова С.А. Идентификация внутреннего аудита как науки, бизнеса, общественного института: состояние и развитие // Исследование механизмов информационного обеспечения внутреннего аудита деятельности экономического субъекта / кол. авторов; под ред. Т.М. Мезенцевой, В.Л. Назаровой. – М.: РУСАЙНС, 2023. – С. 8–19.

Поступила 13.03.2024

INTERNAL AUDIT IN THE CONTROL CONCEPT

S. DANILKOVA, D. PANKOV
(Belarusian State Economic University, Minsk)

The article, based on many years of international experience in the formation and development of internal audit, scientific publications, and the practice of domestic, Russian, and foreign business entities, examines the issues of recognizing the essence of internal audit in the control concept. The authors substantiate the dualism of internal audit as a form of audit and an element of the internal control system, which makes it possible to comprehensively identify its essence in contrast to the existing set of one-sided views as a control measure. Analysis of the judgments of various scientists on the problem under study made it possible to generalize the main components of internal audit and reveal their content in the concept of control.

Keywords: internal audit, control, form of control, method of control, control activities, control system, element of internal control, external audit.

УДК 332.146.2

DOI 10.52928/2070-1632-2024-66-1-22-28

ФОРМИРОВАНИЕ И ЭВОЛЮЦИЯ ТЕОРИИ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ В КИТАЕ

*канд. техн. наук, доц. В.М. КАРПЕНКО, ЧЖУ ХАО
(Белорусский государственный университет, Минск)*

Повышение эффективности региональной экономики Китая неотделимо от развития региональной экономической теории. В статье осуществлена периодизация европейских региональных экономических теорий, подробно проанализирована роль традиционной теории местоположения, теории регионального экономического развития и теории новой экономической географии. Доказано, что европейская научная школа оказала наиболее сильное влияние на формирование и развитие китайской теории региональной экономики. Осуществлена периодизация развития теории региональной экономики Китая. Выделены и исследованы четыре периода: период теории сбалансированного развития региональных планов (1949–1977); период теории несбалансированного развития региональной экономики (1978–1999); период развития теории скоординированного регионального экономического развития (2000–2011); период качественного регионального экономического развития (с 2012 по настоящее время).

Отдельно излагаются становление и развитие западной и китайской региональных экономических теорий, проводится их сравнительная характеристика с точки зрения перспективы исследования, исследовательской парадигмы, содержания исследования и модели развития.

Ключевые слова: региональная экономическая теория, Национальная региональная экономическая стратегия, экономическое развитие.

Введение. Возникновение и развитие региональной экономической теории имеет глубокие социально-экономические предпосылки. С момента выхода первой работы по региональной теории прошло более 170 лет. Рассматривая развитие западной региональной экономической теории, можно отметить, что она в своем развитии прошла три этапа. На первом этапе – до Второй мировой войны – региональные экономические исследования, в основном, ограничивались выбором местоположения, пространственным поведением и организационной структурой предприятий и отраслей промышленности. За этот период появился ряд географических теорий, которые до сих пор оказывают большое влияние на теорию региональной экономики. На втором этапе – с конца 1940-х по 1980-е гг. – в связи с появлением различных региональных проблем в различных странах по всему миру, фокус исследований региональной экономики начал смещаться на региональное экономическое развитие и вопросы региональной политики, в сочетании с быстрым развитием измерений и моделирования; учеными со всего мира выдвигается множество теорий регионального развития и стратегических моделей. На третьем этапе – начиная с 1980-х гг. – мировая политическая и экономическая ситуация претерпела глубокие изменения. Развитые страны Запада добились успехов в подавлении инфляции и контроле над безработицей. Экономическое развитие способствовало усилению тенденций региональной экономической интеграции.

История развития западной региональной экономической теории. *Теория местоположения.* Классическая теория размещения также называется «стоимостным детерминизмом». Она изучает привлекательность размещения промышленности путем осуществления экономической деятельности в определенной области, которая может привести к большей экономии затрат, чем аналогичная деятельность в других областях. Классическая теория местоположения возникла в 1820-х – 1830-х гг. Тунен впервые обратил внимание на эту стоимость. Он обнаружил, что расстояние от потребительского рынка оказывает значительное влияние на расположение посевов. Он рассчитал наиболее разумную разделительную линию для различных комбинаций культур и разделил её на шесть концентрических сельскохозяйственных кругов. С ростом индустриализации в Европе и быстрым развитием городов некоторые ученые начали изучать региональные условия размещения промышленности. Впервые немецкий ученый Харт применил концепцию «треугольника местоположения» для анализа идеального расположения промышленного предприятия, основанного на принципе наименьших производственных затрат. Первым, кто систематически изучал теорию промышленного размещения, был немецкий экономист Вебер (1909), который считал, что идеальным расположением фабрики является место с наименьшим пробегом при транспортировке и наименьшим весом груза, требуемым в процессе производства и распределения. Однако, в дополнение к транспортным расходам, Вебер также включил затраты на рабочую силу и коэффициент агломерации/дегломерации. Минимальная стоимость, определяемая тремя вышеуказанными факторами, используется в качестве стандарта для оптимального местоположения производителя. Хотлин (1929) разработал теорию пространственной конкуренции между предприятиями, сосредоточив внимание на анализе географической конкуренции между предприятиями на рынке.

С развитием капиталистической социально-экономической системы и расширением масштабов рынка пространственная форма и функции рынка играют все более важную роль в размещении производства. Более поздние исследователи теории местоположения Вебера обнаружили, что минимальные производственные затраты не могут в конечном счете определить оптимальное местоположение предприятия, а самые низкие затраты не означают максимизацию прибыли [1]. Эти ученые основали теорию расположения, ориентированную на рынок, основанную на принципе максимизации прибыли, также известную как «детерминизм прибыли». Крис Тейлор (1936) считает, что пространственная структура эффективного материального производства и обращения

представляет собой сетевую систему, состоящую из многоуровневых рыночных зон с центром в городе. Ляо Ши (1938) развил теорию местоположения, объяснил, почему существуют узловые зоны, и определил узловые зоны, которые зависят от рыночных зон, и взаимосвязи между экономией за счет масштаба и транспортными издержками. Таким образом, анализ местоположения не только перешел от простого производства к рынку, но и начал распространяться от единичного производителя на всю отрасль.

Теория регионального экономического роста. После окончания Второй мировой войны мировая капиталистическая экономика вступила в эпоху процветания. С целью достижения быстрого экономического роста развитые страны сосредоточили большое количество ресурсов и объектов в районах с лучшими условиями экономического развития. Стремительный экономический рост не только не ослабил, но и усугубил поляризацию между развитыми и слаборазвитыми регионами [2]. В 1945 г. французский экономист Перру впервые предложил концепцию полюсов роста. Ее отправной точкой является абстрактное экономическое пространство, основным содержанием которого являются промышленные связи, определяемые разделением труда по секторам. Мюрдал (1957) предположил, что процесс экономического развития не происходит равномерно, а начинается с некоторых районов с лучшими условиями. Регионы, обладающие первоначальными преимуществами, могут продолжать накапливать благоприятные факторы посредством кумулятивного причинно-следственного процесса, тем самым еще больше усиливая и усугубляя межрегиональный дисбаланс. Хиршман (1958) считает, что как только точки роста сформированы, эти точки роста продолжают усиливать свое собственное развитие за счет кумулятивной агрегации и увеличивают межрегиональный разрыв. Хотя эффект просачивания может сократить его, требуется много времени, чтобы этот эффект сработал. Эти исследования показывают, что выбор местоположения, сделанный предприятиями для максимизации прибыли, во многих случаях не может обеспечить оптимальных общих региональных выгод. Принимая во внимание долгосрочную тенденцию эволюции межрегиональных дисбалансов, Фридман (1966) делит пространственную структуру экономической системы на две части – центр и периферию, которые вместе составляют законченную бинарную пространственную структуру. Условия развития центрального района относительно лучше, в то время как условия развития периферийного района значительно хуже. Экономическое развитие неизбежно будет сопровождаться чистым переносом различных факторов производства из периферийного района в центральный. На начальном этапе экономического развития бинарная структура наиболее очевидна, проявляясь в виде одноядерной структуры; по мере того как экономика вступает в стадию взлета, одноядерная структура постепенно заменяется многоядерной.

Новая экономическая география. Практика региональной экономической деятельности в западных странах в полной мере продемонстрировала, что региональная экономика, которая изучает реальные экономические проблемы с точки зрения постоянного масштабного вознаграждения и полной конкуренции, не может быть решена из-за неполной мобильности факторов производства товаров и существования неполной специализации видов экономической деятельности. Противоречие между этими двумя гипотезами не могут быть разрешены. С введением таких параметров, как «внешние эффекты» и «экономия за счет масштаба», а также с совершенствованием технологии моделирования появилась возможность включения в модели тех факторов, которые ранее игнорировались. Исследования региональных экономик постепенно перешли в другое направление – теорию новой экономической географии.

На основе модели монополистической конкуренции Кругман (1991) успешно включил пространственные факторы в исследовательскую систему господствующей экономики, рассмотрев неполный поток элементов и увеличение вознаграждения за масштаб с точки зрения пространства [3]. Вальц считает, что региональная экономическая интеграция приведет к региональной концентрации производства и инновационных продуктов с растущими выгодами от масштаба. Дж. Мартин продолжил изучать проблему конкуренции за местоположение в условиях экономики агрегации и пришел к выводу, что количество производителей на одной и той же территории будет увеличиваться с увеличением относительного преимущества экзогенной стоимости и увеличением преимущества эндогенной агрегации. В то же время второй кульминационный момент развития региональной экономической интеграции в 1990-х годах породил теорию региональной интеграции (Кругман и Вейнблс, 1995) и теорию нового регионализма (Маклеод и Джонс, 2001). Исследования региональной экономической теории начали уделять внимание экономическому росту, распределению доходов, инвестициям, торговле и другим эффектам, вызванным региональной экономической интеграцией.

Генезис развития региональной экономической теории Китая. С момента основания Нового Китая до настоящего времени можно выделить четыре этапа в эволюции региональной экономической политики Китая.

1. Период теории сбалансированного развития региональных планов (1949–1977). В условиях блокады со стороны западных держав и крайней экономической отсталости, центральное правительство было вынуждено применить метод национальной мобилизации, чтобы сконцентрировать ресурсы для создания новой китайской промышленной системы. В этот период центральное правительство в основном опиралось на советскую модель планового управления экономикой, основанную на теории сбалансированного размещения производства, и добились определенных результатов. В 1952 г. почти 70% промышленного производства было сосредоточено в прибрежных районах (Су Шаочжи, 2001), что не только не способствовало сбалансированному развитию региональной экономики, но и с позиции международной политической и экономической ситуации делало такое чрезмерно концентрированное пространственное размещение производства потенциально рискованным [4].

В этот период мир был разделен на два основных лагеря: Восток и Запад. Восточная советская сторона сосредоточилась на концепции планирования и сбалансированного развития, делая акцент на пути регионального

развития, основанном на анализе выпуска и затрат; западные капиталистические страны выступали за путь, основанный на сочетании государственного регулирования и свободного рынка на принципах кейнсианства. Таким образом, была заложена основа для базовой модели решения проблем регионального развития посредством оптимизированного распределения региональных рынков под руководством соответствующей государственной политики. В то же время расцвет Советского Союза после Второй мировой войны привел к популяризации теории сбалансированного регионального экономического развития, адаптированной к его плановой экономической системе. В этот период большое количество экономистов с советским образованием способствовали быстрому распространению теории сбалансированного регионального экономического роста, обосновав теорию «Большого прогресса» (Розенштейн-Родан, 1943), теорию «Порочного круга бедности» (Нурксе, 1953), теорию «Ловушка равновесия низкого уровня» (Нельсон, 1956) и теорию «Критического минимума усилий» (Лейбенштейн, 1957). В них исследовалась необходимость крупномасштабных инвестиций, осуществляемых на основе национальных планов, и сбалансированного роста между промышленными секторами и регионами в развивающихся странах в процессе преодоления ловушки бедности.

Руководящая группа первого поколения, ядром которой был Мао Цзэдун, приняла теорию сбалансированного развития и планирования Советского Союза в качестве основы для регионального развития Китая.

Теория сбалансированного распределения производства предполагала расположение ключевых промышленных предприятий в центральном районе материковой части Китая и гарантировала экономическое развитие районов проживания этнических меньшинств посредством дотаций и целевых мер помощи мелкому производству. Это не только способствовало согласованию размещения промышленных предприятий с распределением ресурсов и потребностями национальной обороны, повышая уровень производительности труда на материке, ускоряя процесс промышленной экспансии в Новом Китае, но и стимулировало экономическое развитие отсталых районов (Лю Цзайсин, 2017). В период, предшествовавший реформе и открытости, доля материковой части в общем объеме промышленного производства в стране продолжала увеличиваться – с 30,6% в 1952 г. до 39,1% в 1978 г. Инвестиции в основной капитал страны были, в основном, сосредоточены в Северо-Восточном и Центральном регионах. В 1952–1954 гг. общий объем инвестиций в основной капитал в трех Северо-Восточных провинциях составлял более 30% от общего объема инвестиций в основной капитал страны.

Соответствующие теории и методы национального экономического регионального развития, представленные теорией «затраты-выпуск», были привнесены в Китай из Советского Союза и получили дальнейшее развитие и применение (Сюй Сяньчунь, 2002). Теория местоположения как важный источник региональной экономической теории была представлена в Китае еще в 1930-х гг. (Лу Дао, 1988; У Чуаньцин, 2007). Она сыграла важную научную роль в работе по городскому строительству, сельскохозяйственному зонированию и размещению промышленного производства (Лу Дао, 1988) [5].

Теория регионального сбалансированного развития, представленная сбалансированной схемой размещения производства, является продуктом эпохи плановой экономики и находится под влиянием детерминизма производственных отношений. Поскольку главной целью правительства являлась национальная оборона и безопасность, частично игнорировался рыночный механизм распределения ресурсов. Стратегия сбалансированного развития, ориентированная на центр, с трудом позволяла в полной мере реализовать субъективную инициативу региональных субъектов. Хотя разрыв в развитии между внутренними и прибрежными регионами сократился, ценой этого стала неспособность эффективно использовать преимущества старых прибрежных промышленных баз, что повлияло на экономическое развитие прибрежных регионов. В целом, теория регионального сбалансированного развития представляет собой попытку адаптировать промышленное развитие Китая в условиях экономической блокады великими державами, и является важной частью региональной экономической теории Китая в этот период.

2. *Период теории несбалансированного развития региональной экономики (1978–1999).* В 1978 г. Китай начал процесс реформ и открытости, постепенно переходя от плановой экономики к рыночной, традиционная модель сбалансированного размещения производства больше не могла эффективно управлять пространственным распределением ресурсов (Сунь Цзюэнь, 2003). Чтобы разрешить сложившуюся ситуацию с отсталой производительностью и добиться быстрого экономического роста, китайские ученые активно исследовали теорию регионального несбалансированного развития и извлекали уроки.

Теория регионального несбалансированного развития, представленная теорией полюсов роста (Перру, 1950) [6], теорией несбалансированного роста (Хиршман, 1958) и U-образной теорией (Уильямсон, 1965), сыграла важную роль в быстром развитии китайской региональной экономики. С товарищем Дэн Сяопином во главе центральное руководство второго поколения, опираясь на региональные экономические теории западных стран, разработало стратегию регионального экономического развития в соответствии с национальными условиями Китая и выдвинуло стратегическую концепцию «двух общих ситуаций», которая стала первым шагом, позволяющим сначала развивать прибрежные районы, а затем (на втором этапе) прибрежные районы должны были помогать развиваться матерiku, за счет чего достигалось общее процветание. Руководящая идеология регионального экономического развития Китая в этот период перешла от сбалансированного развития к несбалансированному, и стратегия регионального развития также переориентировалась с материка на восточные прибрежные районы. Экономическое и социальное развитие восточных регионов Китая оказалось энергичным и послужило двигателем активного роста всей национальной экономики. Руководящая идеология регионального экономического развития Китая претерпела исторические изменения.

С развитием региональной экономики и расширением сферы влияния полюсов роста на основе теории развития полюса роста и точечной оси возникла теория сетевого развития, подчеркивающая важность баланса и расширяющая сферу влияния полюса роста и точечной оси. Так, ось роста направлена наружу с целью достижения сбалансированной экономической структуры (Wu Chuanqing, Zhou Chenchen, 2013), но эта теория в целом применима к экономически более развитым районам. Лу Юци (1998) новаторски предложил двухъядерные теории «центр – порт» и «центр – периферия», т.к. формирование такой пространственной структуры очень важно для развития прибрежных регионов Китая (Лу Юци, 1998) [7]. Многие ученые также исследовали экономическое развитие остальных регионов, промышленный отбор и культивирование полюсов промышленного роста, разработку стратегии регионального развития (Ли Ренгуй, 1988), полюсов роста городов (Чжоу Ми, семья Ван, 2018), были проведены масштабные исследования новых технологий зоны застройки и регионального развития (Ван Цзяци, 1998), и др.

В период 1978–1999 гг. доля ВВП Восточного региона страны увеличилась с 41,17% в 1978 г. до 51,24% в 1999 г., в то время как Северо-Восточный регион продолжал снижаться с 13,05% до 9,25%. Все пять провинций с самыми быстрыми темпами роста ВВП относятся к Восточному региону, а именно Фуцзянь, Гуандун, Чжэцзян, Шаньдун и Цзянсу, совокупный годовой темп роста которых составляет 20,64%, 20,48%, 19,76%, 18,16% и 17,44%, в то время как провинция Ганьсу имеет совокупный годовой темп роста всего 13,68% (рисунок 1).

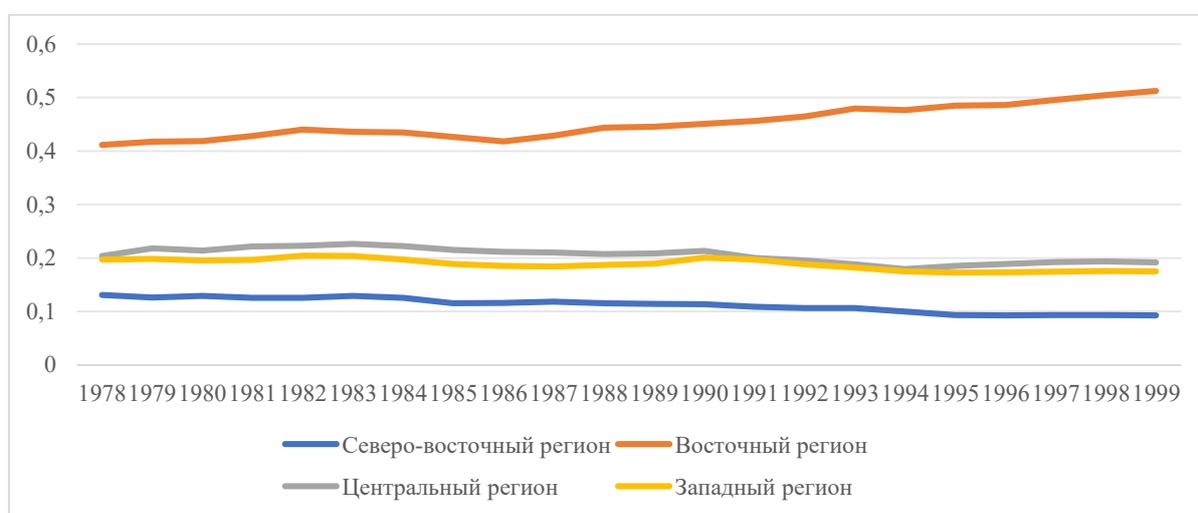

Рисунок 1. – Динамика структуры ВВП, 1978-1999 гг.¹

В первые дни реформ и открытости неотложной задачей, стоящей перед Китаем, было высвобождение и развитие производительных сил, реализация быстрого накопления общего богатства страны. Теория регионального несбалансированного развития Китая, представленная теорией «точечно-осевого развития», обеспечивало теоретическую основу для решения приоритетной ориентации на эффективность в стратегии регионального развития, которая соответствует институциональным предпосылкам трансформации плановой экономики в более открытую и свободную социалистическую рыночную экономику с национальными китайскими особенностями.

3. Период развития теории скоординированного регионального экономического развития (2000–2011).

С дальнейшим углублением реформ и открытости региональные экономические исследования в Китае также получили дальнейшее развитие. Промышленная агломерация Восточных регионов привела к быстрому подъему китайской экономики в этих регионах, в то время как центральные и западные регионы отстали от восточных регионов с точки зрения общего развития экономики, дохода на душу населения и улучшения структуры экономики, а также разрыва между богатыми и бедными. В 2000 г. доля бедных в Восточном регионе составляла 52,26%.

С 2000 г. Китай принял частную макроэкономическую политику, приносящую эффективность в жертву справедливости. Западная стратегия развития знаменует начало сосредоточения регионального развития на ускорении сбалансированного развития Востока и Запада. С тех пор основные стратегии регионального развития, такие как возрождение старых промышленных баз в Северо-Восточном регионе, подъем Центрального региона и опережающее развитие Восточного региона, были введены последовательно. Постепенно появились региональные экономические теории с полной и сбалансированной аналитической теоретической базой, представленные региональной научной теорией и новой экономической географией. Основываясь на теории региональной науки и теории новой экономической географии, китайские ученые начали уделять особое внимание экономическому росту и региональным диспропорциям (Ли Шаньдун, 2008), исследованиям теории региональной политики (Хуан Цзюли, Ли Куньванг, 2006), неоднородной мобильности рабочей силы и региональным диспропорциям (Чжао Вэй, Ли Куньванг, 2006; Фен, 2007), пространственной агломерации и экономическому росту (Лю Сюянь и др.,

¹ URL: <https://www.cei.cn>.

2012) и другим аспектам, которые дают теоретические объяснения и политические основы скоординированного регионального развития Китая.

В 2000 г. ВВП Шанхая на душу населения составлял 30 307 юаней, в то время как ВВП провинции Гуйчжоу на душу населения составлял всего 2759 юаней, – разница почти в 11 раз. С оживлением Северо-Восточного региона, подъемом Центрального региона и продвижением западной политики развития этот разрыв начал увеличиваться после 2004 г. К 2011 г. Пекин превзошел Шанхай и стал провинцией (городом) с самым высоким ВВП на душу населения в 86 246 юаней, в то время как провинцией с самым низким ВВП на душу населения по-прежнему остается Гуйчжоу, хоть его показатель вырос до 16 023,83 юаней. Разрыв сократился до 5,38 раза, а совокупный годовой темп роста провинции Гуйчжоу в 2004 – 2011 гг. достиг 20,9% (рисунок 2).

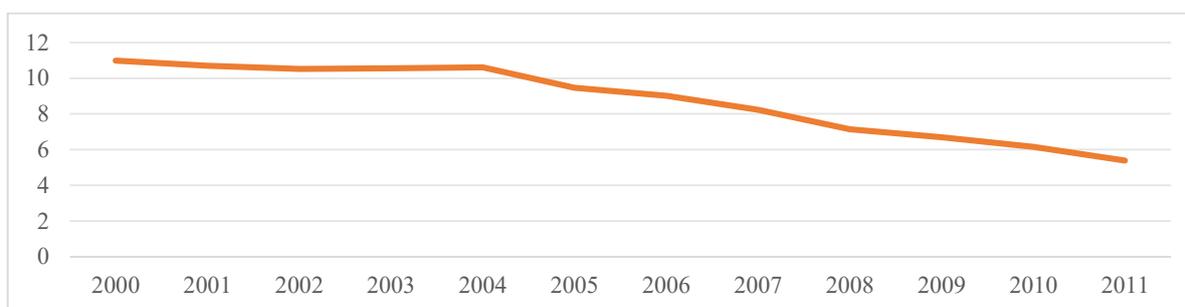

Рисунок 2. – Соотношение провинций с самым высоким ВВП на душу населения к провинциям с самым низким ВВП на душу населения в Китае, 2000–2011 гг.²

Период 2000–2012 гг. был периодом доминирования теории скоординированного регионального экономического развития. Благодаря сокращению различий между восточными и западными регионами была эффективно решена проблема относительного отставания в развитии старых промышленных баз, таких как Северо-Восточный регион. На уровне китайского правительства была поставлена задача о необходимости придерживаться скоординированного развития региональной экономики и постепенно сокращать разрыва в межрегиональном развитии. На протяжении этого периода, не смотря на сокращение разрыва в развитии между восточными и западными регионами, проблема несбалансированности продолжала обостряться.

4. *Период качественного регионального экономического развития (с 2012 г. по настоящее время).* В период более свободного рынка и большей открытости экономики дисбалансы и проблемы, такие как финансирование земельных ресурсов, загрязнение окружающей среды, разрыв между Севером и Югом и борьба с бедностью в региональном экономическом развитии стали ключевыми звеньями, ограничивающими качественное развитие региональной экономики Китая. Созрела необходимость перехода от традиционной модели точек роста к новой модели роста, основанной на повышении качества и эффективности.

Чтобы повысить эффективность и жизнеспособность экономики, китайские ученые разработали теорию урбанизации нового типа с характеристиками экономического развития Китая на основе западных экономических теорий, таких как теория городских агломераций (Готтман, 1957; Макги, 1991) [8], теория метрополий, гигантских регионов (Глезер, 2007) [9] и эволюционная экономическая география (Бошма и Ламбуи, 1999; Бошма, 2005; Мартин, 2006). Теория новой урбанизации основана на принципах обеспечения средств к существованию людей, устойчивого экономического высококачественного развития. Она, в основном, направляет и реализует характерный путь новой урбанизации Китая с точки зрения координации городских и сельских районов и регионального скоординированного развития, промышленной трансформации и модернизации, интенсивного использования и низких затрат, безуглеродной экономики и экологической цивилизации (Яо Шимоу и др., 2014) [10]. Чтобы эффективно руководить трансформацией и модернизацией промышленности, китайские ученые активно впитывали и заимствовали идеи теории эволюционной экономической географии, уделяя особое внимание формированию и эволюции промышленных кластеров (Liu Zhigao, 2011; Wang Zhouyang et al., 2013), промышленных ассоциаций, зависимости от траектории (Guo Ци, Хэ Канфэй, 2018) и другим вопросам, обогащающим соответствующие теории регионального промышленного развития.

В процессе новой урбанизации важно использовать городские агломерации в качестве основного пространственного носителя урбанизации Китая в будущем. Пространственная структура городских агломераций станет важной опорой для качественного развития урбанизации (Лю Бинью, Чжу Цзюньфэн, 2019). Национальный новый план урбанизации 2014 года и его публикация положили начало планированию городских агломераций на уровне провинций, а затем один за другим были опубликованы многочисленные планы городских агломераций: к концу 2022 года Китай запланировал в общей сложности 19 городских агломераций национального уровня. Теоретические исследования городской агломерации с китайскими особенностями начали расширяться от определения концептуального значения, характеристик и форм городской агломерации в прошлом, до построения

² URL: <https://www.cei.cn>.

экологической среды и измерения эффективности городской агломерации, городской агломерации и экономического развития, а также изучения пространственной структуры и пространственной эволюции городских агломераций (Чжоу Син, 1982; Фу Лина и др., 2013; Фан Чжуанлин и др., 2016; Чжоу Чуньшань, Е Чандун, 2013; Цуй Мухуа, 2015; Чжао Юн, Вэй Хоукай, 2015; Лю Сюянь и др., 2017; Ян Го, Сунь Тяньян, 2016).

Развитие городских агломераций способствует укреплению регионального сотрудничества, расширению внутренней и внешней открытости, содействию трансформации регионального экономического развития от традиционной провинциальной и административной экономики к экономике городских агломераций и полномасштабному развитию характерных для региона отраслей промышленности. Например, основными отраслями промышленности городской агломерации первого уровня в дельте реки Янцзы являются финансы, автомобили, электронная информация, биомедицина и т.д., в основном, «специализированные, усовершенствованные, особенные и новые». Промышленность городских агломераций второго уровня развила свои собственные характерные отрасли, такие как судостроение, аэрокосмическая промышленность, текстиль и одежда, а также чай. Городские агломерации третьего уровня в основном базируются на сырьевых отраслях, включая растениеводство, животноводство и ликеро-водочную промышленность (рисунок 3). Согласно долгосрочному плану правительства каждая городская агломерация также будет в полной мере использовать свои собственные региональные преимущества для завершения модернизации промышленности. Например, городская агломерация третьего уровня Хубао-Эйю обладает преимуществами обширной территории и богатого ассортимента продукции. Новые материалы, защита окружающей среды и энергосбережение (энергия ветра, фотоэлектрика и т.д.) и биомедицина являются новыми стратегическими отраслями в перспективе развития этой агломерации.

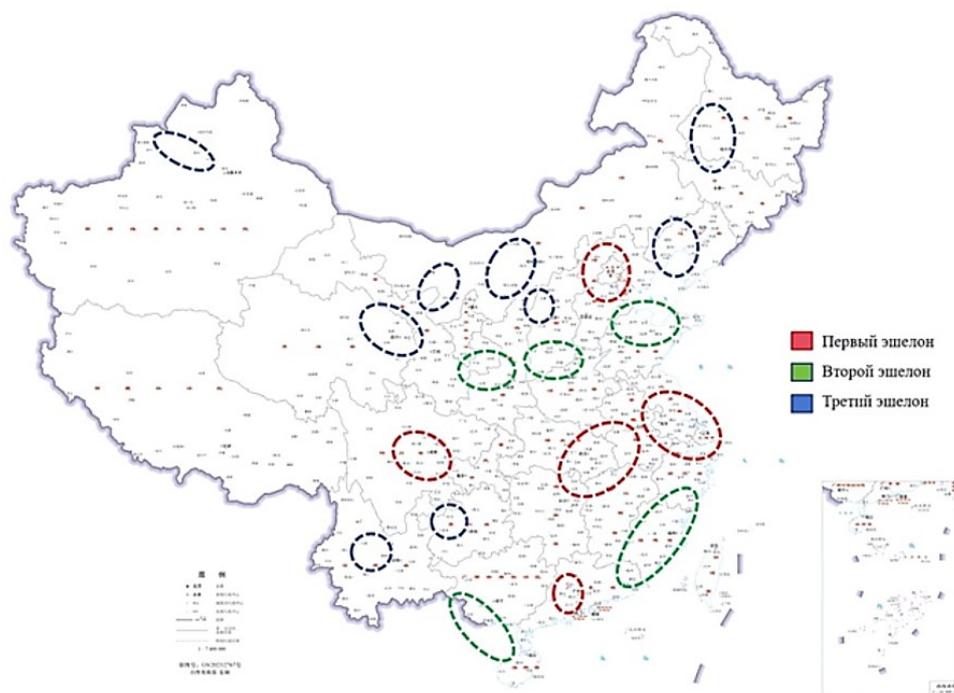

Рисунок 3. – Карта городских агломераций в Китае

С 2012 г. региональное экономическое развитие Китая вступило в новый этап. Являясь важной теоретической идеей в этот период, новая концепция развития оказывает положительное влияние на совершенствование системы региональной экономической теории и повышение качества регионального экономического развития. Этот этап характеризуется не только повышением темпов экономического роста, динамичными инновациями в экономике и трудностями структурной перестройки экономики после того, как региональное экономическое развитие вошло в новую норму, но и новыми характеристиками региональной экономической координации: открытостью, сотрудничеством и симбиозом, которым способствуют национальные стратегии, такие как инициатива «Пояс и путь». Региональная экономика перешла от несогласованного и недостаточного развития к многополярному и скоординированному этапу качественного развития.

Заключение. Региональная экономическая теория Китая, в основном, базируется на западной экономической теории и предлагает региональные экономические стратегии, соответствующие национальным условиям Китая. Существуют определенные различия в перспективах, методах, путях и содержании исследований между китайскими и зарубежными региональными экономическими теориями.

Перспектива исследования. Современная западная региональная экономическая теория основана на зрелой системе рыночной экономики, в то время как китайская региональная экономика основана на социалистической рыночной экономике, имеющей свои особенности развития.

Методы исследования. Зарубежная региональная экономическая теория основана на западной экономической теории, создании строгих моделей региональной экономической теории посредством эмпирических исследований, а затем на формировании серии инновационных региональных экономических теорий. Китайская экономическая теория адаптирует зарубежные региональные экономические теории к текущей ситуации экономического развития страны, фокусируясь на политических исследованиях, эмпирический анализ относительно слаб, а признанных теоретических моделей не хватает. В последние годы китайские ученые постепенно перешли от качественных исследований к количественным.

Путь исследования. Зарубежная региональная экономическая теория использует нисходящую научную модель: «теоретический анализ и построение модели – эмпирический анализ – заключение». Региональная экономическая теория Китая использует восходящую научную модель: «внедрение – поглощение – инновация».

Содержание исследования. Исследования западной региональной экономической теории, в основном, сосредоточены на таких вопросах, как выбор местоположения, экономическая агломерация, городские проблемы, региональная интеграция, разнообразие и специализация в местной экономике, а также пространственная неоднородность. Китайская региональная экономическая теория подчеркивает регулируемую роль правительства и в большей степени полагается на неё. В основном это проявляется в эволюции региональной экономической структуры и региональных разрывах, переносе промышленности, устойчивом развитии, развитии бедных районов, региональном разделении труда и кооперации, скоординированном развитии и других вопросах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Dong S. Empirical research on China's regional economic transformation and development. – Beijing: Economic Science Press, 2000. – 25 p.
2. Hoover Edgar M. An Introduction to Regional Economics. – Shanghai Far East Publishers, 1992. – 36 p.
3. Krugman P. Increasing Returns and Economic Geography // Journal of Political Economics. – 1991. – Vol. 99. – P. 483–499.
4. Shaozhi Su. Research on the gap between China's Coastal and Mainland Economic Development in the 1950s and 1970s // Journal of Zhongnan University of Economics and Law. – 2001. – Vol. 3. – P. 6–13.
5. Dadao Lu. Location theory and regional research methods. – Beijing: Science Press, 1988. – 78 p.
6. Perroux F. Economic Space: Theory and Applications // The Quarterly Journal of Economics. – 1950. – Vol. 64. – P. 89–104.
7. Lu Yuqi. Study on the Model of Two-core Space Structure. – Areal Research and Development, 1998. – 56 p.
8. Gottmann J. Megalopolis or the Urbanization of the Northeastern Seaboard // Economic Geography. – 1957. – Vol. 33. – P. 189–200.
9. Glaeser E. Do Regional Economies Need Regional Coordination? // Harvard Institute of Economic Research. – 2007. – № 2131. – P. 1–66.
10. Shimou Yao. The Theory and Practice of New Urbanization in China // Scientia Geographica Sinica. – 2014. – Vol. 34, № 6. – P. 641–647.
11. Карпенко В.М., Кунь Л. Влияние инициативы «Один пояс – один путь» на экономический рост регионов Китая // Вестник Белор. гос. экон. ун-та. – 2022. – № 5 – С. 91–96.
12. Карпенко Е.М., Чжан Хэи Анализ процесса урбанизации в провинциях Китайской Народной Республики с использованием модели панельной векторной авторегрессии // Вопросы региональной экономики. – 2023. – № 4(57). – С. 233–243.
13. Рассеко Ю.Ю., Карпенко Е.М. Региональный темп жизни: методика оценки и инструменты управления. – Минск: БГУ, 2023. – 215 с.

Поступила 26.02.2024

FORMATION AND EVOLUTION OF THE THEORY OF REGIONAL ECONOMICS IN CHINA

V. KARPENKA, ZHU HAO
(Belarusian State University, Minsk)

Improving the efficiency of China's regional economy is inseparable from the development of regional economic theory. The article periodizes European regional economic theories and analyzes in detail the role of the traditional theory of location, the theory of regional economic development and the theory of new economic geography. It has been proven that the European scientific school had the strongest influence on the formation and development of the Chinese theory of regional economics. A periodization of the development of the theory of regional economics in China has been carried out. Four periods are identified and studied: the period of the theory of balanced development of regional plans (1949–1977); the period of the theory of unbalanced development of the regional economy (1978–1999); period of development of the theory of coordinated regional economic development (2000–2011); a period of high-quality regional economic development (from 2012 to the present).

The formation and development of Western and Chinese regional economic theories are separately outlined, their comparative characteristics are carried out from the point of view of research perspective, research paradigm, research content and development model.

Keywords: regional economic theory, National regional economic strategy, economic development.

УДК 331.5

DOI 10.52928/2070-1632-2024-66-1-29-38

ВОЗМОЖНОСТИ И УГРОЗЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА НА РЫНКЕ ТРУДА: МЕЖДУНАРОДНЫЙ ПРОГНОЗ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ

канд. экон. наук **К.И. КРАЕНКОВА, К.А. МИЦКЕВИЧ**
(Витебский государственный технологический университет)

В статье обозначены теоретические аспекты и направления развития искусственного интеллекта в современном мире, представлена классификация, сферы его применения в реальных условиях хозяйствования. На основании проведенного исследования составлен топ профессий на мировом и национальном уровнях; определена структура вакансий и резюме на национальном рынке; сопоставлены тенденции по рынку труда, обозначенные международными и национальными экспертными организациями в области рынка труда с тенденциями, выделенными с использованием искусственного интеллекта; оценено мнение искусственного интеллекта (чат-ботов ChatGPT и Gemini) в вопросах оценки и прогноза направлений развития рынка труда, спроса и предложения на различные профессии в Республике Беларусь.

Ключевые слова: искусственный интеллект, рынок труда, профессии, вакансии, возможности, угрозы.

Введение. Мировые эволюционные процессы, стремительный технологический прогресс, повсеместная цифровизация и автоматизация вносят радикальные изменения в методы производства, экономические процессы, структуру рынка труда и уклад жизни. Данные обстоятельства привели к появлению искусственного интеллекта (ИИ), интернета вещей, больших данных и других технологий, объединённых в единую интегрированную систему. Одной из передовых технологий, становление которой в последние несколько лет приобрело мировые масштабы, является ИИ. Развитие ИИ привело к созданию самообучающихся и адаптирующихся систем, которые расширяют границы человеческих возможностей и приводят к трансформации во многих сферах жизнедеятельности, включая изменение ситуации на рынке труда. С одной стороны, ИИ открывает новые возможности, создает профессии, требуя при этом новые навыки и компетенции. С другой стороны, использование возможностей ИИ может привести к потере рабочих мест, автоматизируя многие профессии.

Целью данного исследования является обзор тенденций использования ИИ на рынке труда в мире и оценка его возможностей в области прогнозирования ситуации на национальном рынке труда. В качестве объекта исследования выступает рынок труда, предметом исследования является его оценка, анализ изменений и перспективы развития. Научное и практическое значение исследования состоит в оценке реальных угроз и возможностей ИИ, определении профессий, которые находятся в зоне риска и, наоборот, востребованы на рынке труда, определении путей наилучшего взаимодействия стейкхолдеров на рынке труда и ИИ. В основу исследования был положен общенаучный анализ, включающий экспериментальный метод оценки данных, а именно использование чат-ботов ChatGPT и Gemini¹ как источников получения информации и прогнозирования тенденций на рынке труда.

Основная часть. Понятие искусственного интеллекта и сферы его применения. С началом промышленной революции человечество столкнулось с ускоренным развитием технологий. Начиная с паровых машин и текстильных фабрик в XVIII в., промышленные революции последовательно приводили к радикальным изменениям в способах производства, общественной организации и повседневной жизни. Сейчас, на пороге четвертой промышленной революции, технологические инновации объединяют в себе физический, цифровой и биологический миры, размывая грани между ними. Этот этап развития характеризуется глубокой цифровизацией и автоматизацией, в которой ИИ, интернет вещей, большие данные и другие передовые технологии сливаются в единую интегрированную экосистему. Цифровизация проникает во все сферы жизни – от производства и логистики до образования и здравоохранения. Промышленные процессы становятся более гибкими и эффективными благодаря автоматизации и оптимизации, а обработка данных позволяет принимать решения на основе точных аналитических выводов.

Ученые, стоявшие у истоков создания технологии ИИ, дают следующие определения данному явлению (таблица 1).

Таблица 1. – Понятие ИИ с точек зрения различных авторов

Авторы	Определение
А. Барр, Э. Фейгенбаум [2, с. 26]	Область информатики, которая занимается разработкой интеллектуальных компьютерных систем, то есть систем, обладающих возможностями, которые традиционно связывают с человеческим разумом
Д. Маккарти [4, с. 3]	Это наука и техника создания интеллектуальных машин, особенно интеллектуальных компьютерных программ
М. Мински [6, с. 6]	Это наука о том, как заставить компьютеры делать то, что делают люди, когда они думают
С. Рассел, П. Норвиг [7, с. 8]	Это исследование агентов, которые получают восприятие из окружающей среды и выполняют действия

¹ До февраля 2024 г. имел название Bard.

Изучение мнения различных ученых и практиков к определению ИИ позволило сформулировать его авторскую интерпретацию: «ИИ – это область информатики, которая занимается разработкой интеллектуальных программ, которым при- сущее понимание и распознавание языка, постоянное обучение, способность рассуждать, решать проблемы и т.д.»

В современных условиях выделяют две основные разновидности ИИ: слабый и сильный. Следует отметить, что слабый ИИ способен решать узкоспециализированные проблемы, сильные же может приобрести способность мыслить и осознавать себя как отдельную личность. Данные виды ИИ были выделены философом Дж. Сёрлом (Searle, 1984) еще в 1980-е годы. Сегодня ИИ, если классифицировать их по Д. Сёрлу, однозначно относятся к слабым, поскольку ни у одного из них пока не зародилось самосознание. Так, можно сделать вывод о том, что сильный ИИ пока что является открытием будущего ввиду отсутствия способности мыслить самостоятельно и принимать решения в незапрограммированных ситуациях.

В своем развитии ИИ прошел различные области исследований и может быть классифицирован в зависимости от разновидности каждой из них (таблица 2). При этом машинное обучение и глубокое обучение являются наиболее активными областями исследований, в то время как компьютерное зрение, обработка естественного языка и робототехника – более зрелыми.

Таблица 2. – Классификация ИИ по областям исследований

Разновидность ИИ	Характеристика
Машинное обучение	Разработка систем, которые могут обучаться на данных без явного программирования
Глубокое обучение	Разработка систем, которые могут видеть и понимать окружающий мир
Обработка естественного языка	Разработка систем, которые могут понимать и генерировать человеческий язык
Робототехника	Разработка роботов, которые могут выполнять задачи в реальном мире

Источник: составлено на основе [1; 3; 5; 8].

Одной из практически значимых классификаций ИИ является его разделение на традиционный и генеративный. Традиционный ИИ часто называют узким ИИ. Данная разновидность ориентирована на интеллектуальное выполнение или решение конкретной задачи. ИИ такого типа относится к системам, которые предназначены для реагирования на определенный набор входных данных, способны обучаться с помощью данных и принимать решения или строить прогнозы на их основе. Генеративный ИИ, в свою очередь, способен не просто использовать уже существующие и реализованные механизмы, а изобретать новые на основе тех знаний, которые ему предоставили. Он может создавать оригинальный творческий контент. Модели генеративного ИИ обучаются на наборе данных и после изучения основных закономерностей генерируют новые данные, повторяющие обучающий набор.

На сегодняшний день механизмы ИИ используются в таких сферах, как медицина (постановка диагноза, регистрация данных, а также выполнение функций ассистента врача), образование (адаптивное обучение, прокторинг), промышленность (автоматизация рабочих процессов), сельское хозяйство (распознавание заболеваний растений, обнаружение и удаление сорных растений на полях, экономный расход удобрений) и др. ИИ способен выполнять широкий спектр задач разного рода в различных сферах, что в перспективе приведет к значительному изменению ситуации на рынке труда. Поэтому разработки в области ИИ породили новые опасения по поводу крупномасштабных потерь рабочих мест, вызванных способностью автоматизировать быстро расширяющийся набор задач (включая нерутинные когнитивные задачи). Однако ИИ также обладает потенциалом дополнять и расширять человеческие возможности, что в перспективе приведет к повышению производительности, увеличению спроса на человеческий труд и улучшению качества рабочих мест. Из чего следует, что с развитием и расширением возможностей ИИ связывают, с одной стороны, глобальные сокращения рабочих мест на рынке труда ввиду наибольшей эффективности применения ИИ в целях автоматизации разного рода рабочих процессов; с другой стороны, распространение и широкое внедрение механизмов ИИ уже создает предпосылки для создания профессий, связанных с его обслуживанием, внедрением и повышением значимости человеческого труда в целом.

Международные прогнозы влияния ИИ на рынок труда. Согласно исследованию глобального института McKinsey² при использовании возможностей генеративного ИИ к 2030 г. автоматизация сможет взять на себя задачи, на которые будет приходиться 21,5% отработанного времени в экономике США. При этом добавление возможностей генеративного ИИ позволит автоматизировать порядка 30% сегодняшнего рабочего времени, что особенно повысит эффективность работы в сферах, приведенных на рисунке 1. По данным исследования к 2030 г. ожидается прирост рабочих мест в сфере здравоохранения, примерно на 23% увеличится спрос на рабочие места в сфере STEM (технические, научные и инженерные узкопрофильные специальности) ввиду перехода экономики на цифровые технологии. При этом ожидаются потери рабочих мест в сфере офисной поддержки, обслуживании клиентов и сфере общественного питания. На рисунке 2 показаны ожидаемые изменения в востребованности различных профессий к 2030 году. Как видно, больше всего могут быть подвержены изменениям на рынке труда работники, занятые на должностях с более низкой заработной платой и требованиями к образованию.

По данным отчета всемирного экономического форума «Будущее работы»³, основанном на данных опроса крупнейших работодателей мира (в опросе приняли участие 803 компании, в которых в совокупности занято более 11 миллионов работников и которые охватывают 27 отраслей и 45 стран мира), в течение следующих 5 лет

² URL: <https://www.mckinsey.com/mgi/our-research/generative-ai-and-the-future-of-work-in-america>.

³ URL: <https://www.weforum.org/publications/the-future-of-jobs-report-2020/>.

вследствие влияния таких факторов, как внедрение ИИ, оцифровка и иные факторы (переход на экологически чистую энергию и перераспределение цепочек снабжения) ожидается изменение четверти всех рабочих мест мира. Внедрение ИИ, в свою очередь, окажет двойное влияние на обстановку на рынке: несмотря на значительное сокращение рабочих мест определенных отраслей (около 75% опрошенных компаний заявили о планах внедрения технологий ИИ в течение следующих 5 лет, что вызовет сокращение до 26 миллионов рабочих мест на административных и учетных должностях, включая кассиров, продавцов и бухгалтеров), влияние большинства технологий будет положительным в течение 5 следующих лет, так как аналитика больших данных, технологии управления и кибербезопасность станут главными факторами роста занятости. В соответствии с описанными выше перспективами изменений на рынке труда Всемирным экономическим форумом был составлен список профессий, которые будут наиболее и наименее востребованы в ближайшие годы (таблица 3).

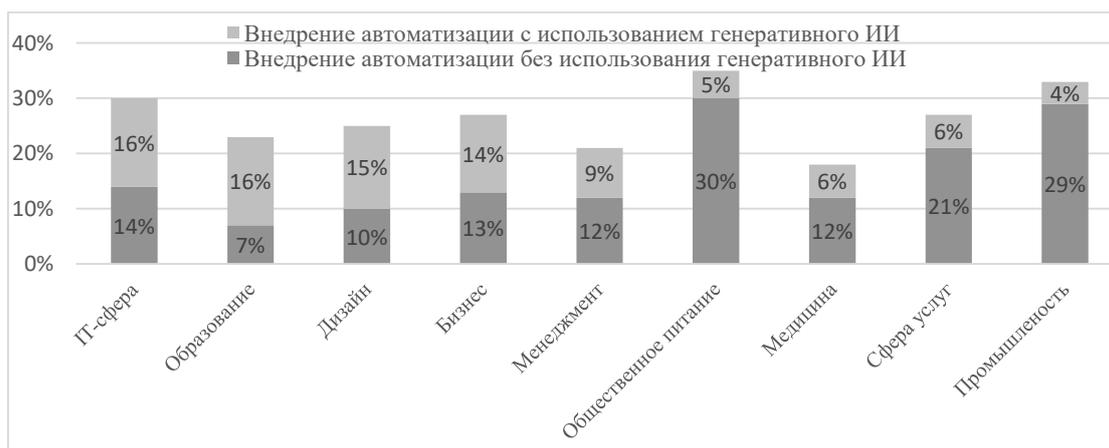

Рисунок 1. – Средний показатель внедрения автоматизации к 2030 г., %⁴

Рисунок 2. – Изменение спроса на профессии к 2030 г., %⁵

Таблица 3. – Список наиболее и наименее востребованных профессий по прогнозам Всемирного экономического форума⁶

Наиболее востребованные профессии	Сокращающиеся профессии
Специалисты по искусственному интеллекту и машинному обучению	Банковские сотрудники и смежные профессии
Менеджеры по устойчивому развитию	Сотрудники почтовой службы
Бизнес-аналитики	Кассиры
Эксперты в сфере информационной безопасности	Операторы ввода данных
Специалисты в сфере финансовых услуг (финтех)	Секретари
Дата-аналитики и дата-инженеры	Работники в сфере учета материалов и складскому учету
Специалисты по робототехнике	Бухгалтеры
Инженеры по электротехнологиям	Финансовые и страховые работники
Операторы сельскохозяйственного оборудования	Коммивояжеры и смежные профессии
Специалисты по цифровой трансформации	Чиновники

⁴ URL: <https://www.mckinsey.com/mgi/our-research/generative-ai-and-the-future-of-work-in-america>.

⁵ Там же.

⁶ URL: <https://www.weforum.org/publications/the-future-of-jobs-report-2020/>.

По прогнозам работодателей, прогрессирующее внедрение технологий и растущая цифровизация в ближайшее время вызовут наибольшие изменения на рынке труда и станут положительным фактором для создания рабочих мест. При этом более ¾ опрошенных компаний планируют внедрять технологии больших данных, облачных вычислений и ИИ в ближайшие пять лет. В прогнозе инвестиционного банка Goldman Sachs говорится следующее: ИИ окажет серьезное влияние на многие отрасли, определяя ситуацию с занятостью в секторах здравоохранения и сельского хозяйства. Поскольку ИИ продолжает развиваться, ожидается, что спрос на работников в области робототехники и разработки программного обеспечения будет расти с невероятной скоростью. При этом сообщается, что за последние 20 лет неустанно развивающиеся процессы автоматизации лишили людей 1,7 млн профессий. Но исследования показывают, что технологии автоматизации смогут создать до 97 млн новых рабочих мест к 2025 г. В таблице 4 представлен список наиболее и наименее востребованных профессий будущего по мнению Goldman Sachs.

Таблица 4. – Список наименее и наиболее востребованных профессий по прогнозам Goldman Sachs⁷

Наиболее востребованные профессии будущего	Наименее востребованные профессии будущего
Консультанты по искусственному интеллекту	Рабочие места на производстве
Аналитики данных	Банковские и офисные сотрудники
Инженеры по искусственному интеллекту	Административные служащие
UX/UI-дизайнеры	Работники в сфере транспорта и логистики
Бизнес-стратеги	Работники в сфере медицинских услуг
Специалисты по кибербезопасности	Финансовые и страховые работники
Инженеры-робототехники	Творческие профессии

Таким образом, основываясь на прогнозах, содержание которых приведено выше, можно заключить, что технологии генеративного ИИ уже начали процесс создания новой эры на рынке труда.

Генеративный ИИ и его влияние на рынок труда: опыт Республики Беларусь. В рамках данной работы проведено исследование рынка труда Республики Беларусь на основе данных экспертных организаций (rabota.by и ilex.by) и генеративного ИИ (GPT-3.5⁸ и Gemini⁹). Следует отметить ряд ограничений при использовании ИИ: обновление данных GPT-3.5 заканчивается сентябрем 2021 г., а знания Gemini обновляются ежедневно, что привело к необходимости деления периода исследования на 2 временных лага. В рамках первого периода были использованы знания GPT-3.5 чат-бота ChatGPT и данные оценки рынка труда Республики Беларусь, который предоставил сервис по подбору вакансий работа.by за 2021 год. В анализе работа.by сказано, что в 2020 г. происходило снижение вакансий в сферах, связанных с развлечениями, отдыхом, массовыми мероприятиями, а также сокращалось количество вакансий и обучающих программ для студентов и молодых специалистов. Однако в 2021 г. было зафиксировано следующее (рисунок 3).

Рисунок 3. – Прирост количества вакансий в указанных сферах в 2021 г. по сравнению с 2020 г.¹⁰

Как видно, в 2021 г. наблюдался серьезный прирост вакансий в вышеупомянутых сферах. Уже тогда сохранялась устойчивая тенденция к увеличению спроса на специалистов в области ИТ, а также в сфере продаж, востребованность представителей рабочих специальностей, транспорта и логистики. На рисунке 4 представлена структура вакансий за 2021 г. При этом отмечалось снижение соискательской активности, то есть спрос на рынке труда 2021 г. не соответствовал предложению. Причиной тому, в том числе, явилась пандемия COVID-19, ввиду которой часть специалистов была вынуждена отправиться на поиски новой работы или подработки. Позже, когда ситуация на рынке труда стала стабильной и необходимость в очередной смене места работы отпала, количество вакансий начало расти, а конкуренция снижалась. В 2021 г. количество резюме оказалось ниже, чем в 2020-м. Также по данным Министерства труда и социальной защиты на 1 января 2022 г. на учете в качестве безработных состояло 5,3 тыс. чел., что на 26,1% меньше, чем на 1 января 2021 г. (7,2 тыс. чел.). Однако, несмотря на снизившуюся активность соискателей, по отношению к 2020-му году произошел прирост количества резюме в сферах, показанных на рисунке 5.

⁷ URL: <https://www.goldmansachs.com/intelligence/pages/generative-ai-could-raise-global-gdp-by-7-percent.html>.

⁸ URL: <https://chat.openai.com/>.

⁹ URL: <https://gemini.google.com/chat>.

¹⁰ URL: <https://vitebsk.rabota.by/article/29846>.

Рисунок 4. – Структура вакансий в 2021 г. в Республике Беларусь¹¹

Рисунок 5. – Структура резюме в 2021 г. в Республике Беларусь¹²

В целом рынок труда в 2021 г. характеризовался переориентацией населения в условиях существования вируса COVID-19, последствием которого стала некоторая пассивность со стороны соискателей труда. Приведенные выше данные демонстрируют наибольший интерес нанимателей к работникам в сфере продаж, а также информационных технологий, которые уже тогда были популярны и актуальны. В свою очередь среди соискателей труда наибольший процент составляли студенты в начале собственной карьеры, а также работники в сфере продаж.

Разберем оценку рынка труда Республики Беларусь, который сгенерировал чат-бот с ИИ ChatGPT (версия GPT-3.5). Для того, чтобы получить корректный ответ на вопрос было необходимо сформулировать правильный запрос. Созданный запрос звучал так: «Проанализируй рынок труда Республики Беларусь 2021 года и сделай свой собственный прогноз, опираясь на данные, зафиксированные на моменте сентября 2021 года». Получили следующий ответ чат-бота.

«На момент сентября 2021 года экономическая ситуация в Республике Беларусь была находилась под воздействием различных факторов, включая политические и экономические события. Некоторые из возможных тенденций на рынке труда на 2021 год могли включать:

¹¹ URL: <https://vitebsk.rabota.by/article/29846>.

¹² Там же.

1. Возможное увеличение безработицы: экономические нестабильности и изменения на рынке могли привести к росту безработицы.
2. Уменьшение инвестиций: негативные экономические события могли снизить инвестиционную активность, что могло повлиять на создание новых рабочих мест.
3. Изменения в секторах экономики: в зависимости от событий и решений правительства могли произойти изменения в структуре экономики, что повлияло бы на спрос на рабочую силу.
4. Рост роли удаленной работы: пандемия COVID-19 привела к росту интереса к удаленной работе, и это могло повлиять на спрос на специалистов в сфере информационных технологий и удаленной работы».

Данный ответ содержал лишь общие сведения о возможных тенденциях на рынке труда Республики Беларусь 2021 г., поэтому было принято решение получить более конкретный ответ. Был сформулирован следующий запрос: «Назови шесть наиболее и шесть наименее востребованных профессий в Республике Беларусь на момент сентября 2021 года». Полученный ответ представлен ниже.

«Наиболее востребованные профессии:

- Разработчики программного обеспечения: спрос на IT-специалистов, включая разработчиков программного обеспечения, оставался высоким в связи с активным развитием IT-сектора.
- Медицинские работники: врачи, медсестры и медицинские специалисты продолжали оставаться востребованными, особенно в период пандемии COVID-19.
- Финансовые аналитики и бухгалтеры: контроль за финансами и бухгалтерские услуги оставались важными в условиях экономической нестабильности.
- Инженеры по тестированию программного обеспечения: в сфере IT был спрос на специалистов, занимающихся тестированием программ и приложений.
- Специалисты по обработке данных: с ростом цифровизации экономики специалисты, способные обрабатывать и анализировать большие объемы данных, были востребованы.
- Специалисты в области цифрового маркетинга: в связи с ростом онлайн-бизнеса и цифровой рекламой, цифровые маркетологи были востребованы.

Наименее востребованные профессии:

- Гиды и экскурсоводы: сокращение туристической активности и ограничения на путешествия могли снизить спрос на эту профессию.
- Педагоги и учителя: образовательный сектор может столкнуться с изменениями в связи с пандемией и ограничениями в обучении.
- Ресторанный персонал: ресторанный и общественный сектор мог почувствовать влияние ограничительных мер, что могло снизить спрос на персонал этой сферы.
- Рабочие в производстве: в связи с экономическими трудностями некоторые производственные предприятия могли сокращать рабочие места.
- Сфера искусств и развлечений: события, связанные с культурой и развлечениями, могли подвергнуться ограничениям, что могло повлиять на спрос на профессионалов в этой сфере.
- Продавцы в розничной торговле: розничная торговля могла испытывать трудности из-за изменений в потребительском поведении и ограничений в торговле».

Из ответа, сгенерированного ИИ, можно сделать вывод о том, что его анализ и прогноз касаются рынка труда Республики Беларусь указывают на факт общего оценивания всей совокупности эпидемиологических, политических и экономических факторов, влиявших на состояние, в котором находился рынок труда Республики Беларусь в 2021 году. Однако следует отметить, что в списке наиболее востребованных профессий ИИ ничего не упоминает о работниках сферы продаж, являвшихся самыми востребованными специалистами на рынке труда Республики Беларусь в 2021 году по данным сервиса по подбору вакансий rabota.by.

Проведем анализ текущей ситуации на рынке труда Республики Беларусь, опираясь на данные за 2022 г. Согласно данным анализа рынка труда Республики Беларусь сервисом ilex.by¹³, в 2022 г. в стране наблюдался большой спрос на работников различного рода технических и рабочих специальностей. Исходя из этого можно предположить возможный рост спроса на средне-специальное образование у молодежи, при этом работники сферы офисной поддержки и административные служащие периодически будут переqualificироваться в представителей технических специальностей. Как и в 2021 г., в стране сохраняется спрос на работников в сфере продаж, наиболее востребованными из них являются менеджеры по продажам, кассиры и продавцы-консультанты. Также отмечается снижение вакансий IT-специальностей, однако в текущем году сохраняется спрос на такие специальности, как тестирование ПО, PHP-разработка, Java-разработка и Frontend. Кроме того, на данный момент возобновляется и укрепляется спрос на специалистов по анализу данных, отмечают эксперты rabota.by.

При этом в недавнем исследовании ранее упомянутого сервиса по подбору вакансий rabota.by сообщается, что в начале 2023 г. наблюдалась тенденция к увеличению числа вакансий, более того, начало второго квартала было аналогичным: во втором квартале 2023 г. в сравнении со вторым кварталом 2022 г. был зафиксирован рост количества вакансий во всех сферах, кроме сферы «Информационных технологий». Там произошло незначительное снижение, порядка 2,7%. Отмечается серьезная нехватка сотрудников рабочих и прикладных специальностей.

¹³ URL: <https://ilex.by/belye-vorotnichki-prevratyatsya-v-sinie-cho-to-zhdet-rynki-truda-v-belarusi-rossii-ssha-i-es/>.

По сравнению с первым кварталом текущего года, в стране наблюдается рост числа вакансий во всех профессиональных сферах без исключения. Наибольшее увеличение вакансий произошло в следующих областях: «Наука, образование»: +47,3%; «Рабочий персонал»: +45,8%; «Строительство, недвижимость»: +40,5%; «Домашний персонал»: +38,1%; «Туризм, гостиницы, рестораны»: +36,8%; «Транспорт, логистика»: +35,0%. Среди вакансий лидирующие позиции занимают такие профессиональные сферы, как: «Продажи» (36,5% от общего количества вакансий), «Начало карьеры, студенты» (19,1%), «Рабочий персонал» (17,9%) и «Транспорт, логистика» (16,0%). В сравнении с данными прошлого года, доля этих специализаций в структуре резюме увеличилась, а в сфере ИТ снова снизилась и в структуре вакансий опустилась на восьмую строку. На рисунке 6 представлена структура вакансий за вторые кварталы 2022 и 2023 годов.

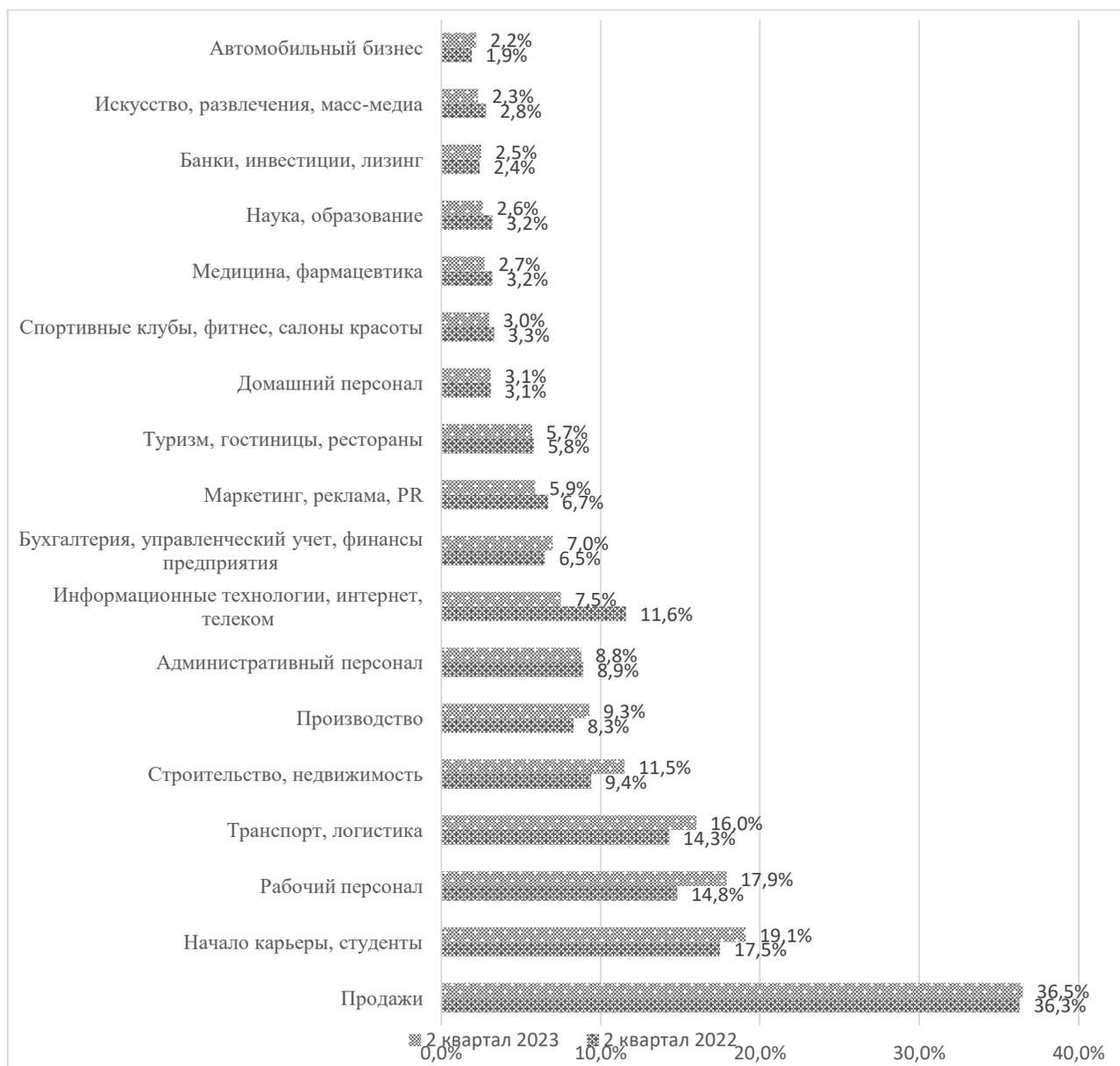

Рисунок 6. – Структура вакансий за 2-й квартал 2022 г. и 2-й квартал 2023 г.¹⁴

Как видно, наибольшее количество вакансий зафиксировано в сфере продаж. Также на втором месте по числу вакансий находятся вакансии, связанные с началом карьеры студентов. При этом ситуация на рынке труда Республики Беларусь 2023 и 2022 гг. несколько отличается от ситуации 2021 г.: несмотря на то, что вакансии в сфере продаж составляют наибольшее число из общей структуры вакансий, можно заметить серьезное снижение количества вакансий в сфере информационных технологий и увеличение вакансий, связанных с началом карьеры студентов. Проанализируем структуру резюме за второй квартал 2022 и 2023 гг., представленную на рисунке 7.

¹⁴ URL: <https://rabota.by/article/31718?hhtmFrom=main>.

Рисунок 7. – Структура резюме за 2-й квартал 2022 г. и 2-й квартал 2023 г.¹⁵

По данным рисунка 7 видно, что наибольшее предложение наблюдается со стороны студентов в начале своей профессии, а также работников сферы продаж и информационных технологий. Таким образом, со стороны нанимателей наиболее популярны профессии, связанные со сферой продаж, студенты в начале карьеры, а также рабочий персонал. В то же время со стороны соискателей наиболее частыми являются резюме студентов в начале карьеры, представителей сферы продаж и информационных технологий. Сравнивая ситуацию на рынке труда Республики Беларусь 2021 г., 2022 г. и 2023 г., можно сделать следующие выводы:

- спрос и предложение специалистов в области продаж увеличиваются;
- происходит уменьшение спроса и увеличение предложения специалистов в области информационных технологий;
- увеличиваются спрос и предложение труда со стороны студентов в начале карьеры;
- наименьшей популярностью со стороны нанимателей пользуются специалисты в области автомобильного бизнеса.

Рассмотрим анализ и частичный прогноз по рынку труда Республики Беларусь, сгенерированный чат-ботом с ИИ Gemini, разработанным компанией Google. Как и в случае с ChatGPT, формулируем запрос: «На основании доступных тебе последних данных проанализируй рынок труда Республики Беларусь 2023 года и составь собственный прогноз на 2024 год»: общая ситуация на рынке труда будет оставаться благоприятной для соискателей. Количество вакансий будет расти, а конкуренция за них будет снижаться. Это связано с несколькими факторами, включая:

1. Продолжающееся снижение численности населения Беларуси, что приводит к сокращению предложения рабочей силы;
2. Релокация ИТ-специалистов из Беларуси в другие страны, что также уменьшает предложение рабочей силы в некоторых секторах экономики;
3. Увеличение спроса на рабочую силу со стороны предприятий, которые стремятся адаптироваться к новым условиям ведения бизнеса.
4. Рост спроса на рабочие профессии будет продолжаться. В то время, как спрос на квалифицированные кадры в некоторых секторах экономики может снижаться, спрос на рабочие профессии будет оставаться высоким.
5. Ожидается замедление роста спроса на специалистов в сфере ИТ, особенно в таких областях, как разработка программного обеспечения и веб-разработка.

¹⁵ URL: <https://rabota.by/article/31718?htmlFrom=main>.

Как видно, данный анализ-прогноз отражает лишь общие тенденции на рынке труда Республики Беларусь, однако очень важно отметить, что данные тенденции во многом совпадают с реальными тенденциями, описанными ранее в прогнозе сервиса по подбору вакансий *rabota.by*, а именно: снижение спроса на специалистов сферы ИТ; увеличение спроса на работников в сфере продаж; рост спроса на студентов в начале карьеры; увеличение спроса на представителей рабочего персонала. В прогнозе, созданном ИИ, просматриваются схожие с прогнозом сервиса *rabota.by* словесные обороты и формулировки, что говорит о том, что при генерировании собственного ответа ИИ активно использовал уже имеющиеся прогнозы по рынку труда рассматриваемой страны и делал собственные заключения и пояснения на их основе.

Сформулируем запрос, аналогичный запросу, который мы создавали для чат-бота с ИИ ChatGPT: «Назови шесть наиболее и шесть наименее востребованных профессий в Республике Беларусь в 2023–2024 годах».

Наиболее востребованные профессии в Беларуси в 2023–2024 годах по мнению ИИ:

- 1) инженеры (в том числе инженеры-программисты, инженеры-технологи, инженеры-механики, инженеры-строители и др.);
- 2) IT-специалисты (в том числе разработчики программного обеспечения, веб-разработчики, системные администраторы, тестировщики ПО и др.);
- 3) менеджеры (в том числе менеджеры по продажам, маркетингу, закупкам, логистике и др.);
- 4) бухгалтеры;
- 5) администраторы;
- 6) работники сферы обслуживания (в том числе продавцы-консультанты, официанты, бармены, уборщики помещений и др.).

Как видно, данный прогноз, созданный чат-ботом с ИИ Gemini, предоставил прогноз, не похожий полностью ни на один из рассматриваемых ранее прогнозов. При этом, как и в прогнозе чат-бота с ИИ ChatGPT, здесь на первых местах по популярности и востребованности указаны профессии инженеров и специалистов в области ИТ.

Рассмотрим список наименее популярных профессий: юристы, переводчики, экономисты, маркетологи, рекламщики, писатели, журналисты. Данный список также не повторяет никакой из описанных выше прогнозов, однако можно отметить некоторые сходства с прогнозами мирового масштаба, рассмотренными ранее (данные прогнозы упоминают о снижении востребованности профессий юристов и экономистов).

Изучение тенденций мирового рынка труда с использованием открытых данных позволило установить, что наиболее уязвимыми перед развитием технологий генеративного ИИ станут такие профессии, как офисные рабочие, работники сферы обслуживания, в то время как специалисты в области STEM будут все более востребованы работодателями. Для удержания своей конкурентоспособности на рынке труда работникам всех сфер и направлений необходимо уже осваивать навыки управления и использования технологий ИИ и автоматизации в целом, так как именно при таком подходе генеративный ИИ может сделать работу более продуктивной без сокращения рабочих мест, а наоборот, улучшающим качество работы.

Проведенное исследование рынка труда Республики Беларусь позволило сделать следующие выводы:

– прогнозы, сгенерированные ИИ, не полностью совпадают с прогнозами, созданными экспертными организациями в области рынка труда Республики Беларусь;

– прогнозы ИИ не являются абсолютно точными: например, ChatGPT, формально находясь в сентябре 2021 г., утверждает, что одними из наименее востребованных профессий в Республике Беларусь будут профессии в области производства, в то время как на сегодняшний день данные профессии находятся в структуре вакансий на шестом месте по востребованности, что указывает на их актуальность. Также ChatGPT указывает на увеличение спроса на специалистов в области ИТ, в то время как в 2023 г. регистрируется снижение числа вакансий на представителей данной сферы;

– прогнозы, созданные ИИ, не являются абсолютно оригинальными, то есть они так или иначе представляют собой некоторый продукт анализа мировых прогнозов рынка труда, прогнозов отдельных стран.

Заключение. Рынок труда находится в процессе трансформации, поэтому каждому стейкхолдеру необходимо готовиться к новым условиям работы, изучать возможности интегрированных систем, включая ИИ, что позволит минимизировать их негативные последствия на рынке труда, но и станет катализатором для создания новых вакансий на локальных и международных рынках труда. Использование ИИ получило широкое распространение в мировой и национальной практике, однако дефицит знаний в данной области информатики приводит к необоснованным опасениям и выводам по развитию рынка труда в ближайшей перспективе. Полученные знания и анализ оценки мировых и национальных экспертных организаций позволили сделать следующие выводы:

– мировые тенденции в области применения возможностей ИИ будут способствовать сокращению одних (административный персонал) и появлению других специалистов в различных сферах (например, в области STEM);

– постоянное изучение возможностей генеративного ИИ всеми стейкхолдерами рынка труда приведет к минимизации негативных последствий от масштабного применения ИИ;

– ИИ сможет делать прогнозы в режиме реального времени, что позволит быстрее реагировать на изменения на рынке труда;

– применение ИИ для оценки определенных уровней знаний в разных областях, в частности на рынке труда, возможно только при совместной работе с экспертами в этой области.

Таким образом, использование ИИ на рынке труда в ближайшем будущем будет носить масштабный характер, что приведёт к перестройке трудового рынка и смене актуальности тех или иных вакансий. Тем не менее,

дальнейшее изучение возможностей ИИ, повышение квалификации трудящихся в данном вопросе, грамотное использование возможностей ИИ в стандарте ряда профессий позволит сохранить актуальность и повысить ценность существующих вакансий, а также обогатить национальный и общемировой рынки труда рядом востребованных специальностей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Макаров И.М., Топчеев Ю.И. Робототехника: История и перспективы Рос. акад. наук. – М.: Наука; МАИ, 2003. – 349 с.
2. Barr A., Feigenbaum E. Handbook of Artificial Intelligence. – Stanford: HeurisTech Press, 1989. – 442 p.
3. Ciresan D., Meier U., Schmidhuber J. Multi-column deep neural networks for image classification // IEEE Conference on Computer Vision and Pattern Recognition journal. – 2012 – P. 3642–3649. DOI: <https://doi.org/10.1109/cvpr.2012.6248110>.
4. McCarthy J. What is artificial intelligence? – Stanford: Stanford University, 2004 – 22 p.
5. Deep Learning Based Text Classification: A Comprehensive Review [Electronic resource] / Sh. Minaee, N. Kalchbrenner, E. Cambria, N. Nikzad, M. Chenaghlu, G. Jianfeng, – URL: https://www.researchgate.net/publication/340523298_Deep_Learning_Based_TextClassification_A_Comprehensive_Review/citation/download (accessed: 2023-11-23).
6. Minsky M. Why people think computers can't // AI Magazine. – 1982. – Vol. 3, No 4. – P. 3–15.
7. Russell S., Norvig P. Artificial Intelligence: A Modern Approach. – Upper Saddle River: Prentice Hall, 1995. – 15 p.
8. Russell S., Norvig P. Artificial Intelligence: A Modern Approach (2nd ed). – Upper Saddle River: Prentice Hall, 2017. – 19 p.

Поступила 13.03.2024

OPPORTUNITIES AND THREATS OF USING ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN THE LABOR MARKET: INTERNATIONAL FORECAST AND NATIONAL PERSPECTIVES

K. KRAYENKOVA, K. MITSKEVICH
(Vitebsk State Technological University)

The article outlines the theoretical aspects and directions of AI development in the modern world, presents a classification, and spheres of its application in real economic conditions. Based on the research, the following are compiled: a list of top professions at the global and national levels; the structure of vacancies and resumes on the national market; a comparison of trends in the labor market outlined by international and national expert organizations in the field of the labor market with trends identified using AI; an assessment of the opinion of AI (chatbots ChatGPT and Gemini) on the issues of evaluating and forecasting the development directions of the labor market, demand and supply for various professions in the Republic of Belarus.

Keywords: artificial intelligence, the labor market, professions, vacancy, opportunities, threats.

УДК 330

DOI 10.52928/2070-1632-2024-66-1-39-45

**ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕХОДА К «ЗЕЛЕННОЙ» ЭКОНОМИКЕ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ
(НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН)****проф. С.Р. ТОПИЛДИЕВ****ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3671-0704>****(Ташкентский государственный экономический университет)****канд. экон. наук, доц. Е.Б. МАЛЕЙ, канд. экон. наук, доц. Л.В. МАСЬКО, Р.В. ГАВРИЛОВ****Елена Малей ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5331-0032>;****Людмила Масько ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3823-1886>;****Руслан Гаврилов ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4384-6092>****(Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой)**

Данная статья посвящена анализу пути, пройденного Республикой Беларусь и Республикой Узбекистан в направлении перехода к «зеленой» экономике. Авторами оценен стартовый потенциал исследуемых стран на момент выхода из состава СССР, а также проведен анализ существующего уровня социально-экономического развития, достижения показателей устойчивого развития. Охарактеризованы экономические возможности Республики Беларусь и Республики Узбекистан в рамках «зеленого» роста, проведен анализ системы мотивации природопользования через налогообложение и возможности её использования для стимулирования эколого-ориентированного инвестирования. В результате проведенного исследования выявлены общие проблемы перехода к «зеленой» экономике в исследуемых странах, постепенное устранение которых позволит сохранить природно-ресурсный потенциал для будущих поколений и будет способствовать разрешению экологических, экономических и социальных проблем при реализации национальных целей и задач в области устойчивого развития.

Ключевые слова: зеленая экономика, эколого-ориентированная экономика, устойчивое развитие, «зеленый» рост, инвестиции.

Введение. В настоящее время концептуальным ядром устойчивого развития является эффективное экономически и экологозащитное развитие страны с учетом удовлетворения потребностей нынешних и будущих поколений¹. Однако интенсивность использования природно-сырьевых ресурсов и возрастание риска их истощения создают угрозы макроэкономической нестабильности. Глобальные экологические проблемы, социальное неравенство, мировые экономические кризисы способствуют поиску новых решений, направленных на социально-устойчивую экономику, за рамками привычных стратегий роста. На глобальном уровне такой идеей стала стратегия «зеленой» экономики, которая призвана решить экономические проблемы современного общества и сохранить природно-ресурсный потенциал для будущих поколений.

Важно отметить, что для Республики Беларусь вопрос сохранения окружающей среды является весьма актуальным, так как наша страна относится к странам, которые оставляют значительный экологический след (4,2 глобального гектара), что более чем в 1,5 раза превышает среднемировой показатель (2,8 глобального гектара)². Так же и в Республике Узбекистан наблюдается наличие взаимосвязанных проблем и потребностей при обеспечении эффективной ресурсосберегающей экологически безопасной экономики в условиях изменения климата. Республика Узбекистан нуждается в улучшении управления ресурсами: «...ресурсоэффективность Узбекистана значительно ниже, чем ресурсоэффективность европейских стран и других стран с высоким уровнем дохода» [1].

Следует отметить, что Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь определяет направления стабильного развития трех взаимосвязанных и взаимодополняющих компонентов: 1) человека как личности и генератора новых идей; 2) конкурентоспособной экономики; 3) качества окружающей среды в условиях внутренних и внешних угроз и вызовов долгосрочного развития. В Республике Узбекистан также реализуется комплексный подход в области устойчивого развития на период до 2030 года, который предусматривает связанное разрешение экологических, экономических и социальных проблем при реализации национальных целей и задач в области устойчивого развития³.

Актуальность обозначенных проблем перехода к «зеленой» экономике исследуемых стран, потребность их решения обусловили выбор темы данного исследования, которая соответствует приоритетным направлениям фундаментальных и прикладных научных исследований и согласуется с концепциями устойчивого социально-экономического развития. Целью исследования является проведение сравнительного анализа пути, пройденного Республикой Беларусь и Республикой Узбекистан, выявление общих проблем перехода к «зеленой» экономике на основе существующих систем формирования информации о состоянии экономических возможностей бизнеса

¹ URL: <https://economy.gov.by/uploads/files/NSUR2030/Natsionalnaja-strategija-ustojchivogo-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitija-Respubliki-Belarus-na-period-do-2030-goda.pdf> (economy.gov.by).

² Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь, 17.12.2021, 5/49733.

³ URL: <https://lex.uz/docs/5873508>.

как ключевого участника «зеленого» роста. Проведен анализ основных показателей «зеленого» роста Республики Беларусь и Республики Узбекистан на основе официальных статистических данных стран за 2018–2022 гг. и международных рейтингов. В процессе работы авторы руководствовались методами сравнения, индукции, дедукции, синтеза и абстрагирования.

Основная часть. Интерес к проблемам изменения климата, ухудшения окружающей среды, нестабильности экономических систем, впервые обозначенным в 1970-х гг., спустя столько лет не только не ослаб, но и вышел на новый уровень, поскольку так и не были раскрыты все аспекты взаимосвязи экономического развития и состояния окружающей среды. Это обстоятельство привело к формированию в научном сообществе новой парадигмы – «зеленой» экономики.

Однако теоретическое обоснование взаимосвязи экономики и экологии начало формироваться задолго до этого. Первые упоминания экологических вопросов уже можно встретить в работах У. Петти, Ф. Кенэ, А. Тюрго, А. Смита, Д. Рикардо при изучении основы богатства. В последующем в работах Т. Мальтуса отмечается ограниченность ресурсов, Дж. С. Милль акцентировал внимание на социально-экологических аспектах благосостояния и общества, К. Маркс создал теорию воспроизводства общественного капитала. На рубеже XIX – XX вв. А. Пигу обозначает проблему отрицательных внешних эффектов, Р. Коуз проводит корректировку экстерналий с учетом прав частной собственности на объекты окружающей среды. Изучение проблем ограниченности природных ресурсов во взаимосвязи с экономикой отмечено в работах Г. Хотелинга, С. Кузнеца, К. Болдуинга, Р. Солоу. В своей работе К. Эрроу обозначил основы теории принятия экологических решений в условиях риска и неопределенности. В XX в. экологические вопросы рассматривались представителями неоклассической школы (С. Гордон, А. Резаи и др.), школы экологической экономики (Х. Дейли, А.-М. Янссон, Д. М. Алиеру, Р. Констанцу и др.) и посткейнсианской школы (Р. Холт, М. Лавуа и др.).

Среди отечественных и зарубежных ученых исследованию экономики природопользования и решением экологических вопросов посвящены работы С.Н. Бобылева, С.А. Боголюбова, В.В. Глухова, Н.П. Донской, С.И. Колесникова, С.С. Маглыш, А.В. Неверова, Н.К. Соколовского, Е.Т. Тимоновой, Н.Ф. Реймерса, Т.С. Хачатурова, А.Ш. Ходжаева, О.С. Шимовой.

До настоящего времени в международном сообществе не выработано общепринятого определения «зеленой» экономики, но выработан консенсус в понимании идеи, которая сводится к ориентированию на повышение благосостояния при сохранении природных экосистем. В своей работе [2] авторы отмечали, что «зеленая» экономика – это взаимоувязанное развитие элементов системы, направленное на преодоление текущего ущерба и формирование долгосрочной устойчивости, что соотносится с нормам, заложенными в Национальной стратегии устойчивого развития Республики Беларусь до 2035 года. Таким образом, под «зеленой» экономикой понимается новое направление экономической деятельности, основанное на дальнейшем развитии экономики, связанной с производством и услугами, при сохранении ресурсов, необходимых для жизни и здоровья человека, окружающей среды и экологии в целом.

В Республике Беларусь правительством разработан Национальный план действий по развитию «зеленой» экономики⁴ в рамках реализации Национальной стратегии устойчивого развития Республики Беларусь на период до 2035 года. В Республике Узбекистан принята стратегия по переходу на «зеленую» экономику на период 2019 – 2030 годов⁵. Однако к принятию этих документов обе страны пришли разным путем, для оценки которого необходимо понимать стартовый потенциал государств после выхода из состава СССР. Стартовый потенциал бывших советских республик можно оценить, сравнив сальдо межреспубликанского и внешнеэкономического оборота. Так, для Республики Беларусь данный показатель составил -2,05 млрд руб. (в мировых ценах 1988 г.), для Республики Узбекистан, соответственно, -2,54 млрд руб. (в мировых ценах 1988 г.) [3, с. 299]. Исследуемые страны имели схожие условия развития и проблемы в экономике, тем не менее, спустя три десятилетия независимости они обладают разным уровнем социально-экономического развития.

Для оценки эффективности проводимых мер используем рейтинг достижения целей устойчивого развития. Так, в межведомственном рейтинге Целей устойчивого развития, опубликованном ООН (SDR Index⁶) в 2023 г., Узбекистан занял 69-е место среди 166 стран, повысив свой показатель на 8 пунктов. Положительный рост отмечен по 11 из 16 целей, в частности: сокращение бедности; продовольственная безопасность и питание; индустриализация, инновация и инфраструктура; борьба с изменением климата. Важно отметить, что Республика Беларусь заняла 34-е место среди 166 стран. Наибольший прогресс был достигнут по 8 целям, в частности: ликвидация нищеты, гендерное равенство, чистая вода и санитария, недорогостоящая и чистая энергия, уменьшение неравенства, качественное образование, сохранение экосистем суши, партнерство в интересах устойчивого развития. Уровень прогресса остается на высоком уровне, порядка 80% целей по ориентирам, установленным на 2030 г., фактически достигнуты.

Интересными видятся результаты сходств и различий исследуемых государств стратегиях достижения Целей устойчивого развития. В связи с этим, выделим ключевые элементы обозначенных стратегий, характеризующие процессы экологизации экономики за счет сохранения и рационального использования природных ресурсов (таблица 1).

⁴ URL: https://economy.gov.by/ru/nac_plan-ru/ (economy.gov.by).

⁵ URL: <https://lex.uz/en/docs/4539506#4542751>.

⁶ URL: <https://s3.amazonaws.com/sustainabledevelopment.report/2023/sustainable-development-report-2023.pdf>.

Таблица 1. – Элементы Национальных стратегий развития «зеленой» экономики в Республике Узбекистан и Республике Беларусь.

Элементы национальных стратегий устойчивого развития Республики Узбекистан	Критерии сравнения	Элементы национальных стратегий устойчивого развития Республики Беларусь
Повышение благосостояния народа, трансформация отраслей экономики, ускоренное развитие предпринимательства, безусловное обеспечение прав и интересов человека, формирование активного гражданского общества на основе принципа «Во имя чести и достоинства человека»	Центральная идея	Обеспечение «зеленого» экономического роста в условиях сохранения природного капитала и повышения занятости, и, как следствие, достижение Целей устойчивого развития
В основу целей и задач положены Глобальные цели устойчивого развития, принятые на саммите ООН в сентябре 2015 г., которые разделены на 3 основные группы: экономическое процветание, социальная защита и окружающая среда	Главные цели и задачи	Механизм «зеленого» экономического роста: экономический, социальный и экологический компоненты
Макроэкономические показатели, выраженные через ВВП	Национальная система оценки	- Статистические показатели «зеленого» роста. - Ежегодный мониторинг выполнения программы НСУР. - Оценка соответствия экономической деятельности принципам «зеленой» экономики. - Система природно-экономического учета (в разработке)

По результатам проведенного сравнения (см. таблица 1) можно сделать вывод о том, что Национальные стратегии исследуемых стран определяют направления перехода к постиндустриальному обществу и инновационному развитию экономики при гарантировании развития социальной среды, повышения уровня жизни и обеспечении благоприятной окружающей среды. Обе стратегии базируются на достижениях и практических подходах международного сообщества в рамках перехода к устойчивому развитию, но с учетом адаптации к особенностям развития стран. Государства не только взяли на себя обязательства по реализации целей устойчивого развития, но и построили на их основе национальные стратегии развития. Эффективность реализуемых мер высоко отмечается в международных рейтингах. В то же время принятые национальные системы оценки недостаточны для ключевых участников экономики, а именно бизнеса.

В Национальном плане действий по развитию «зеленой» экономики в Республике Беларусь четко обозначено, что развитие «зеленой» экономики требует формирования системы показателей (экологических, экономических и социальных), позволяющих выявить и определить приоритетность проблем и оценить эффективность реализуемых мероприятий⁷. В то же время фактически единственным источником информации на национальном уровне, характеризующим процессы экологизации экономики и отражающим экономические возможности и роль бизнеса как ключевого участника в процессе «зеленого» роста, выступают статистические показатели «зеленого» роста (далее – СПЗР). Такая же ситуация прослеживается и в Республике Узбекистан, где в основном используются макроэкономические показатели экологического и социального развития, выраженные через валовый внутренний продукт. В таблицах 2 и 3 приведены социально-экономические статистические показатели, характеризующие развитие экономики и социальной сферы в Республике Беларусь и Республике Узбекистан.

Таблица 2. – Социально-экономические статистические показатели, характеризующие развитие экономики и социальной сферы в Республике Беларусь за период 2018–2022 гг.⁸

Наименование показателя	Единица измерения	2018	2019	2020	2021	2022 ¹⁾
Экономические параметры						
Валовой внутренний продукт (в текущих ценах)	млрд. руб.	122,3	134,7	149,7	176,9	191,4
Валовой внутренний продукт (в сопоставимых ценах)	% к предыдущему году	103,1	101,4	99,3	102,4	95,3
Валовой внутренний продукт	млрд. долл. США	59,95	64,51	60,85	69,68	72,43
Чистый национальный доход (в текущих ценах)	млрд. руб.	104,6	115,1	126,0	149,4	162,7
Производительность труда по ВВП	тыс. руб.	28,2	31,1	34,7	41,3	45,4
Социально-демографические параметры						
Среднегодовая численность населения	млн. чел.	9,44	9,42	9,38	9,30	9,23
Коэффициент старения населения	%	89,1	91,3	93,0	94,2	98,9
Уровень фактической безработицы (по методологии МОТ)	%	4,8	4,2	4,0	3,9	3,6
Коэффициент Джини	k	0,275	0,272	0,266	0,276	0,268

⁷ См. сноску № 4.

⁸ URL: <https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/makroekonomika-i-okruzhayushchaya-sreda/okruzhayushchaya-sreda/pokazateli-zelenogo-rosta/>.

Таблица 3. – Социально-экономические статистические показатели, характеризующие развитие экономики и социальной сферы в Республике Узбекистан за период 2018–2022 гг.⁹.

Наименование показателя	Единица измерения	2018	2019	2020	2021	2022
Экономические параметры						
Валовой внутренний продукт (в текущих ценах)	млрд. сум.	426 641,0	532 712,5	605 514,9	738 425,2	896 617,9
Валовой внутренний продукт (в сопоставимых ценах)	% к предыдущему году	105,5	106,0	102,0	107,4	105,7
Валовой внутренний продукт	млрд. долл. США	57,87	60,28	60,22	69,6	80,39
Валовое накопление	% ВВП	37,2	41,8	40,0	40,4	37,5
Валовое накопление основного капитала	годовой рост, в %	29,9	38,1	-4,4	2,9	0,2
Социально-демографические параметры						
Среднегодовая численность населения	млн. чел.	31,45	31,90	32,55	33,27	36,02
Коэффициент старения населения	% (на основе критерия оценки ООН)	4,6	4,8	4,9	5,1	5,4
Уровень фактической безработицы (по методологии МОТ)	%	9,3	9,0	10,5	9,6	8,9
Коэффициент Джини	k	0,262	0,262	0,276	0,23	0,283

Анализ данных таблиц 2 и 3 показывает, что в течение анализируемого периода обе страны демонстрировали положительную динамику в развитии экономики и социальной сферы. Наблюдается рост валового внутреннего продукта, хотя в Республике Узбекистан данный рост выглядит более стабильным и значительным. Производительность труда также повышалась в обеих странах, однако Республика Беларусь продемонстрировала более высокий уровень производительности труда. В то же время в обеих республиках наблюдается процесс старения населения, но скорость этого процесса различна: Республика Узбекистан показывает более медленный темп старения населения. Рынок труда в Республике Беларусь видится более стабильным, с более низким уровнем фактической безработицы. Оба государства снижали уровень экономического неравенства, и коэффициент Джини в Республике Беларуси оставался на более низком уровне по сравнению с Республикой Узбекистан. Можно сделать вывод о том, что обе страны достигли определенного прогресса в социально-экономической сфере, однако с некоторыми различиями в темпах и направлениях.

Бесспорно, социально-экономические показатели иллюстрируют определенный прогресс, однако необходимо оценить роль государства и бизнеса как ключевых участников процесса «зеленого» роста. В Республике Беларусь для этого используются статистические показатели «экономические возможности», которые представлены в таблице 4.

Таблица 4. – Экономические возможности Республики Беларусь за период 2018–2022 гг.¹⁰

Наименование показателя	Единица измерения	2018	2019	2020	2021	2022
Объем совокупных расходов на охрану окружающей среды	млн. руб.	820,4	920,0	1018,5	1139,7	1183,5
из них инвестиции в основной капитал на охрану окружающей среды	млн. руб.	112,6	157,3	204,5	218,5	230,0
Объем совокупных расходов на охрану окружающей среды	% к ВВП	0,7	0,7	0,7	0,6	0,6
Экологический налог	млн. руб.	193,7	215,4	266,2	298,8	–
Экологический налог	% к ВВП	0,2	0,2	0,2	0,2	–
Экологический налог	% к общей сумме налоговых доходов	0,6	0,7	0,8	0,7	–

В период с 2018 по 2022 год в Республике Беларусь объем совокупных расходов на охрану окружающей среды увеличился с 820,4 млн руб. в 2018 году до 1183,5 млн руб. в 2022 году, также наблюдается рост инвестиций в основной капитал для охраны окружающей среды, что свидетельствует о росте внимания к экологическим вопросам и увеличении финансирования в данной области. Однако, при росте инвестиций, доля расходов на охрану окружающей среды относительно валового внутреннего продукта остается на уровне 0,6 – 0,7%. При росте экологического налога в стоимостном выражении, его доля в валовом внутреннем продукте и общей сумме налоговых доходов остается фактически неизменной и незначительной, что не позволяет говорить об использовании экологического налогообложения в качестве экономического инструмента для стимулирования экологических инвестиций. Фактически, в Республике Беларусь механизм платности природопользования, выраженный через экологические платежи, находится на ранней стадии развития, и доходы от него не покрывают расходы из бюджета, делая данную область дотационной [4, с. 158].

В Республике Узбекистан доля расходов на охрану окружающей среды от совокупных расходов органов государственного управления на охрану окружающей среды является незначительной, и при росте совокупных

⁹ URL: <https://stat.uz/ru/ofitsialnaya-statistika/national-accounts>.

¹⁰ См. сноску № 8.

расходов органов управления около 30% в 2019 году по сравнению с 2018 годом доля расходов на охрану окружающей среды осталась неизменной. В то же время наблюдается рост ресурсных платежей, однако их доля в составе валового внутреннего продукта остается незначительной. Кроме того, при росте поступлений ресурсных платежей отсутствует рост расходов на охрану окружающей среды (таблица 5).

Таблица 5. – Экономические возможности Республики Узбекистан за период 2018–2022 гг.¹¹

Наименование показателя	Единица измерения	2018	2019	2020	2021	2022
Совокупные расходы органов гос. управления на охрану окружающей среды	млрд. сум.	47,08	65,67	–	–	–
Расходы на охрану окружающей среды (% от совокупных расходов органов гос. управления)	%	0,05	0,05	–	–	–
Расходы на охрану окружающей среды	% к ВВП	0,24	0,33	0,32	0,28	0,22
Ресурсные налоги	млрд. сум.	10,057	17,321	19,283	20,579	19,898
Ресурсные налоги	% к общей сумме налоговых доходов	9,3	12,7	14,5	12,5	9,8

В целом можно отметить, что в обеих странах за анализируемый период наблюдается рост инвестиций в основной капитал, направленных на охрану окружающей среды, что свидетельствует о повышенном внимании к экологическим вопросам. В то же время доля расходов на охрану окружающей среды остается практически неизменной относительно валового внутреннего продукта. Также рост поступлений от экологических налогов в республиках не сопровождается существенным ростом его доли в валовом внутреннем продукте или в общей сумме налоговых доходов, что указывает на недостаточную эффективность использования экологического налогообложения в качестве инструмента стимулирования экологических инвестиций.

Считаем, что «... система экологического налогообложения в странах ЕС зарекомендовала себя как достаточно эффективный инструмент построения «зеленой» экономики» [5, с. 154]. Также нами было отмечено, что достижение устойчивого развития должно осуществляться через создание благоприятных условий для инновационного развития, а инновации должны быть ключевым элементом достижения всех составляющих устойчивого развития и их компонентов в частности [6]. В этой связи в таблицах 6 и 7 представлены основные показатели, характеризующие инвестиции в основной капитал в Республике Беларусь и Республике Узбекистан.

Таблица 6. – Инвестиции в основной капитал в Республике Беларусь за период 2018–2022 гг.¹²

Наименование показателя	2018	2019	2020	2021	2022
Объем инвестиций в основной капитал, млрд. руб.	25,01	28,79	29,63	31,04	28,46
Индекс физического объема инвестиций в основной капитал, в % к предыдущему году в сопоставимых ценах	106,0	106,6	94,0	94,5	80,9
Удельный вес организаций, осуществлявших затраты на инновации, в общем числе обследованных организаций, %	22,0	21,1	20,6	19,7	20,0
Доля расходов на НИОКР в ВВП, %	0,61	0,57	0,54	0,46	0,48
Доля расходов на инновации, не связанные с НИОКР, в общем объеме отгруженной продукции (работ, услуг), %	1,18	1,39	1,43	0,72	0,42
Расходы на инновации на одного занятого в экономике, руб.	270,0	333,9	349,3	277,1	203,6

Таблица 7. – Инвестиции в основной капитал в Республике Узбекистан за период 2018–2022 гг.¹³

Наименование показателя	2018	2019	2020	2021	2022
Освоение инвестиций в основной капитал, млрд. сум	124231,3	195927,3	210195,1	239552,6	266240,0
Темпы роста освоения инвестиций в основной капитал, в %	129,9	138,1	95,6	102,9	100,2
Доля расходов на НИОКР в ВВП, в %	0,1	0,1	0,1	0,1	–

Объем инвестиций в основной капитал в Республике Беларусь неуклонно растет, что говорит о стремлении к развитию экономики. Однако, индекс физического объема инвестиций в ряде лет показывает снижение относительно предыдущих периодов, что может указывать на нестабильность или недостаточную эффективность использования инвестиций. Снижение удельного веса организаций, осуществляющих затраты на инновации, а также доли расходов на инновации, не связанные с НИОКР, может указывать на снижении интереса к инновационной деятельности. На нестабильность инновационной активности также указывает снижение расходов на инновации на одного занятого в экономике. В совокупности всё это говорит о необходимости улучшения условий для инновационной деятельности и требует дальнейших усилий для её стимулирования.

Республика Узбекистан в анализируемом периоде демонстрирует рост освоения инвестиций в основной капитал, однако, несмотря на значительный объем инвестиций в основной капитал, доля расходов на НИОКР

¹¹ См. сноску № 9.

¹² См. сноску № 8.

¹³ См. сноску 9.

в валовом внутреннем продукте остается на незначительном уровне и почти неизменна на протяжении всего периода наблюдений, что может свидетельствовать об относительно низкой интенсивности инновационной деятельности в стране.

Необходимо подчеркнуть, что существует прямая корреляция между расходами на НИОКР в расчете на душу населения и позициями стран в международных рейтингах по индексам, характеризующим уровень развития экономики, основанной на знаниях. Проведем сравнение данных о затратах на НИОКР в разрезе исследуемых стран по рейтингу достижения Целей устойчивого развития (SDR Index 2023) (рисунок 1).

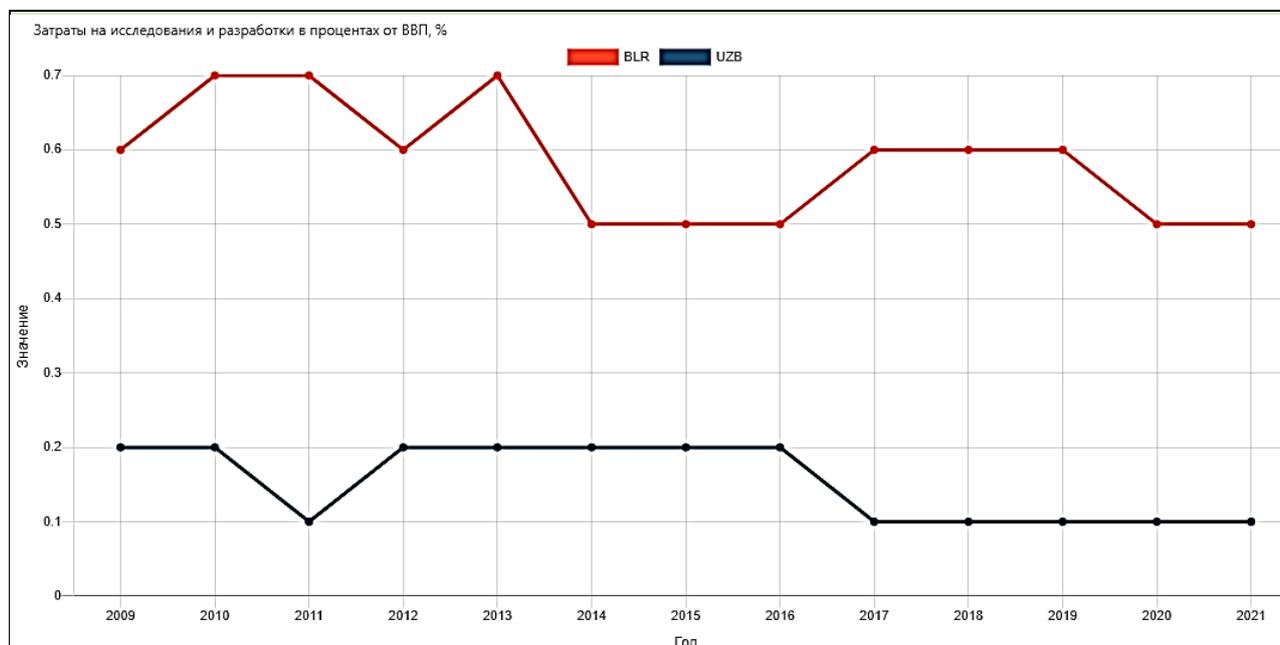

Рисунок 1. – Затраты на НИОКР в процентах от ВВП¹⁴ в разрезе стран по рейтингу достижения Целей устойчивого развития, в том числе Республики Беларусь и Республики Узбекистан

По результатам сравнения видно, что затраты на НИОКР имеют значительное влияние на достижение целей устойчивого развития, поскольку они способствуют инновационному прогрессу, экономическому росту и решению актуальных социальных и экологических проблем. Как нами было отмечено, доля затрат на НИОКР от ВВП в Республике Беларусь и Республике Узбекистан незначительная, однако в Республике Беларусь доля таких затрат в ВВП фактически в два раза больше, что свидетельствует о более высоком уровне социально-экономического развития страны. Исходя из проведенного анализа становится очевидным, что курс страны, связанный с вложениями в НИОКР является правильным и экономически обоснованным, что приносит свои «дивиденды» в экономической, социальной и экологической сферах.

Заключение. Проведенное исследование позволяет выделить следующие общие проблемы исследуемых стран в процессе перехода к «зеленой» экономике:

- отсутствие комплексных систем оценки достигнутого результата, которые могут быть источником полноценной информации для участников «зеленого» роста, в частности, бизнеса;
- при росте инвестиций в основной капитал, направленных на охрану окружающей среды, объем совокупных расходов на охрану окружающей среды относительно валового внутреннего продукта фактически неизменен и остается на достаточно низком уровне;
- в рассматриваемом периоде рост экологических (ресурсных) налогов в стоимостном выражении не приводит к росту совокупных расходов на охрану окружающей среды;
- рост поступлений от экологических налогов не сопровождается ростом его доли в валовом внутреннем продукте или в общей сумме налоговых доходов, что указывает на недостаточную эффективность использования экологического налогообложения в качестве экономического инструмента для стимулирования экологических инвестиций;
- наблюдается нестабильность и недостаточная эффективность используемых инвестиций, в том числе расходов на НИОКР;
- по результатам исследования установлено отсутствие взаимосвязи между ростом экологических (ресурсных) налогов и ростом экологических инвестиций.

¹⁴ URL: <https://w3.unece.org/SDG/ru/Indicator?id=123>.

Считаем, что существующая система формирования информации о состоянии экономических возможностей бизнеса как ключевого участника «зеленого» роста не в полной мере отвечает современным требованиям, а статистические показатели, отражающие экономические возможности, не являются системой мотивации бизнеса для участия в процессе зеленого роста. Результаты проведенного исследования обосновывают вывод о том, что:

– в исследуемых странах субъекты хозяйствования не располагают достаточно полной и необходимой информацией, влияющей на принятие эколого-ориентированных решений;

– идентификация в системе статистических показателей указанных стран, по информации о вкладе в природоохранные мероприятия через систему платности природопользования не осуществляется в необходимом детализированном объеме и не отвечает потребностям бизнеса.

Считаем, что постепенное устранение общих проблем перехода к «зеленой» экономике исследуемых стран позволит сохранить природно-ресурсный потенциал для будущих поколений и будет способствовать разрешению экологических, экономических и социальных проблем при реализации национальных целей и задач в области устойчивого развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. Topildiyev S.R. O'zbekistonda "yashil" iqtisodiyotga o'tish muammolari va uni bartaraf etish yo'llari // "Yashil" iqtisodiyot va taraqqiyot. – 2024. – № 1(1). – С. 22–27. DOI: https://doi.org/10.55439/GED/vol1_iss1/a758.
2. Масько Л.В., Гаврилов Р.В. «Зеленая» экономика в контексте устойчивого развития общества: экономическая сущность и определение // Studia universitatis Moldaviae. Seria "Stiinte Exacte Si Economice". – 2020. – № 7(137). – С. 187–196.
3. Гайдар Е.Т. Гибель империи. Уроки для современной России. – М.: РОССПЭН, 2006. – 440 с.
4. Проблемы представления информации о результатах ESG-поведения в отчетности компаний для реализации целей устойчивого развития / И. Голочалова, М. Кожокару, Л. Масько, Р. Гаврилов. – Кишинэу: б. и., 2023 (Print-Caro). – 193 p.
6. Problems of presenting information on the results of ESG - behavior in the reporting of companies for the implementation of SDGs / I. Golochalova, M. Cojocar, L. Masko, R. Gavrilov. – Chişinău : [S. n.], 2023 (Print-Caro). – 184 p.
7. Масько Л.В., Гаврилов Р.В. Устойчивое развитие и «зеленая» экономика: сущность и взаимообусловленность // Сельское хозяйство – проблемы и перспективы: сб. науч. тр. – Гродно: Гродн. гос. аграр. ун-т, 2020. – Т. 50. – С. 140–151.

Поступила 27.03.2024

PROBLEMS OF TRANSITION TO A GREEN ECONOMY IN MODERN CONDITIONS (BASED ON THE EXAMPLE OF THE REPUBLIC OF BELARUS AND THE REPUBLIC OF UZBEKISTAN)

S. TOPILDIEV

(Tashkent State Economic University)

E. MALEY, L. MASKO, R. GAVRILOV

(Euphrosyne Polotskaya State University of Polotsk)

This article is devoted to the analysis of the path taken by the Republic of Belarus and the Republic of Uzbekistan towards the transition to a "green" economy. The authors assessed the starting potential of the countries under study at the time of secession from the USSR, and also analyzed the existing level of socio-economic development and achievement of sustainable development indicators. The economic opportunities of the Republic of Belarus and the Republic of Uzbekistan within the framework of green growth are characterized, an analysis of the system of motivation for environmental management through taxation and the possibility of using it to stimulate environmentally-oriented investment is carried out. As a result of the study, common problems of transition to a "green" economy in the countries studied were identified, the gradual elimination of which will preserve the natural resource potential for future generations and will contribute to the resolution of environmental, economic and social problems in the implementation of national goals and objectives in the field of sustainable development.

Keywords: *green economy, environmentally-oriented economy, sustainable development, green growth, investment.*

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 343.85

DOI 10.52928/2070-1632-2024-66-1-46-50

**КРИМИНОГЕННЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ СУПРУЖЕСКОГО НАСИЛИЯ
В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
(по данным социологических опросов общественного мнения)****О.В. КАТУШОНОК***(Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой)*ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0619-7444>**О.А. СТАДНИКОВА***(Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена)*ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-8656-0849>

Опросы общественного мнения играют важную роль в получении информации относительно того, какие причины лежат в основе супружеских конфликтов. Еще большее значение имеют комплексные сравнительные криминологические исследования общественного мнения, поскольку они помогают выявить масштаб проблемы домашнего насилия путем сравнительного анализа данных, полученных в разных странах. В статье представлены результаты исследования криминогенных детерминант супружеских конфликтов, которые были получены в ходе социологического опроса, проведенного криминологами из Полоцкого государственного университета имени Евфросинии Полоцкой (Республика Беларусь) и Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена (Российская Федерация). Проведенное исследование касалось вопросов о причинах конфликтов между супругами, которые, в конечном счете, могут привести к домашнему насилию. Результаты исследования свидетельствуют, что причины в разных странах могут различаться, однако имеются общие тенденции и закономерности, включая финансовые трудности, различия в интересах и взглядах по широкому спектру вопросов, недостаток внимания и т.д.

Ключевые слова: домашнее насилие, насилие в семье, семейно-бытовая сфера, семья, конфликты, криминогенные детерминанты, супруги.

Введение. В настоящее время проблема домашнего насилия является признанной проблемой как российского, так и белорусского общества, оставляющей глубокий след на физическом, эмоциональном и психологическом благополучии лиц, ставших жертвами такого насилия. Зачастую домашнее насилие «разрастается» из супружеских конфликтов. Знание основных причин, лежащих в основе таких конфликтов, поможет понять индивидуальные потребности конкретной личности, её ожидания от партнера, развить навыки коммуникации, необходимые для ненасильственного разрешения возникающих противоречий. Изучение детерминант семейных конфликтов поможет выявить наиболее распространенные из них с тем, чтобы не допустить их накопления и дальнейшего обострения. В связи с этим с целью выработки эффективных мер для предотвращения домашнего насилия необходимо проведение обширного исследования на предмет того, какие факторы общественность считает криминогенными детерминантами супружеских конфликтов.

Эмпирическую базу работы составили результаты следующих исследований: – анкетный опрос «Отношения в семье» (Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена (Российская Федерация), 2023 г.). Выборка квотная. В качестве квот определены пол и наличие/отсутствие опыта супружеской жизни. Основная референтная группа: замужние женщины ($n = 74$), женатые мужчины ($n = 25$). Дополнительная референтная группа: незамужние женщины ($n = 3$), неженатые мужчины ($n = 1$); – анкетный опрос «Отношения в семье» (Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой (Республика Беларусь), 2023 г.). Выборка квотная (квоты аналогичны). Основная референтная группа: замужние женщины ($n = 90$, из них 2 состоят в незарегистрированном браке), женатые мужчины ($n = 54$). Дополнительная референтная группа: незамужние женщины ($n = 16$), неженатые мужчины ($n = 4$); – вторичный анализ социологического исследования по проблеме домашнего насилия: «Отношения в семье» (Полоцкий государственный университет, 2017).

Основная часть. Для выяснения криминогенных детерминант супружеского насилия в анкете был поставлен вопрос об основных причинах конфликтов в семьях. При расчете принимались данные, полученные от основных референтных групп, т.е. лиц, состоящих в зарегистрированном либо неофициальном браке в настоящее время, без разбивки по полу ($n = 99$ (РГПУ), $n_1 = 144$ (ПГУ, 2023), $n_2 = 213$ (ПГУ, 2017)). Результаты представлены в таблице.

Анализ полученных данных позволяет сделать ряд выводов относительно основных криминогенных детерминант супружеских конфликтов.

Самой «популярной» причиной семейных конфликтов для почти трети респондентов из РГПУ (28,9%) являются различия в интересах и взглядах супругов. Значительная доля указанной причины была и у опрошенных в ПГУ в 2017 году. Однако, как видно из таблицы, в опросе 2023 года менее 20% респондентов из ПГУ выбрали

данный вариант ответа. В целом, можно отметить, что действительно различия в интересах и взглядах могут привести к конфликтам, так как каждый член семьи имеет свои собственные предпочтения и точку зрения, которую он считает единственно правильной. Взаимное непонимание и различные ценности могут вызывать напряженность в отношениях в семье, особенно когда супруги привержены разным образам жизни и не могут найти компромисс. Отсутствие взаимоуважения и взаимопонимания между супругами может создать постоянные конфликты, которые в состоянии подорвать семейные отношения, привести к распаду семьи, помимо этого, спровоцировать криминогенную обстановку в семье.

Таблица. – Основные криминогенные детерминанты супружеского насилия

Детерминанты (возможно несколько вариантов ответов)	РГПУ, 2023, %	ПГУ, 2023, %	ПГУ, 2017, %
Жилищные проблемы, бытовая неустроенность	20,6	15,4	22,1
Нехватка/отсутствие денежных средств	20,6	24,4	29,6
Нежелание супруга работать	3,1	6,4	12,2
Различия в интересах, взглядах	28,9	19,2	27,7
Различные взгляды на супружескую и семейную жизнь, распределение обязанностей в быту	21,6	30,8	20,7
Расхождения в вопросах воспитания детей	10,3	28,2	17,8
Распределение обязанностей по дому (нежелание одного из супругов выполнять обязанности по дому)	17,5	30,8	22,1
Вредные привычки одного или обоих супругов	18,6	24,4	23
Проблемы во взаимоотношениях с родителями/родными одного или обоих супругов	14,4	15,4	15,5
Супружеская неверность	6,2	3,8	8
Ревность	22,7	3,8	26,3
Отсутствие внимания/проявления заботы со стороны супруга	24,7	23,1	15,5
Времяпрепровождение одного из супругов вне семьи (круг общения супруга)	4,1	6,4	15,5
Желание супруга сделать карьеру	1	-	5,2
Проблемы на работе	10,3	3,8	17,8
Проблемы в интимных отношениях	17,5	15,4	5,2
Устоявшиеся стереотипы о главенствующей роли мужчины в семье	6,2	5,1	*
Вмешательство родных и близких в семейную жизнь	14,4	5,1	*
Неудовлетворенность своей жизнью	20,6	10,3	*
Отсутствие действенных мер реагирования на домашнее насилие	2,1	1,3	*
Иное	7	9,1	10,3

* Данные варианты при опросе в 2017 году не приводились

Ряд исследователей отмечают, что «источниками семейного конфликта является стремление людей к перераспределению власти с использованием механизма принуждения. То есть <...> конфликты в семье происходят из-за борьбы за власть и доминирующие социальные позиции» [1]. Отчасти данному утверждению соответствуют и результаты проведенного исследования. Более трети опрошенных в ПГУ заявили, что причинами конфликтов в их семьях являются различные взгляды на супружескую и семейную жизнь, распределение обязанностей по дому (по 30,8%). В то же время для респондентов из РГПУ указанные детерминанты не являются преобладающими, однако при этом имеют существенные показатели. Так, о том, что причиной конфликтов являются различные взгляды на семейную и супружескую жизнь, отметили 21,6% опрошенных россиян; 17,5% указали на распределение обязанностей по дому как на криминогенную детерминанту. Менее значимыми были эти показатели при опросе в ПГУ в 2017 году – 20,7% и 22,1%, соответственно.

Между тем обращает внимание на себя вариант ответа «Расхождения в вопросах воспитания детей». Почти треть опрошенных белорусов (28,2%) и только 10,3% опрошенных россиян указали на данный фактор как криминогенную детерминанту. Как видно, россияне в большей степени имеют расхождения в своих интересах, во взглядах на супружескую жизнь и распределение обязанностей по дому, в меньшей степени расхождения касаются методов воспитания детей. Что касается белорусов, то определение способов воспитания детей выступает не менее значимой детерминантой, чем расхождения по вопросам супружеской жизни. Полагаем, данные факторы взаимосвязаны, так как расхождения относительно воспитания детей может повлиять и на роли и обязанности каждого из супругов в семье. Если один из них более авторитарный и жесткий в процессе воспитания, в то время как другой придерживается более демократического подхода, то это также может стать предпосылкой для супружеских конфликтов и разногласий не только по поводу того, какого же стиля воспитания придерживаться, но и по поводу распределения супружеских обязанностей.

Следует обратить внимание на тот факт, что значительное количество опрошенных россиян указали на материальные проблемы как причину конфликтов в семье. Так, по 20,6% респондентов выбрали варианты ответов «Жилищные проблемы, бытовая неустроенность», «Нехватка/отсутствие денежных средств», «Неудовлетворенность своей жизнью». Нехватка материальных средств на удовлетворение своих потребностей и желаний может создать напряженность и стресс в супружеских отношениях, а тяжелое финансовое положение – привести к постоянным спорам и разногласиям между супругами. В свою очередь отсутствие собственного жилья (например, проживание с родителями одного из супругов либо на съемной квартире) или некомфортные условия проживания,

могут стать обузой для супругов и вызвать серьезные конфликты. Жилищные проблемы создают давление на отношения и способны обострять иные неразрешенные проблемы, даже самые незначительные. Зачастую неудовлетворенные своей жизнью супруги перекладывают свои проблемы и ответственность за них на партнера, провоцируя тем самым конфликтные отношения. Отсутствие эмоциональной привязанности и удовлетворенности может привести к чувству разочарования в супруге и в ряде случаев сказаться на качестве семейных отношений.

Иными исследованиями также установлено, что необеспеченность семьи и наличие жилищных проблем являются главными причинами насилия. Например, Н.О. Плешакова отмечает, что «в новых условиях, при сохранении традиционных ожиданий относительно роли «мужчины-добытчика», последние не всегда в состоянии выполнять данную функцию, что усугубляет конфликтность семейных отношений и ведет к росту семейного насилия»¹.

Так, следует отметить, что среди опрошенных белорусов значительно меньше лиц указали на данные проблемы как детерминанты семейных конфликтов. Так, о жилищных проблемах заявили 15,4% респондентов, о неудовлетворенности своей жизнью только 10,3%. Ранее проведенное исследование отношения младшего поколения миллениалов к браку и разводу, показало, что подавляющее большинство опрошенных (82% девушек и 70,6% парней) считают нормальным явлением, когда жена зарабатывает больше мужа. Чуть менее трети парней и только 18% девушек все же считают, что именно «мужчина должен зарабатывать больше и полностью обеспечивать семью, а зарабатывать меньше жены стыдно» [2, с. 369]. Полагаем, что для Республики Беларусь в меньшей степени характерны устоявшиеся стереотипы относительно главенствующей роли мужчины в семье и расценивание его как основного или даже единственного лица, обеспечивающего материальное благосостояние семьи. В 2017 году значительная часть белорусских респондентов указывала на материальные трудности как криминальные детерминанты супружеских конфликтов. Однако опрос 2023 года показал положительные тенденции: количество ответов о жилищных проблемах как причины конфликтов снизилось с 22,1% до 15,4%, а нехватки денежных средств – с 29,6% до 24,4%.

Перед респондентами был поставлен вопрос: «Как вы оцениваете свое материальное положение?» При ответе на данный вопрос белорусских респондентов, столкнувшихся с насилием в супружеских отношениях, данные распределились следующим образом: «отличное материальное обеспечение» отметили 6,4% женщин и 8,4% мужчин; «хорошее» – 41,1% женщин и 35,2% мужчин; «удовлетворительное» – 47,4% женщин и 43,7% мужчин; «плохое» – 5,1% женщин и 9,9% мужчин. 2,8% мужчин затруднились ответить на поставленный вопрос. Среди россиян, столкнувшихся с проблемой домашнего насилия, 38,8% респондентов оценили свое материальное положение как «удовлетворительное», 43,7% – как «хорошее» и 7,8% – как «отличное». При этом только 8,7% отметили плохое материальное положение. При этом обращает на себя внимание тот факт, что даже среди тех, кто отметил свое материальное положение как «отличное» и «хорошее», были те, кто выбрал варианты «Жилищные проблемы, бытовая неустроенность», «Нехватка/отсутствие денежных средств» в качестве причин семейных конфликтов. Таким образом, проведенное нами исследование показало, что супружеские конфликты, и как следствие совершение домашнего насилия, не находятся в прямой зависимости от уровня благосостояния конкретной семьи. Насильственное воздействие возможно в семьях с различным уровнем достатка, а затруднительное материальное положение не подразумевает, что в данной семье совершается насилие. Среди белорусов, не сталкивающихся с насилием в супружеских отношениях, лишь 10% мужчин отметили свое материальное положение как «отличное»; 36,4% женщин и 30% мужчин – как «хорошее»; 59,1% женщин и 43,3% мужчин – как «удовлетворительное»; 4,5% женщин и 3,3% мужчин – как «плохое».

В связи с указанным, считаем представление о возникновении насилия в результате проявления неудовлетворительных бытовых и материальных условий не в полной мере верным – насилие в семье наблюдается независимо от социального положения и уровня жизни [3, с. 14]. В поле зрения исследователей и практических работников должны находиться не только семьи с низким материальным обеспечением. При изучении домашнего насилия следует осуществлять анализ семей с разным уровнем достатка и уровнем образования у её членов, поскольку эти факторы могут оказывать влияние на характер и причины насильственных проявлений внутри семьи, но не свидетельствуют об отсутствии данной проблемы. Сложность в выявлении домашнего насилия в семьях с высоким уровнем материального достатка может быть связана с тем, что оно тщательнее скрывается, происходит не на виду у окружающих.

Не последнюю роль среди причин семейных конфликтов играют и вредные привычки одного из супругов. Курение, злоупотребление алкоголем или наркотиками могут вызывать раздражительность и неудовлетворенность у партнера, что, в свою очередь, вызывает конфликты и ссоры из-за мелочей или незначительных проблем. Кроме того, наличие вредных привычек может вызвать у супруга чувство опустошения от безысходности и отчуждения и привести, в конечном счете, к снижению близости и уровня доверия в супружеских отношениях. Вредные привычки супругов зачастую негативно влияют и на финансовое положение семьи. Расходы на алкоголь, сигареты или наркотики могут оказаться неподъемными для бюджета и спровоцировать конфликты из-за финансовых проблем. О подобных проблемах в семьях заявили 18,6% опрошенных россиян и 24,4% белорусов. К вредным привычкам, которые могут привести к конфликтам в семье, следует также отнести и интернет-зависимость. Исследователи отмечают, что зависимый супруг «перестает участвовать в жизни семьи, начинается нехватка денег, супруга не чув-

¹ Плешакова, Н.О. Семейное насилие и пути его преодоления в современном обществе: региональный аспект : автореф. дисс... канд. социол. наук : 22.00.04 / Н.О. Плешакова. – Пенза, 2017. – 24 с.

ствуется поддержки, внимания, начинаются затяжные выяснения отношений, накопление взаимных обид» [4]. Указанные обстоятельства также негативно влияют на микроклимат и могут привести к домашнему насилию.

Примерно одинаково распределены ответы по такому варианту, как «Проблемы во взаимоотношениях с родителями/родными одного или обоих супругов» (14,4% россиян и 15,4% белорусов). При этом данный показатель практически не изменился по сравнению с опросом в ПГУ 2017 года. Однако непосредственно связанное с этим фактором «Вмешательство родных и близких в семейную жизнь» выбрали 14,4% российских респондентов и только 5,1% белорусских. Как правило, подобного рода проблемы возникают между одним супругом и родителями другого. Родители из благих побуждений дают советы, наставления, которые молодежь не желает принимать и следовать им. Дополнительное напряжение из-за вмешательства родственников в семейные дела возникает вследствие того, что другой супруг не может оставаться в стороне, а должен занять позицию одной из сторон. Каждый пытается отстаивать свои интересы в противостоянии и выбор той или иной стороны так или иначе приведет к конфликту.

Еще одним значимым обстоятельством, способным привести к супружеским конфликтам, является отсутствие заботы и внимания со стороны супруга. Данный вариант выбрали 24,7% опрошенных россиян и 23,1% опрошенных белорусов. Причем в 2017 году среди белорусов данный фактор не имел такого значимого процента – 15,5%. Когда один из супругов не чувствует себя значимым и по достоинству оцененным, не получает необходимой поддержки и понимания, может возникнуть недовольство и разочарование. Следующие в процессе или после этого упреки и обвинения являющиеся потенциальным толчком к супружеским конфликтам. Схожим с данным фактором является недостаток общения, на который П.С. Сигачева указывает не только как на причину конфликтов, но даже как на возможную причину развода, инициатором которого выступает мужчина. Недостаток времени для общения супругов, невозможность следить за своей супружеской жизнью она называет «психологическим цинизмом», который и может побудить мужчину к разводу [5, с. 108].

Ряд факторов, имеющих вес по результатам опроса в ПГУ в 2017 году, не нашел отражения в ответах опроса 2023 года. Так, существенно снизилась вероятность возникновения конфликтов между супругами из-за проблем на работе (с 17,8% до 3,8%), из-за времяпрепровождения одного из супругов вне семьи (с 15,5% до 6,4%). Не являются данные факторы значимыми и для опрошенных россиян: на проблемы на работе указали 10,3%, на круг общения супруга – 4,1%.

Существенный скачок наблюдается и в варианте «Ревность». В 2017 году в ПГУ ответы были на уровне 26,3%, в то время как в 2023 году – всего 3,8%. Однако для респондентов из РГПУ проявления ревности имеют высокий риск для начала семейного конфликта – 22,7%. Проявления ревности действительно могут быть источником постоянных обвинений и контроля со стороны одного из супругов, а это, в свою очередь, приводит к увеличению отрицательных эмоций и недопониманию в супружеских отношениях. Конфликты, основанные на ревности, существенно вредят микроклимату в семье, снижают уровень доверия и коммуникации между партнерами, увеличивая риск распада семьи и способствуя проявлению криминогенной обстановки в семье.

Как видно из таблицы, не имеют особого влияния на возникновение конфликтов в семье такие факторы, как «Желание супруга сделать карьеру» (всего 1% респондентов из РГПУ) и «Отсутствие действенных мер реагирования на домашнее насилие» (2,1% респондентов из РГПУ и 1,3% респондентов из ПГУ), «Супружеская неверность» (6,2% респондентов из РГПУ и 3,8% респондентов из ПГУ). Устоявшиеся стереотипы о главенствующей роли мужчины в семье также не играют особой роли в эскалации супружеских конфликтов (6,2% респондентов из РГПУ и 6,1% респондентов из ПГУ). Можно говорить о трансформации традиционного патриархата как способа выстраивания отношений в семье. Это подтверждают и результаты ранее проведенного опроса, согласно которым 87% девушек отметили, что должно быть равноправие мужчины и женщины в семейных делах. Данную точку зрения поддержало 61,8% мужчин [2].

Представленный перечень вариантов возможных причин супружеских конфликтов не был исчерпывающим, респонденты могли дописать любой фактор, имеющий место быть в их отношениях. В качестве таковых назывались «Нежелание супруга повзрослеть», «Недопонимание», «Усталость» и др. При этом только 5,1% опрошенных россиян и 3,9% опрошенных белорусов указали на отсутствие конфликтов в их семьях. Как видно, подавляющее большинство опрошенных, называя различные причины супружеских конфликтов, таким образом подтвердили наличие таких конфликтов в их семьях. Представляется, что сами по себе конфликты в семейных отношениях – явление постоянное и, возможно, неотъемлемое, но способность к их ненасильственному разрешению может послужить стимулом к развитию отношений и снижению внутрисемейной агрессии.

Несмотря на то, что конфликты существуют практически во всех семьях, опрос показал, что граждане не спешат обращаться за помощью в разрешении своих проблем к посторонним лицам. О том, что всегда следует обращаться в полицию, указал только один респондент (1%) из РГПУ. 42,7% из числа опрошенных считают, что обращаться нужно только при серьезных конфликтах, 1,9% – только если прочие средства себя исчерпали. Затруднились с ответом на данный вопрос 7,8%. Остальные респонденты (46,6%) полагают, что обращаться в полицию не следует. 15,5% всех опрошенных считают, что семейные конфликты лучше решать самим; 16,5% полагают, что полиция работает неэффективно; 14,6% опасаются, что это приведет к обострению конфликта.

Что касается белорусов, то взгляды мужчин и женщин, сталкивающихся в своей семье с проблемой насилия, разделились при ответе на данный вопрос. Так, только одна женщина ответила, что в правоохранительные органы следует обращаться всегда. 34% женщин и только 14% мужчин заявили, что к ним следует обращаться,

но только при серьезных конфликтах. Остальные полагают, что за помощью к правоохранителям обращаться вообще не стоит. 27% женщин и 37% мужчин считают, что семейные конфликты лучше решать дома; 9% женщин и 14% мужчин полагают, что это приведет к обострению конфликта. Также 14% мужчин полагает, что правоохранительные органы вообще работают неэффективно. При этом большинство опрошенных в обеих странах заявили, что им неизвестны случаи успешного разрешения конфликтов после обращения в милицию/полицию. Данный вариант ответа выбрали 51,5% опрошенных россиян и 46,3% опрошенных белорусов. При этом, 20,4% респондентов из РГПУ и 13,4% респондентов из ПГУ сообщили о том, что им известны только неудачные случаи решения конфликтов после обращения в правоохранительные органы.

Заключение. Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать ряд выводов относительно криминогенных детерминант супружеских конфликтов. Все причины, лежащие в основе таких конфликтов, можно разделить на несколько групп:

– личностные: вредные привычки одного или обоих супругов (злоупотребление алкоголем, наркозависимость, интернет-зависимость); проблемы в интимных отношениях и др.

– социально-экономические: жилищные проблемы, бытовая неустроенность; нехватка/отсутствие денежных средств; неудовлетворенность своей жизнью; проблемы на работе и др.

– социокультурные: различия в интересах; различия во взглядах на супружескую и семейную жизнь, распределение обязанностей по дому; различия во взглядах по вопросам воспитания детей; проблемы во взаимоотношениях с родителями/родными одного или обоих супругов; вмешательство родных и близких в семейную жизнь; супружеская неверность; проявления ревности; отсутствие внимания/проявления заботы со стороны супруга; круг общения супругов и др.

Все названные криминогенные детерминанты взаимосвязаны, нельзя выделить одну значимую причину супружеских конфликтов и ориентироваться на неё с целью искоренения. Причины могут различаться в зависимости от культурных, социальных, экономических и иных факторов. Однако некоторые общие тенденции и закономерности выделить все-таки можно. К основным криминогенным детерминантам супружеских конфликтов следует относить материальные проблемы (жилищный вопрос, недостаток денежных средств и др.); расхождения в интересах и взглядах; недостаток общения, нехватка любви и заботы, что говорит о необходимости применения комплексных мер по предупреждению домашнего насилия в социальной, экономической и духовной сферах жизни общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Садыков Р.М., Большакова Н.Л. Причины насилия над женщинами в семье [Электронный ресурс] // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2022. – № 7-2 (70). – С. 85-89. DOI: <https://doi.org/10.24412/2500-1000-2022-7-2-85-89>.
2. Катушонок О.В. Семья – ячейка общества или пережиток прошлого? // Правосудие и правоохранительная деятельность: законодательство и правоприменение: сб. науч. тр. Вып. 3 / ИППК судей, работников прокуратуры, судов и учреждений юстиции БГУ; редкол.: С.К. Лещенко (отв. ред.) [и др.]. – Минск: РИВШ, 2023. – С. 361–370.
3. Антонян Ю.М. Социальное расслоение преступности // Научный портал МВД России. – 2019. – № 4. – С. 14–18.
4. Савченко Я.И. Интернет-зависимость как причина возникновения межличностных конфликтов в супружеской паре [Электронный ресурс] // Дневник науки. – 2023. – № 10(82). – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=59498858>. (дата обращения: 09.03.2024).
5. Сигачева П.С. Психологический анализ супружеских конфликтов // Вестник СКУ им. М. Козыбаева. – 2021. – № 2(51). – С. 107–111.

Поступила 28.03.2024

CRIMINOGENIC DETERMINANTS OF MARITAL VIOLENCE IN THE REPUBLIC OF BELARUS AND THE RUSSIAN FEDERATION (according to sociological opinion polls)

O. KATUSHONOK

(Euphrosyne Polotskaya State University of Polotsk)

O. STADNIKOVA

(Herzen Russian State Pedagogical University)

Public opinion polls play an important role in obtaining information about the causes of marital conflicts. Comprehensive comparative criminological studies of public opinion are of great importance. These studies help to identify the scale of the problem of domestic violence when data from different countries are compared. The article presents the results of a study of the criminogenic determinants of marital conflicts. The information was obtained from a sociological survey conducted by criminologists from the Euphrosyne Polotskaya State University of Polotsk (Republic of Belarus) and the Herzen Russian State Pedagogical University (Russian Federation). The study concerned questions about the causes of conflicts between spouses. The results of the study indicate that the reasons may vary from country to country. But common trends and patterns would be revealed (financial difficulties, differences in interests and views, lack of attention, etc).

Keywords: domestic violence, family and household sphere, family, conflicts, criminogenic determinants, spouses.

УДК 342.9

DOI 10.52928/2070-1632-2024-66-1-51-55

**К ВОПРОСУ О СУЩНОСТИ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
УЧАСТИЯ ГРАЖДАН В ОХРАНЕ ОБЩЕСТВЕННОГО ПОРЯДКА****С.С. КОЛЁСКО***(Военная академия Республики Беларусь, Минск)*

Охрана общественного порядка является одной из важнейших функций государства, при надлежащей реализации которой возможно нормальное поступательное развитие общества. Участие граждан в охране общественного порядка нередко необоснованно упускается из вида научных исследований, поскольку внимание уделяется только деятельности правоохранительных органов в данной сфере. Полагаем, что потенциал участия граждан в охране общественного порядка недооценен и нуждается в дополнительном научном анализе и совершенствовании нормативного регулирования такой деятельности.

В статье исследована сущность понятия административно-правовое регулирование участия граждан в охране общественного порядка посредством изучения его содержания как совокупности правовых категорий «участие граждан в охране общественного порядка» и «механизм административно-правового регулирования». Проведенный анализ позволил сформулировать авторские определения понятий «участие граждан в охране общественного порядка» и «административно-правовое регулирование участия граждан в охране общественного порядка».

Ключевые слова: административно-правовое регулирование, участие граждан в охране общественного порядка, общественный порядок, правопорядок.

Введение. Уяснение сущности понятия административно-правовое регулирование участия граждан в охране общественного порядка (далее – ООП) имеет принципиальное значение для теории и практики развития общественной инициативы в условиях развивающегося гражданского общества. Отсутствие подобного рода исследований препятствует дальнейшему развитию общественных отношений, возникающих в процессе участия граждан в охране общественного порядка, а также развитию правовых средств, способных обеспечить эффективную возможность такого участия. В этой связи выбранное автором направление является актуальным, т.к. сформулированные на основе теоретико-правового анализа определения участие граждан в ООП и административно-правовое регулирование участия граждан в ООП позволяют определить границы участия граждан в рассматриваемой сфере, а также исследовать деятельность государства по регулированию указанных общественных отношений.

Основная часть. Исследовать сущность понятия административно-правовое регулирование участия граждан в ООП представляется наиболее эффективным средством изучения его содержания как совокупности правовых категорий участие граждан в ООП и механизм административно-правового регулирования.

В свою очередь, изучение понятия участие граждан в ООП видится путем осмысления его лексического и семантического значений. Так, значение слова «участие» по В.И. Даль трактуется, как «совместная с другими деятельность»¹. Как «сотрудничество, деятельность по совместному выполнению какого-нибудь общего дела» отмечено Д.Н. Ушаковым². Похожее определение дает и С.И. Ожегов – «совместная с кем-либо деятельность, вовлеченность в какую-либо деятельность»³. Однако согласно ст. 6 Закона Республики Беларусь от 26 июня 2003 г. № 214-З «Об участии граждан в охране правопорядка» (далее – Закон об участии граждан в охране правопорядка), представлены как самостоятельные (индивидуальное участие, участие в объединениях граждан, содействующих правоохранительным органам в ООП), так и совместные (внештатное сотрудничество, членство в добровольных дружинах, участие в советах общественных пунктов) организационно-правовые формы участия граждан в ООП⁴. Следовательно, участие граждан в ООП может быть представлено не только в виде самостоятельной, но и совместной с правоохранительными органами деятельности граждан и их объединений по ООП.

Вместе с тем анализ законодательных актов Республики Беларусь показывает, что из всех государственных органов и организаций, задействованных в обеспечении безопасности государства и общества, непосредственно функция ООП возложена только на органы внутренних дел⁵.

¹ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / вступ. ст. А.М. Бабкина. – М.: Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1956. – Т. 3. – С. 314.

² Ушаков Д.Н. Большой толковый словарь русского языка: современная редакция. – М.: Дом Славянской кн., 2008. – С. 726.

³ Ожегов С.И. Словарь русского языка: 52 000 слов / под общ. ред. С.П. Обнорского. – Изд. 3-е. – М.: Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1953. – С. 647.

⁴ Об участии граждан в охране правопорядка [Электронный ресурс]: Закон Респ. Беларусь, 26 июня 2003 г., № 214-З: в ред. Закона Респ. Беларусь от 04.01.2014 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.

⁵ Об органах внутренних дел Республики Беларусь [Электронный ресурс]: Закон Респ. Беларусь, 17 июля 2007 г., № 263-З: в ред. Закона Респ. Беларусь от 19.05.2022 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.

Таким образом, при использовании в рассматриваемом нами определении дефиниции «общественный порядок», мы «теряем» часть правоохранительных и государственных органов, которые, используя возможности привлечения граждан, участвовали в поддержании правопорядка. В этой связи особую актуальность приобретает уяснение понимания, какие государственные органы, помимо органов внутренних дел, могут осуществлять совместную с гражданами деятельность, влияющую на поддержание общественного порядка.

Участие граждан в ООП, связанное с выходом на маршруты патрулирования, а также при проведении массовых мероприятий и реализуемое в формате добровольных дружин представляется оправданным понимать, как прямое (непосредственное) участие граждан в ООП, реализуемое совместно с органами внутренних дел, к компетенции которых указанная деятельность отнесена законодательно. В свою очередь, основываясь на том, что важнейшей частью общественного порядка является правопорядок, логично утверждение, что укрепление правопорядка обуславливает во многом состояние и общественного порядка. Невозможно укреплять и поддерживать правопорядок, не оказывая при этом влияния на общественный порядок. В этой связи деятельность других, помимо органов внутренних дел, государственных органов и организаций по укреплению правопорядка закономерно оказывает влияние и на общественный порядок, что подтверждает косвенность их воздействия и заставляет считать любую другую совместную деятельность граждан и государственных органов в области общественного порядка направленной на его укрепление.

В соответствии с положениями Закона об участии граждан в охране правопорядка к государственным органам, которые взаимодействуют с гражданами и их объединениями в рассматриваемой сфере, отнесены: органы государственной безопасности, прокуратуры, Следственного комитета, финансовых расследований Комитета государственного контроля, которые объединены в указанном Законе под единым понятием *правоохранительные органы*, а также органы и подразделения по чрезвычайным ситуациям и органы пограничной службы. Однако стоит отметить отсутствие законодательного закрепления понятия *правоохранительные органы* в Республике Беларусь, что негативно влияет на понимание его содержания и единообразия применения в нормотворчестве.

Так, согласно положениям международного договора от 4 июня 1999 г. «О порядке пребывания и взаимодействия сотрудников правоохранительных органов на территориях государств – участников Содружества Независимых Государств» в качестве *правоохранительных органов* выступают государственные органы, которые в соответствии с национальным законодательством обеспечивают безопасность государства и ведут борьбу с преступностью⁶. По нашему мнению, указанное определение относится к *правоохранительным органам* практически все государственные органы Республики Беларусь, в компетенции которых находится правоохранительная функция. Вместе с тем, согласно Закону «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих (надзорных) органов, сотрудников органа государственной охраны» к должностным лицам *правоохранительных органов* отнесены, помимо вышеуказанных в Законе об участии граждан в охране правопорядка, ещё и должностные лица пограничной службы и таможенных органов, сотрудники Государственного комитета судебных экспертиз, военнослужащие внутренних войск, а также судебные исполнители⁷.

Что важно, единства мнений в отношении дефиниции *правоохранительные органы* нет и в научной среде. Так, П.В. Мытник, указывая на отсутствие общепризнанного понятия «правоохранительные органы», акцентирует внимание на плюрализме мнений в отношении перечня государственных органов и организаций, которые могут быть отнесены к *правоохранительным* [1, с. 25]. Как подтверждение, В.В. Лазарев предлагает к перечню *правоохранительных органов* относить ОВД, Комитет государственной безопасности, органы прокурорского надзора и контроля, судебные органы [2, с. 147]. Т.М. Шамба дополняет указанный перечень нотариатом и органами юстиции [3, с. 442], а Л.А. Краснобаева, помимо прочего, к *правоохранительным органам* относит ещё и органы уголовно-исполнительной системы, органы предварительного следствия, ОПЧС, органы финансовых расследований Комитета государственного контроля, таможенные органы [4, с. 13]. В свою очередь В.Н. Бибило не сосредотачивается на конкретных государственных органах и организациях, а предлагает обратить внимание на их функциональное предназначение. По её мнению, к *правоохранительным органам* следует относить те органы, которые функционально обеспечивают конституционный контроль, прокурорский надзор, расследование преступлений, оказание юридической помощи, предупреждение преступлений, оперативно-розыскную деятельность, правосудие, а также исполнение судебных решений [5, с. 13]. В этой связи И.В. Козелецкий справедливо отмечает, что рассматривать указанное понятие следует как в широком (доктринальном), так и в узком (нормативном) смыслах. При рассмотрении *правоохранительных органов* в широком смысле предполагается включение в него всех государственных органов и организаций, которые занимаются правоохранительной и правозащитной деятельностью. В свою очередь, в узком смысле *правоохранительные органы*, по мнению автора, представляют собой профильные государственные органы исполнительной власти [6, с. 56].

Таким образом, ввиду различий в трактовке, а также отсутствии законодательного закрепления понятия *правоохранительные органы*, указанная дефиниция не может быть употребляема нами в рассматриваемом определении.

⁶ О порядке пребывания и взаимодействия сотрудников правоохранительных органов на территориях государств – участников Содружества Независимых Государств: Международный договор государств – участников СНГ от 4 июня 1999 г.

⁷ Об изменении Закона Республики Беларусь «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих (надзорных) органов, сотрудников органа государственной охраны» [Электронный ресурс]: Закон Респ. Беларусь, 17 мая 2021 г., № 105-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.

В контексте рассматриваемой нами опосредованной (косвенной) совместной деятельности в качестве субъекта со стороны государства видятся государственные органы, в компетенцию которых входит защита прав и свобод граждан, материальных и духовных ценностей общества, обеспечение безопасности государства. В этой связи, представляется, что список представленных в Законе об участии граждан в охране правопорядка правоохранительных и государственных органов не является исчерпывающим, а может быть представлен и иными. Не стоит полагать, что оказывать содействие в работе по профилактике и пресечению правонарушений граждане могут только государственным органам, указанным в Законе об участии граждан в охране правопорядка, или же только им сообщать о правонарушениях. К тому же советы общественных пунктов, осуществляя деятельность по ООП и профилактике правонарушений, взаимодействуют с иными субъектами профилактики правонарушений, определенными Законом «Об основах деятельности по профилактике правонарушений». А к таковым, помимо вышперечисленных в Законе об участии граждан в охране правопорядка, относятся: таможенные органы; орган государственной охраны; местные исполнительные и распорядительные органы; Министерство здравоохранения Республики Беларусь; Министерство образования Республики Беларусь; Министерство труда и социальной защиты Республики Беларусь; Министерство юстиции Республики Беларусь; Государственная инспекция охраны животного и растительного мира при Президенте Республики Беларусь⁸. Как видится, указанный Закон расширяет перечень государственных органов и организаций, их структурных подразделений, которые посредством деятельности по профилактике правонарушений косвенно влияют, в том числе, и на состояние общественного порядка. В данном случае для указанных государственных органов ООП и профилактика правонарушений выступают как функции, сопутствующие их основной правовой, хозяйственной, социальной, просветительской и образовательной деятельности.

В качестве подтверждения вышесказанного В.Л. Шапошников и Э.А. Безуглый, исследуя деятельность государственных органов и общественности по профилактике правонарушений, признают её как форму участия последних в ООП [7, с. 31]. Следовательно, *участие граждан в ООП* не предусматривает только индивидуальное участие, а также совместную деятельность с ОВД по непосредственному участию в ООП. В рассматриваемое понятие закладывается, в том числе, и опосредованное, т.е. косвенное участие, посредством которого достигается укрепление общественного порядка.

Таким образом, *участие граждан в ООП* представляет собой как самостоятельную, так и осуществляемую совместно с ОВД деятельность граждан и их объединений непосредственно по ООП, а также иную совместную деятельность, направленную на его укрепление и реализуемую государственными органами, организациями, объединениями и гражданами в пределах своей компетенции.

Дальнейшее, более детальное, рассмотрение указанного определения представляется актуальным через призму механизма административно-правового регулирования.

Впервые понятие *механизм административно-правового регулирования* начал использовать И.И. Веремченко, рассматривая его как совокупность административно-правовых средств, воздействующих на общественные отношения в сфере исполнительно-распорядительной деятельности государства [8, с. 27]. Предложенное им в советский период определение актуально и в настоящее время, что подтверждается позициями А.П. Коренева [9, с. 43], Л.М. Рябцева [10, с. 18], Л.Л. Попова [11, с. 217]. Изучение мнений указанных авторов показывает, что в качестве административно-правовых средств, регулирующих конкретные общественные отношения, лежат две основные теории: теория действия права и теория действия государства. Таким образом, при исследовании понятия административно-правовое регулирование в качестве методологической основы наиболее предпочтительным видится комплексный подход, подразумевающий объединение правовой и государственной составляющих механизма административно-правового регулирования. Следовательно, сам процесс административно-правового регулирования представляет собой процесс воздействия административно-правовых средств, реализуемых государством, на конкретные правоотношения для достижения поставленных государством целей [11, с. 217].

Закономерно возникает вопрос о содержании административно-правовых средств, при помощи которых достигается административно-правовое регулирование конкретных общественных отношений.

В этой связи С.С. Алексеев, рассматривая «понятие правовые средства», отмечает, что это именно та категория, которая выражает новый подход к праву. Возможности правовых средств позволяют решить разнообразные проблемные ситуации. Характерными признаками правовых средств выступают их принудительный характер и реализация в виде принудительных мер [12, с. 243]. Рассматривая административно-правовые средства как составную часть правовых средств следует обратить внимание на диссертационное исследование И.Л. Федчука, в котором он рассмотрел содержание указанных средств и выделил следующие их признаки:

- основная задача административно-правовых средств – регулирование общественных отношений для достижения заданных целей;
- применение административно-правовых средств охватывает содержание правовой деятельности конкретных субъектов, предусматривающей правовые последствия;
- область применения административно-правовых средств – сфера управленческой деятельности;
- административно-правовые средства – правовой инструментарий государства [13, с. 53].

⁸ Об основах деятельности по профилактике правонарушений [Электронный ресурс]: Закон Респ. Беларусь, 4 янв. 2014 г., № 122-З: в ред. Закона Респ. Беларусь от 17.07.2023 г. № 292-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.

С учетом указанных признаков, административно-правовые средства представляют собой способы формирования, изменения или прекращения общественных отношений в соответствии с задачами и целями, стоящими перед государством [13, с. 53].

В юридической науке административно-правовые средства представлены в качестве:

- административно-правовых отношений;
- административно-правовых норм;
- актов применения административно-правовых норм;
- актов толкования административно-правовых норм;
- юридических фактов [9, с. 42; 10, с. 18; 11, с. 71–74].

Указанные административно-правовые средства направлены на построение такой системы общественных отношений, которая призвана обеспечить эффективный порядок какой-либо деятельности.

Таким образом, под административно-правовым регулированием в любой сфере можно рассматривать деятельность государства, которая направлена посредством воздействия административно-правовых средств на конкретные общественные отношения с целью их упорядочения и прогрессивного развития. Указанное модельное определение актуально и для регулирования общественных отношений в сфере участия граждан в ООП.

Следовательно, *административно-правовое регулирование участия граждан в ООП* – основанная на административно-правовых средствах деятельность государства по регулированию общественных отношений, возникающих в связи с участием граждан и их объединений в охране общественного порядка, с целью их упорядочения и устойчивого развития.

Заключение. Проведенное нами исследование показывает, что для поддержания эффективной деятельности правоохранительной системы во взаимодействии с гражданским обществом важное значение приобретает понимание роли государства в сфере административно-правового регулирования участия граждан в ООП. В этой связи, сформулированные на основе теоретико-правового анализа определения терминов *участие граждан в ООП* и *административно-правовое регулирование участия граждан в ООП* способствуют более точному уяснению деятельности государства по регулированию рассматриваемых общественных отношений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мытник П.В. Правоохранительная деятельность и правоохранительные органы как предмет дисциплины «Судоустройво» // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. – 2015. – № 2. – С. 123–130.
2. Лазарев В.В. Общая теория права и государства: учеб. / под ред. В.В. Лазарева. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юристъ, 1996. – 472 с.
3. Аврутин Ю.Е. Государство и право. Теория и практика: учеб. пособие. – М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2009. – 503 с.
4. Краснобаева Л.А. Государственная служба в правоохранительных органах // Вестн. Гродн. гос. ун-та имени Янки Купалы. Сер. 4. Правоведение. – 2014. – № 1(168). – С. 9–13.
5. Бибило В.Н. Судоустройство: учеб. – Минск: Право и экономика, 2001. – 328 с.
6. Козелецкий И.В. О понятии «правоохранительные органы» // Проблемы борьбы с преступностью и подготовки кадров для правоохранительных органов: Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 21 февр. 2019 г.: тез. докл. / Акад. Мин-ва внутренних дел Респ. Беларусь. – Минск, 2019. – С. 56–57.
7. Шапошников В.Л., Безуглый Э.А. Профилактика правонарушений как форма участия граждан в охране общественного порядка // Проблемы правоохранительной деятельности. – 2018. – № 3. – С. 30–35.
8. Веремеенко И.И. Механизм административно-правового регулирования в сфере общественного порядка: в 2 ч. – М.: Изд-во Всесоюз. науч.-исслед. ин-та МВД СССР, 1981. – Ч. 1: Предмет и понятие. – 111 с.
9. Корнев А.П. Административное право России: в 3 ч. / Моск. юрид. ин-т МВД России. – 2-е изд., с изм. и доп. – М.: Щит-М, 1997. – 279 с.
10. Административное право: учеб. пособие / Л.М. Рябцев и др.; под общ. ред. Л.М. Рябцева. – Минск: Амалфея, 2009. – 432 с.
11. Административное право России: учеб. для студентов высших учебных заведений / Л.Л. Попов [и др.]; под общ. ред. Л.Л. Попова. – М.: Проспект, 2010. – 745 с.
12. Алексеев С.С. Восхождение к праву. Поиски и решения. – М.: НОРМА, 2001. – 752 с.
13. Федчук И.Л. Административно-правовые средства противодействия правонарушениям, совершаемым в сфере семейно-бытовых отношений: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.14. – Минск, 2011. – 162 с.

Поступила 19.03.2024

ON THE ISSUE OF THE ESSENCE OF ADMINISTRATIVE AND LEGAL REGULATION OF CITIZENS' PARTICIPATION IN THE PROTECTION OF PUBLIC ORDER

S. KOLIOSKO

(Military Academy of the Republic of Belarus, Minsk)

The protection of public order is one of the most important functions of the state, with proper implementation of which the normal progressive development of society is possible. The participation of citizens in the protection of public

order is often unreasonably overlooked by scientific research, since attention is paid only to the activities of law enforcement agencies in this area. We believe that the potential of citizens' participation in the protection of public order is underestimated and needs additional scientific analysis and improvement of regulatory regulation of such activities.

The article examines the essence of the concept of administrative and legal regulation of citizens' participation in the protection of public order by studying its content as a set of legal categories "participation of citizens in the protection of public order" and "mechanism of administrative and legal regulation". The analysis made it possible to formulate the author's definitions of the concepts "participation of citizens in the protection of public order" and "administrative and legal regulation of citizens' participation in the protection of public order".

Keywords: *administrative and legal regulation, participation of citizens in the protection of public order, public order, law and order.*

УДК 342.9

DOI 10.52928/2070-1632-2024-66-1-56-59

ЧЛЕНСТВО В КИБЕРДРУЖИНАХ КАК ПЕРСПЕКТИВНАЯ ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВАЯ ФОРМА УЧАСТИЯ ГРАЖДАН РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В ОХРАНЕ ОБЩЕСТВЕННОГО ПОРЯДКА

С.С. КОЛЁСКО

(Военная академия Республики Беларусь, Минск)

В информационном пространстве сформировалась новая реальность и новый тип социальных отношений, а, соответственно, и новый тип социальных угроз. Влияние информационного пространства на состояние общественной безопасности очевидно, что и обуславливает необходимость оказания гражданами содействия правоохранительным органам в обеспечении информационной безопасности в сети Интернет так же, как и в общественных местах. В данной статье обосновывается необходимость закрепления кибердружин как одной из перспективных организационно-правовых форм участия граждан в охране общественного порядка.

В статье исследовано влияние информационного пространства на состояние общественной безопасности, общественного порядка, а также рассмотрен международный опыт и меры противодействия влиянию негативной информации на рассматриваемые общественные отношения. Проведенный анализ позволяет рассматривать кибердружины в качестве перспективной организационно-правовой формы участия граждан в охране общественного порядка.

Ключевые слова: граждане, сеть Интернет, общественный порядок, общественная безопасность, информационная безопасность, кибердружина.

Введение. На современном этапе именно информационная сфера приобретает ключевое значение в социуме, оказывая всеобъемлющее влияние на человека. Формируемое в глобальном масштабе информационное пространство представляет собой новый этап развития общества с преобладанием знаний и информации, воздействием информационных технологий на все сферы жизнедеятельности, в том числе на общественный порядок и общественную безопасность¹. В этой связи особую актуальность приобретают вопросы изучения возможности участия граждан в совместном с правоохранительными органами поддержании информационного пространства в состоянии, обеспечивающем минимизацию рисков и угроз в сфере общественной безопасности.

Основная часть. Трансформация социума в информационное общество порождает новые риски, вызовы и угрозы, которые напрямую затрагивают вопросы обеспечения общественной безопасности, негативно воздействуют на общественный порядок. Одной из составляющих современного информационного общества является наличие электронных систем коммуникации и общения, главным среди которых выступает глобальная сеть Интернет. Интернет является одной из самых крупных компьютерных сетей в мире, т.н. универсальной интерактивной средой, позволяющей обществу вступать в коммуникации, транслировать различного рода информацию на большие расстояния при минимальных затратах времени.

В интернете встречается огромное количество различной информации, как полезной, так и негативной. В свою очередь уровень отрицательной информации в сети стремительно растет, что характерно и для Республики Беларусь². Отсутствие должного контроля, регулирования и фильтрации интернета приводит к тому, что именно туда перебираются «новые поколения» злоумышленников и преступников. Как итог – мы имеем одно из важнейших благ цивилизации, в котором, помимо бесчисленного множества плюсов, затаилось огромное количество злоумышленников, использующих и воспроизводящих запрещенную и закрытую информацию, прибегающих к безграничности и анонимности пространства, что позволяет им скрываться от наказания [1, с. 235]. Невозможность контроля сети Интернет сформировало уникальную среду для ведения пропаганды и информационных войн, массовых компаний по дезинформации и распространению фейков.

Главный источник негативной информации в сети Интернет в масштабах нашей страны – это внешние структуры, которые извне производят так называемый деструктивный контент. Такие вещи, как «синие киты», наркоиндустрия, дискредитация традиционных семейных ценностей, пропаганда ЛГБТ-движения и иные материалы неслучайным образом возникают внутри информационного поля государства. Эти явления, как правило, заносятся извне³. Так, за последнее время во всемирной сети существенно увеличился уровень содержания и распространения порнографии, экстремистских материалов, информации, пропагандирующей войну, разжигание национальной, расовой, религиозной ненависти и вражды, позитивное отношение к насилию, терроризму, криминальному миру, курению, алкоголю, наркотикам, суицидам, разрушению традиционного семейного уклада и т.д., что закономерно повлияло и на увеличение киберпреступлений в Республике Беларусь.

¹ О Концепции информационной безопасности Республики Беларусь [Электронный ресурс]: Постановление Совета Безопасности Респ. Беларусь, 18 марта 2019 г., № 1 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.

² URL: <http://usiazh.by/obsh-zhizn/dobrovolnaja-druzhina/>.

³ URL: https://zavtra.ru/blogs/chto_takoe_kiberdruzhini.

В частности, общее количество зарегистрированных преступлений в Республике Беларусь в 2010 г. – 140920, из них киберпреступлений – 2514 (1,8% от общего числа преступлений). В 2015 г. общее количество зарегистрированных преступлений – 96982, из них киберпреступлений – 2440 (2,5% от общего числа преступлений), а в 2023 г. количество преступлений – 85456, из которых киберпреступления – 18459, что составило уже 21,5% от общего объема преступлений⁴. Главная причина роста – резкое увеличение преступлений, связанных с хищением путем использования компьютерной техники, и преступлений против информационной безопасности. Получается, что каждое четвертое преступление, которое было совершено в нашей стране в 2020 г., каждое пятое в 2021, 2023 гг. и каждое шестое в 2022 г. было связано с информационными технологиями⁵.

Таким образом, при наблюдающейся общей тенденции к снижению преступности в Республике Беларусь, количество киберпреступлений кратно растет. Приведенные выше данные в очередной раз доказывают необходимость развития в Республике Беларусь эффективных, соответствующих времени, правовых норм, касающихся регулирования отношений в сети Интернет, а также поиска форм и способов противодействия деструктивному контенту.

Частичным выходом из сложившейся ситуации послужила активизация государства по приведению законодательства Республики Беларусь в состояние, обеспечивающее безопасность в информационном пространстве.

Так, в целях создания условий для развития национального сегмента глобальной компьютерной сети Интернет был принят Указ Президента Республики Беларусь от 1 февраля 2010 г. № 60 «О мерах по совершенствованию использования национального сегмента сети Интернет»⁶. В 2019 г. была принята Концепция информационной безопасности Республики Беларусь, которая представляет собой систему официальных взглядов на сущность и содержание обеспечения национальной безопасности в информационной сфере, определяет стратегические задачи и приоритеты в области обеспечения информационной безопасности. А сравнительно недавно в целях повышения уровня защиты национальной информационной инфраструктуры от внешних и внутренних угроз был принят Указ Президента Республики Беларусь от 14 февраля 2023 г. № 40 «О кибербезопасности»⁷.

Таким образом, анализ нормативных правовых актов, регулирующих защиту интересов личности, общества и государства в информационной сфере, позволяет сделать вывод, что законодательство Республики Беларусь в целом обеспечило создание правовых механизмов, обеспечивающих устойчивость к негативному воздействию деструктивной информации в сети Интернет. Вместе с тем, основной акцент в указанных нормативных правовых актах сконцентрирован на защите национальной информационной инфраструктуры, в то время как практически без внимания остается защита интересов личности, что, с учетом стремительного роста информации в мире, только усугубляет положение. В настоящее время специальных служб, в компетенции которых находится Интернет-безопасность нашего государства, явно недостаточно. Об этом свидетельствует выше приведенные статистические данные. Выходом в сложившейся ситуации видится привлечение социально активной части общественности, которая, с одной стороны, будет посредством имеющихся знаний не «засорять» сеть Интернет, а с другой, – оказывать содействие правоохранительным органам в борьбе с интернет-ресурсами, содержащими негативную и противоправную информацию.

Стоит отметить, что с подобными проблемами сталкивается большинство стран в мире, в связи с чем интересен их опыт борьбы и противодействия деструктивному контенту.

Генеральная ассамблея ООН 27 декабря 2019 г. приняла резолюцию «Противодействие использованию информационно-коммуникационных технологий в преступных целях», призванную бороться с деструктивным контентом. Согласно документу, учрежден специальный межправительственный комитет экспертов, представляющий все страны и предназначенный для улучшения координации действий и сотрудничества между государствами в борьбе с использованием высоких технологий⁸.

Больших успехов в сфере борьбы с негативной и противоправной информацией в глобальном информационном пространстве достигли США. В стране функционирует большое количество общественных организаций по борьбе с деструктивной и экстремистской информацией в интернет-пространстве, которые работают на правительство США. В общественных местах, где имеется свободный доступ в глобальную сеть, включая библиотеки и школы, применяются фильтры, которые ограничивают доступ к интернет-ресурсам, содержащим антиобщественную информацию, в том числе материалы экстремистского и террористического толка [2, с. 79]. С 2007 г. в Германии функционирует специальная группа, в обязанности которой входит выявление случаев радикальной пропаганды, а также анализ работы отдельных интернет-ресурсов, представляющих потенциальную опасность [3, с. 189]. В Великобритании довольно успешно ведется работа интернет-сайта, на страницах которого представлен обзор стратегии деятельности полиции по деструктивному контенту. На сайте регулярно размещается конкретная информация о том, как отдельные граждане, являющиеся членами местного сообщества, могут оказать

⁴ URL: https://zavtra.ru/blogs/chto_takoe_kiberdruzhini.

⁵ Там же.

⁶ О мерах по совершенствованию использования национального сегмента сети Интернет: Указ Президента Респ. Беларусь, 1 февр. 2010 г., № 60; в ред. Указа Президента Респ. Беларусь от 18 сент. 2019 г. № 350 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.

⁷ О кибербезопасности [Электронный ресурс]: Указ Президента Респ. Беларусь, 14 февр. 2023 г., № 40 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.

⁸ URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1770170/.

помощь полиции в ликвидации угроз терроризма, экстремизма, другой опасной информации [4, с. 38]. В Израиле целенаправленную работу по профилактике Интернета осуществляют некоторые неправительственные организации. Среди них Международный институт по противодействию терроризму (International Institute for Counter-Terrorism) – израильская общественная организация, которая работает с информацией, касающейся терроризма и экстремизма⁹.

Однако, в большей степени интересен опыт Российской Федерации. Так, помимо всех государственных структур, занятых в области контроля Интернета, в 2011 г. в России появилось молодежное общественное движение «Кибердружина», созданное Лигой безопасного интернета (общественной организацией, созданной с целью цензурирования Интернета). По состоянию на 2022 г. в рядах общественного движения «Кибердружина» числится более 20 тыс. добровольцев со всей России, которые работают с деструктивным контентом в сети Интернет, а также помогают правоохранительным органам выявлять и привлекать к ответственности преступников из виртуальной среды. На данный момент отделения «Кибердружины» действуют в 38 регионах Российской Федерации¹⁰. По своей сути «Кибердружины» в России – это новое направление организации взаимодействия гражданского общества и уполномоченных органов власти в сфере выявления, профилактики и противодействия распространению противоправной информации.

По примеру «Кибердружин» Российской Федерации в 2020 г. на базе Витебского филиала УО «Белорусская государственная академия связи» возникла первая кибердружина в Республике Беларусь, которая действует на основании положения, утвержденного администрацией Железнодорожного района г. Витебска¹¹. Также налицо одиночные случаи возникновения кибердружин в других регионах нашей страны. Однако из-за отсутствия законодательной базы, регламентирующей деятельность таких объединений, организации их взаимодействия с органами власти, а также отсутствие механизма стимулирования кибердружинников к осуществляемой деятельности, работа последних неоднородна, малоэффективна, а, соответственно, широкого распространения в нашей стране не получила¹². Вместе с тем, на основании имеющегося опыта Витебской кибердружины, а также достижений в области противодействия деструктивному контенту кибердружинами Российской Федерации, представляется полезным закрепление данной инициативы как одной из организационно-правовых форм участия граждан в охране общественного порядка в Республике Беларусь.

В нашем понимании кибердружина должна представлять собой именно основанное на членстве объединение граждан Республики Беларусь, которое предназначено для оказания содействия правоохранительным органам в поддержании безопасной информационной среды в сети Интернет. Иными словами, кибердружина должна представлять собой общественную, то есть, неправительственную организацию, которая ни в коем случае не должна подменять полномочия правоохранительных органов в вопросах поддержания информационной безопасной. И здесь изначально главным дискуссионным аспектом выступает перечень негативной и противоправной информации, которая будет являться объектом поиска членами кибердружин.

По нашему мнению, информация политического и государственного характера изначально должна быть вне поля деятельности членов кибердружин. В свою очередь, информация, касающаяся охраны жизни, здоровья, свобод личности должна стать главным объектом для работы кибердружин. То есть сделать основной акцент не на каких-либо политических высказываниях граждан, не пытаться использовать потенциал кибердружин для борьбы с «инакомыслием» в сети, а сосредоточиться на поиске пропаганды самоубийств, суицидов, наркоиндустрии, порнографии, проституции и т.д., того, что прямо влияет на жизнь и здоровье граждан.

Таким образом, под негативной и противоправной информацией, предлагаемой для поиска кибердружинниками, мы видим информацию:

- содержащую признаки призывов к самоубийствам и суицидам, пропаганды наркотиков, порнографии, проституции, курения, алкоголя и азартных игр;
- содержащую пропаганду насилия, терроризма, криминального мира;
- пропагандирующую разжигание национальной, расовой, религиозной, этнической ненависти и вражды;
- способную причинить вред имущественного характера;
- иную информацию, способную причинить вред здоровью и развитию личности.

Таким образом, кибердружины, собирая, систематизируя и передавая указанную негативную и противоправную информацию в правоохранительные органы, должны стать своеобразным фильтром, помогающим отсекалть всё вредоносное, опасное и дестабилизирующее, и в то же время не ограничивать свободы выражения мнений граждан согласно ст. 33 Конституции Республики Беларусь.

Информация, поиск которой должны осуществлять кибердружинники, накладывает отпечаток на возрастной ценз для членов кибердружины. Так, по нашему мнению, в кибердружину могут вступать граждане Республики Беларусь, достигшие 18-летнего возраста, способные по своим деловым и моральным качествам, уровню

⁹ URL: <https://crss.uz/2018/12/25/iskusstvo-borby-s-terrorizmom-v-izraile/>.

¹⁰ URL: <http://ligainternet.ru/liga/activity-cyber.php>.

¹¹ URL: <https://vitebsk.gov.by/ru/gorod-ru/view/kakimi-uspexami-mogut-poxvastatsja-vitebskie-kiberdruzhinniki-21545/>.

¹² Кибердружина [Электронный ресурс] / Средняя школа № 11 г. Гомеля. – URL: <https://gomelschool11.by/vospitatelnaja-i-ideologicheskaja-rabota/detskie-i-molodezhnye-obedinenija/kiberdruchina/>.

ИКТ-компетентности противодействовать распространению в сети Интернет негативной и противоправной информации. Стоит отметить наличие у потенциальных членов кибердружин достаточного уровня ИКТ-компетентности, т.е. необходимо владение способностями использовать информационные и коммуникационные технологии для доступа к информации, её поиска, организации, обработки, оценки и передачи в условиях развитого информационного общества¹³. Компетенции и возраст, которыми должны обладать кибердружинники, позволяют утверждать, что это будут, как правило, учащиеся и студенты сузов и вузов страны, а также граждане специализированных и профильных учреждений и организаций, задействованных в IT-индустрии. К, примеру, состав кибердружин в Российской Федерации показывает тождественные взгляды по принципу их комплектования.

Заключение. Таким образом, в настоящее время Интернет открыл широкие возможности для манипулирования общественным сознанием, причем уже не только в виртуальном пространстве, но и в реальности, что заставляет государство и общество искать дополнительные инструменты нивелирования указанных результатов отрицательного воздействия. Для борьбы с распространением негативной информации в сети Интернет ежегодно отрабатываются многочисленные алгоритмы работы, один из которых по примеру международного опыта видится в привлечении социально активной части общественности, которая, с одной стороны, будет посредством имеющихся знаний не «засорять» Интернет, а с другой, – оказывать содействие правоохранительным органам в борьбе с интернет-ресурсами, содержащими негативную и противоправную информацию. На основании изложенного представляется полезным рассмотреть кибердружин как одной из перспективных организационно-правовых форм участия граждан в охране общественного порядка в Республике Беларусь.

ЛИТЕРАТУРА

1. Савоськин К.Г. К вопросу о создании «кибердружин» // Юридические науки, правовое государство и современное законодательство: VII Междунар. науч.-практ. конф., Пенза, 05 июня 2019 г.: тез. докл. / Орлов. гос. ун-т им. И.С. Тургенева. – Пенза, 2019. – С. 235–236.
2. Круглова А.Ю. Зарубежный опыт противодействия деструктивным сетевым исламистским и тюркско-исламистским структурам в сети Интернет // Обзор.НЦПТИ. – 2020. – № 2(21). – С. 77–83.
3. Бураева Л.А. Кибертерроризм как новая и наиболее опасная форма терроризма // Проблемы экономики и юридической практики. – 2017. – № 2. – С. 188–190.
4. Завьялов С. Зарубежный опыт в области борьбы с пропагандой терроризма в интернете // Зарубежное военное обозрение. – 2014. – № 4. – С. 34–39.

Поступила 19.03.2024

MEMBERSHIP IN CYBER FRIENDS AS A PROMISING ORGANIZATIONAL AND LEGAL FORM OF PARTICIPATION OF CITIZENS OF THE REPUBLIC OF BELARUS IN SECURITY PUBLIC ORDER

S. KOLIOSKO

(Military Academy of the Republic of Belarus, Minsk)

A new reality and a new type of social relations have formed in the information space, and, accordingly, a new type of social threats. The influence of the information space on the state of public security is obvious, which determines the need for citizens to assist law enforcement agencies in ensuring information security on the Internet, as well as in public places. This article substantiates the need to consolidate cyberdrugs as one of the promising organizational and legal forms of citizen participation in the protection of public order.

The article examines the influence of the information space on the state of public safety and public order, as well as international experience and measures to counteract the influence of negative information on the considered public relations. The analysis allows us to consider cyberdrugs as a promising organizational and legal form of citizen participation in the protection of public order.

Keywords: *citizens, Internet, public order, public safety, information security, cyber friends.*

¹³ Информационно-коммуникационно-технологическая компетенция (ИКТ-компетенция) [Электронный ресурс] / Молодой ученый. – URL: <https://moluch.ru/archive/63/9900/>.

ПОНЯТИЕ, ПРИЗНАКИ И ПРАВОВАЯ ПРИРОДА БАЛАНСА КОНСТИТУЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ

С. С. ОЛЕСЬКО

(Белорусский государственный университет, Минск)

Рассматриваются основные доктринальные подходы к пониманию сущности баланса конституционных ценностей. На основе анализа норм Конституции Республики Беларусь и теоретических положений научных подходов о систематизации конституционных ценностей выводится авторское определение их баланса. Предлагаются основные подходы к пониманию баланса конституционных ценностей: стратегический, функциональный и комбинированный. Определяется явление дисбаланса ценностей. Аргументируется положение о наличии презумпции баланса конституционных ценностей. Выявляются основные признаки такого баланса: относительность баланса, взаимосвязь и взаимовлияние, отсутствие безусловного характера, иерархичность, схематичность и темпоральность ценностей. Обосновывается вывод о том, что правовая природа баланса конституционных ценностей обусловлена конституцией, в которой определены механизм и пределы его обеспечения.

Ключевые слова: баланс конституционных ценностей, конституционные ценности, конституционная аксиология, конституционное правосудие, орган конституционного правосудия.

Введение. В этимологическом смысле слово «баланс» происходит от фран. ‘balance’, в буквальном переводе означающего «весы», и лат. ‘bilanx’, которое переводится почти аналогичным образом – «имеющий две весовые чаши». На протяжении всей истории правосудие считали последней инстанцией, и в настоящее время, цифровую эпоху, когда правосудие, в первую очередь конституционное, становится краеугольным камнем в защите конституционно-правовых интересов личности, общества и государства, символ правосудия, Фемида, должна быть не с завязанными глазами, а видеть весы, на чашах которых расположены конституционные ценности. Приведенный символический образ и определяет значение настоящего исследования, предметом которого избрано такое правовое явление, как баланс конституционных ценностей.

С эмпирической точки зрения значение изучения баланса конституционных ценностей увязано с последующей разработкой новой методологической базы интерпретации конституционных положений в целях эффективного обнаружения и оптимального сбалансирования конституционных ценностей, их надлежащей охраны и защиты в условиях цифровой эпохи. Изложенное, в свою очередь, определяет диалектическую взаимосвязь конституционной аксиологии с практическим воплощением в жизнь её концепций и подходов, свидетельствует об особом значении ценностной идеи в дальнейшем развитии конституционализма в целом и обеспечении конституционного правопорядка в частности.

Основная часть. По сути, конституционные ценности как социальное и правовое явление одновременно подразумевают некие блага, их оценку и соотношение между собой. Под влиянием динамичного процесса цифровизации значимость ценностей неизбежно меняется, что создаёт затруднения в обеспечении их сбалансированного состояния. Найти «золотую середину» в условиях смещения реальной и виртуальной составляющих жизни личности, общества и государства особенно непросто. Социальные, политические, экономические, культурные, международные и другие отношения неистово развиваются и приобретают определённую специфику, в связи с чем запросы личности, общества и государства соразмерно возрастают, а удовлетворение этих запросов – осложняется. Соответственно в геометрической прогрессии возрастает значение правовой защиты указанных интересов и ценностей, которыми они опосредованы. В этом смысле конституционное правосудие способно сыграть ключевую роль, будучи эффективным балансиром в «правилах игры», связанной со взаимоотношениями между триадой субъектов «личность–общество–государство», в том числе цифровых (виртуальных). Необходимо признать, что баланс конституционных ценностей по праву считается наиважнейшим символом демократичности правления и способом его обеспечения. С демократией тесно переплетено и конституционное правосудие, потому, в случае упадка первой, второго ожидает закономерная участь. Маркером же демократического кризиса неизменно выступает возрастающий дисбаланс конституционных ценностей, коего в «здоровом» обществе быть не должно.

Слово «баланс» подразумевает определённое равновесие, которое, в свою очередь, признаётся главной характеристикой, определяющей содержание баланса [1]. Данный термин синонимично перекликается с иными категориями, такими как «сопоставление», «соотношение», «разность» и др. Однако свойства этих понятий никоим образом не связаны с балансом как юридической категорией. В юридическом дискурсе баланс оценивается как «равновесие взаимосвязанных величин, находящихся в постоянном изменении» [2, с. 35]. Аналогичное понимание изложено и в ряде других источников справочно-энциклопедической литературы [3, с. 98]. С позиции конституционного права баланс рассматривается как гарантированное законом справедливое (с учётом установленных конституцией приоритетов) соотношение между конституционными правами и обязанностями сторон [4, с. 7]. Мы придерживаемся позиции, согласно которой базисом правового регулирования и применения права является идея справедливого баланса конституционных ценностей. Однако приходится констатировать, что в законодательстве Республики Беларусь легальное определение исследуемого понятия и его существенных характеристик не содержится, поэтому первоначально обратимся к истокам становления идеи баланса.

В юридической литературе указывается, что точкой отсчёта в становлении и развитии идеи баланса, рассматриваемой с позиции правосудия, надлежит считать учения движения «американского правового реализма», возникшего в начале XX в., и немецкой школы «юриспруденция интересов» [5, с. 82]. В те времена балансирование расценивалось исключительно как механизм, направленный на разрешение конфронтаций между интересами разных социальных организаций, а также инструмент формулирования права. Так, Дж. Бомхоффе отмечает, что учения, хотя и обиливали разнообразием подходов к исследованию баланса, имели утилитарные цели, обусловленные стремлением обеспечить такое сосуществование интересов, при котором конфликтность групповых социальных организаций максимально минимизировалась [6]. Это признавалось важнейшим фактором демократии. Проверка теории практикой началась в 1950 – 1960-е гг., ознаменованные использованием судами «наработок» учений о балансировании. Однако имелась проблема: такие базовые категории, как «интересы» и «ценности», смешивались воедино. Такой симбиоз был связан с отсутствием единых теоретических и практических подходов к разграничению понятий. В качестве аргумента в литературе приводится пример решения Конституционного Суда ФРГ от 16 декабря 1986 г., из которого следует, что в целях «изъятия земель недостаточно <...> общественного интереса; такая функция собственности, как защита свободы, требует в противовес особо веские, неотложные публичные интересы; только для их реализации можно ограничить частные права» [7, с. 8]. Из этого следует вывод, что одним из способов обеспечения баланса конституционных ценностей может считаться та или иная *модель взвешивания интересов*, избранная органом конституционного правосудия при рассмотрении конкретного дела.

В едином русле с немецкими подходами балансирования развивались и американские (например, «практический коркорданц» ФРГ и «строгое следование» США). Однако по причине специфичности развития затруднительно констатировать, в каком государстве методология выступает реальным инструментом, а в каком – формальным. Тем не менее, полагаем, что в условиях цифровизации в арсенале методик балансирования центральное место должно быть отведено именно соразмерности. Необходимость в разработке методологии балансирования возникла по объективной причине: в связи с низким качеством решений высших судебных инстанций, в частности недостаточной аргументированностью и структурированностью. Определение чётких границ и правил принятия решения во многом решало эту проблему. В то же время, по справедливому утверждению Р. Херзога, конституционное правосудие не должно оценивать поведение государства, «перетягивая тем самым на себя одеяло»; в связи с чем учёным предложен следующий алгоритм действий: первоначально надлежит обнаружить конституционные интересы и ценности, коллизирующие между собой, а затем оценить угрозу таким ценностям, приняв во внимание конкретные обстоятельства дела [6, с. 88–89]. Реальность и степень угрозы признаются основополагающими факторами для принятия решения об объективности и необходимости введения тех или иных ограничений реализации конституционных ценностей.

Рассматривая подходы к пониманию баланса конституционных ценностей, следует отметить, что в доктрине сложилась неясная и неоднозначная ситуация. Так, В.В. Невинский пишет лишь о том, что во время СССР «баланс конституционных прав и обязанностей личности и <...> государства был сдвинут в сторону интересов государства» [8]. Не вызывает сомнений, что в названный период режим и подходы к реальному обеспечению реализации конституционных ценностей, в первую очередь, прав и свобод личности, не позволяли обеспечить баланс в его нынешнем понимании. Тем не менее, данная позиция не проясняет сути баланса, а лишь указывает на его корректирование под влиянием определённых обстоятельств. Позиция правоведа даёт основания полагать, что баланс конституционных ценностей тесно переплетается с действующим политическим режимом и зависит от него прямо пропорционально. Однако в период авторитарного и тоталитарного государства вести речь о балансе в современном смысле слова, как, впрочем, и о самих ценностях, следует предельно осторожно и избирательно, и вот почему.

Г.А. Василевич убеждает, что в Конституции «отражён оптимальный баланс интересов государства и личности, если они равноправные и равноответственные субъекты. Такая Конституция, отражая общепризнанные принципы международного права, содействует свободе личности, учитывающей свободы других» [9, с. 6]. В.Ю. Мельников полагает, что существование ценностного баланса можно уяснить, рассматривая его сквозь призму конституционно-правовой идеологии, которая характеризуется как устоявшаяся «система конституционных ценностей, основанная на признании личности, ее прав и свобод высшей ценностью и признающая за ней право на идеологическое многообразие, защиту интересов государства» [10, с. 134]. Вместе с тем, согласиться с данной точкой зрения можно лишь отчасти, если рассуждать с позиции идеологической функции Конституции. Безусловно, в конституционной идеологии, как и любой другой, фундаментом являются определённые ценности и их соотношение между собой. По данному поводу А.Н. Пугачёв и В.В. Козловская отмечают, что «отрицание идеологической функции государства неминуемо влечёт ценностную дезорганизацию общества» [11, с. 284]. Поэтому отсутствие эпицентра, координирующего наиважнейшие конституционные ценности и расстановку сил между ними, несомненно привело бы к разобщённости и дифференциации общества с ориентацией новообразованных групп на то, что, с одной стороны, является истинно конституционно ценным, а с другой – признаётся антиценным. На наш взгляд, установление единой идеологии не соответствует принципам демократического правления, в то же время, в любом государстве должна действовать конституционная идеология – система, основанная на конституционных ценностях, прежде всего, признании и уважении прав и свобод человека.

Так или иначе, при использовании идеологического подхода не проясняется сущность баланса конституционных ценностей. Отсутствие единых подходов к пониманию соотношения конституционных ценностей обуславливает необходимость дополнительной углубленной проработки данного вопроса.

Нормативную основу отражения и соотношения конституционных ценностей составляет Конституция (Основной закон). Судья Конституционного Суда Республики Беларусь Воронович Т.В. утверждает, что в «Конституции не установлено конкретных формул баланса конституционных ценностей применительно как ко всем ценностям сразу, так и относительно какой-либо конкретной их комбинации» [12], однако, полагаем, что это не совсем так. В Основном законе Беларуси «законсервировано» фундаментальное положение, согласно которому человек, его права, свободы и гарантии их реализации являются *высшей ценностью и целью общества и государства* (часть первая статьи второй). Представляется, что приведенная норма содержит формулу ценностного баланса. Вместе с тем В.Д. Зорькин обоснованно полагает, что признание за правами и свободами ценности не отменяет защиту иных ценностей [13, с. 4]. Свобода личности не является абсолютной, и её границы определяются правами и свободами иных лиц, поэтому, в случае объективной необходимости, в целях защиты конституционных ценностей соразмерное ограничение прав и свобод человека допускается на основе баланса ценностей. Из этого следует вывод об отсутствии безусловного характера таких конституционных ценностей, как права и свободы.

Возникает вопрос иерархии конституционных ценностей, находящихся на одном или разных уровнях. Так, председатель Конституционного Суда Республики Беларусь П.П. Миклашевич отмечает, что иные конституционные ценности (помимо вышеуказанных) вытекают из Конституции, и их иерархия в целом не определена, однако это не умаляет их значимости [14, с. 76]. С таким выводом следует согласиться, поскольку в противном случае это означало бы «отмену» или, иными словами, фиктивность конституционного значения подобных ценностей. Соответственно, права и свободы человека считались бы абсолютными, безусловными и исключительными конституционными ценностями, ввиду чего им всегда отдавалось бы предпочтение, и о ценностном сбалансировании не могло быть и речи. Это привело бы к ситуации, когда публичные интересы, обусловленные необходимостью обеспечения общественного порядка и национальной безопасности, не могли бы защищаться, делая неизбежным приход анархизма. Г. Чулков утверждает, что все анархисты, включая П.Ж. Прудона, П.А. Кропоткина, М. Штирнера, М.А. Бакунина, Л.Н. Толстого и др., всегда рассуждали, имея ввиду лишь один жизненный план – социальный [15, с. 5]. Впрочем, это приводило лишь к одному итогу – террору и бандитизму. Проводя различие между государствами капиталистического и социалистического блоков, В.Е. Чиркин подчёркивал, что в первых последовательность ценностей была следующей: личные, политические и социально-экономические права и свободы. У вторых – обратной [16, с. 73]. Республика Беларусь, как и другие государства, образованные в результате распада СССР, последовала по капиталистическому пути.

Формализованная иерархия конституционных ценностей необходима конституционному правосудию. Ею определяется очерёдность защиты ценностей, что должно носить утилитарный характер. По мнению М.В. Преснякова, специфика ценностей, которая позволяет отличать их от норм, состоит в их иерархичной структуре; в сознании как отдельного человека, так и общественном сознании, ценности выстраиваются по принципу иерархии: одни из них менее значимы, чем другие, поэтому во имя более значимых ценностей ими можно пожертвовать [17, с. 15–16]. В то же время, использование одного только указанного подхода имеет очевидные недостатки и упущения, выражающиеся в признании постоянного доминирования тех конституционных ценностей, которые находятся на «верхушке пирамиды Маслоу». Это приводит к невозможности защиты иных ценностей, более низких по рангу в иерархической системе, их умалению и постепенному отторжению вследствие их номинализации.

Так, изучая основные концепты иерархизации ценностей, А.А. Петров пришёл к по-настоящему прорывному выводу о возможности использования иного, более предпочтительного, подхода, который заключается в *схематизации ценностей* по принципу теории многоуровневых систем, в связи с чем предложил самостоятельные иерархичные уровни [18, с. 156]:

- 1) страт, основанный на взаимовключении ценностей;
- 2) семейств (слоёв), построенный по принципу «от простого к сложному»;
- 3) организационный, включающий ценности, обладающие особым решающим функционалом.

Применительно к Республике Беларусь, к конституционным ценностям уровня страт могут быть отнесены человек, его жизнь и здоровье (часть первая статьи 24 и часть первая статьи 45 Конституции) в связи с тем, что первая предопределяет вторую, а вторая – третью. Примером ценностей уровня семейств (слоёв) могут являться брак, семья, материнство, отцовство и детство (часть первая статьи 32 Конституции) по признаку их однородности. К организационному же уровню, полагаем, надлежит отнести человека, его права и свободы, гарантии их реализации (часть первая статьи второй Конституции), которые провозглашены «высшими ценностями», вследствие чего обладают особым решающим функционалом. При этом, в зависимости от угла обстоятельств, с которого рассматриваются конкретные конституционные ценности, их уровни могут пересекаться, что подтверждает верность применения теории многоуровневых систем. В частности, как указано выше, человек как ценность может одновременно относиться как к уровню слоёв, так и функциональному.

На наш взгляд, ограничиваться пространственными подходами было бы неправильно, поэтому можно выделить третий, *темпоральный подход*, который не менее важен для определения баланса. Данный подход основан на временном принципе. В связи с этим приведём утверждение Т. Гоббса о том, что «[с]пособный предводитель солдат имеет большую цену во время войны или в такое время, когда война считается неизбежной, чем в мирное время. Образованный и честный судья имеет большую ценность в мирное время и меньшую – во время войны» [19]. И это справедливо, поскольку ценности постоянно меняются, как в количественном и качественном, так и приоритетном представлении.

Предлагаемый подход следует из существа положения статьи 63 Конституции Республики Беларусь о том, что в условиях чрезвычайного и военного положений реализация таких конституционных ценностей, как права и свободы личности, предусмотренных Конституцией, может быть приостановлена. Соответственно, имеется ввиду время, в котором, значимость указанных ценностей по объективным причинам снижается (в том числе, вследствие невозможности обеспечения всего набора прав и свобод) и одновременно повышается значимость иных ценностей (общественный порядок и национальная безопасность). При этом снижение значимости прав и свобод личности носит временный характер, поскольку их осуществление не прекращается, а приостанавливается. Однако и в данном случае есть некоторые оговорки. Дело в том, что приостановление реализации прав и свобод личности осуществляется в пределах, определённых Конституцией и соответствующими законами. Так, если при реализации особых мер в период чрезвычайного положения права, предусмотренные статьёй 24 (право на жизнь), частью третьей статьи 25 (запрет на пытки, жёсткое и бесчеловечное либо унижающее достоинство обращение и наказание, принудительные опыты), статьями 26 (презумпция невиновности) и 31 (право на свободное вероисповедание) Основного закона, ограничиваться не могут, то и в период военного положения таких исключений не имеется.

Некоторая структурированность характерна не только конституционным ценностям, но и их балансу, что обусловлено отсутствием исчерпывающего перечня собственно ценностей. Следовательно, сбалансированность подразумевает оценивание с точки зрения значимости ценностей одновременно в иерархичной, схематичной и темпоральной системах, а также внутреннего убеждения и усмотрения (так называемое «судейское убеждение») того, кто осуществляет данную оценку. В целом баланс конституционных ценностей принято рассматривать с двух позиций: 1) *стратегической*, в соответствии с которой баланс конституционных ценностей является целью государства в общем и конституционного правосудия в частности; 2) *функциональной*, согласно которой баланс выступает *специфической методикой взвешивания* коллизирующих конституционных ценностей.

Стратегический подход восприятия баланса конституционных ценностей обусловлен, прежде всего, предназначением конституционного правосудия. В этом смысле баланс рассматривается с точки зрения одного из элементов правосудия, где поиск баланса считается частью стратегии и цели судебно-конституционной защиты. Ценностный баланс здесь рассматривается предметом деятельности органа конституционного правосудия, а потому – и продуктом его деятельности. Отметим, что расширительное понимание баланса позволяет рассматривать его в ключе деятельности иных государственных органов. Объяснить это можно посредством российской конституционной практики. Так, Конституционный Суд периодически акцентирует внимание на одном важном обстоятельстве: «государство, обеспечивая баланс конституционно защищаемых ценностей и интересов, должно использовать не чрезмерные, а <...> строго обусловленные конституционно одобряемыми целями меры»¹. И хотя конкретно в этом случае речь шла о парламенте, тем не менее, позиция органа конституционного правосудия наводит на мысль о том, что обеспечение баланса конституционных ценностей не является и не должно являться прерогативой органа конституционного правосудия, а потому может и должно параллельно осуществляться иными органами государственной власти в пределах компетенции, предоставленной им законодательством. В частности, на обеспечение баланса конституционных ценностей обоснованно сориентирован Верховный Суд Российской Федерации.

Приходится констатировать, что в Республике Беларусь такая практика, пока, не прижилась и требует расширения. Поэтому рассмотрим примеры российской практики. Именно по жалобе осужденного определением кассационной инстанции Верховного Суда от 9 декабря 2014 г. установлено, что «принятие президиумом Верховного Суда Республики Башкортостан постановления от 02 июля 2014 года без учета положений <...> о недопустимости повторного участия судей в рассмотрении уголовного дела <...> исказило саму суть правосудия, противоречит принципу законности и разрушает необходимый баланс конституционно защищаемых ценностей» [20]. При этом отсылка к конституционным ценностям сопровождалась указанием позиции органа конституционного контроля. Нарушение наиважнейшей конституционной ценности (права человека на защиту) вызвало необходимость мотивирования судом принятого решения ссылкой как на конституционные ценности, так и на необходимость обеспечения их сбалансированности. В постановлении Верховного Суда от 15 октября 2014 г. по делу об административном правонарушении в отношении иностранца, который имел семью в Российской Федерации, обосновано несоответствие избранного ему административного взыскания – выдворения [20]. В решении Суд сослался на правовую позицию Конституционного Суда Российской Федерации, изложенную в постановлении от 15 июля 1999 г. № 11-П, в соответствии с которой к определению публично-правовой ответственности необходимо подходить индивидуализировано и дифференцировано. В развитие своей позиции в постановлении от 28 мая 2008 г. № 8-П Конституционный Суд отметил, что меры, определяемые уголовным законом, должны быть адекватными порождаемым ими последствиям «с тем, чтобы обеспечивать соразмерность мер уголовного наказания совершенному преступлению, <...> баланс основных прав индивида и общего интереса, состоящего в защите личности, общества и государства от преступных посягательств»². Верховный Суд полагает, что разъяснения органа

¹ По делу о проверке конституционности положений пункта 10 части 1 статьи 17 Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации» и статьи 201 Закона Российской Федерации «О милиции» в связи с жалобами граждан Л. Н. Кондратьевой и А. Н. Мумолина [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.garant.ru/hotlaw/federal/334715>.

² По делу о проверке конституционности положения части первой статьи 188 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки М.А. Асламазян [Электронный ресурс] – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_77402.

конституционного правосудия об уголовной ответственности по аналогии применимы в случае с административно-деликтной ответственностью. Отсылка к конституционным ценностям в решениях общих судов позволяет сделать такие решения более структурированными, обоснованными и справедливыми, что благоприятно отражается на обеспечении реального баланса конституционных ценностей.

Аналогичный подход прослеживается и в практике арбитражных судов, в решениях которых часто встречаются указания на баланс конституционных ценностей со ссылками на позиции органа конституционного правосудия³.

Однако само по себе указание на необходимость обеспечения и поддержания такого баланса не означает, что суды «взвешивают» интересы «спорящих» сторон и пытаются уравновесить их, наоборот, они пользуются позициями, выраженными органом конституционного правосудия, и не пересматривают их, поскольку это не те цели, которые перед ними поставлены. В таком смысле позиции органа конституционного правосудия выступают инструментом для судебной деятельности. В то же время ссылки на них нельзя признавать определением баланса конституционных ценностей в силу того, что они применяются судами в целях обогащения и обоснования собственной позиции. Правильнее утверждать, что правовые позиции органа конституционного правосудия являются «шпаргалкой» для суда общей юрисдикции (ординарного). Последний не правомочен самостоятельно определять баланс конституционных ценностей; обратное же свидетельствовало бы о выходе за пределы предоставленных ему полномочий, с одной стороны, и вмешательстве в компетенцию органа конституционного правосудия – с другой. В связи с этим, суды общей юрисдикции должны не более, чем придерживаться стратегии обеспечения баланса конституционных ценностей, учреждённой органом конституционного правосудия в своих решениях.

Функциональный подход к восприятию баланса конституционных ценностей заключается в том, что баланс рассматривается в качестве метода разрешения коллизий, возникших между теми или иными ценностями. Соответственно, применению данного метода осуществляется в следующем *порядке*:

– обнаружение враждующих ценностей, пределов их реализации и защиты, реальности и степени угрозы их надлежащей реализации;

– отыскание такого оптимального (гармоничного) состояния, при котором одновременно обеспечивается наиболее справедливое, благоприятное, безболезненное ценностное сосуществование.

Ряд основных тенденций, связанных с использованием баланса в качестве инструмента, можно вывести из практики отправления конституционного правосудия. Рассмотрим это на примере Российской Федерации. Перед применением подобного инструмента должно быть проведено комплексное изучение конституционных ценностей в следующем порядке:

1) обнаружение центральных конституционных ценностей, вступивших в коллизию;

2) определение места коллизирующих ценностей в их иерархичной, схематичной и темпоральной системах с учётом структуры Конституции и конституционных законов, их юридической силы и их элементов, характера ценностей, а также конкретных обстоятельств дела;

3) выявление точек соприкосновения коллизирующих ценностей;

4) оценка полученных данных на предмет наличия сбалансированности и вывод на её основе: констатация баланса или дисбаланса с выяснением причин последнего (угроза полной реализации ценностей и др.), а также поиск возможных путей устранения и преодоления (полагаем, что в ряде случаев возможно поступать аналогично разрешению и преодолению юридических коллизий; так, юридическая сила ценностей, расположенных в разных разделах конституции, может определяться исходя из того, какой из них имеет более сложный порядок внесения корректив);

5) определение объективной возможности устранения либо преодоления ценностной коллизии посредством уравновешивания и оптимизации;

6) принятие решения (резолуция) (балансирование как решение и принятая мера).

Рассматривая подходы к восприятию баланса конституционных ценностей, предложим свой вариант – **комбинированный** или **стратегически-функциональный**. Так, исходя из смысла института конституционного правосудия, как цель – наличие баланса обязательно, поскольку он априори заложен в деятельности органа конституционного правосудия. В то же время баланс не может существовать как абсолютное явление, не предполагающее возможности дисбаланса. В связи с этим следует вести речь о **презумпции баланса конституционных ценностей**, допускающей возможность ситуации разбалансированности. Обнаружение дисбаланса конституционных ценностей предопределяет использование инструмента их балансирования, то есть одновременно проявляются стратегический и функциональный подходы. Важно понимать, что констатация органом конституционного правосудия дисбаланса, что может произойти, например, в рамках последующего конституционного контроля нормативных правовых актов, а также указание в решении определённого баланса конституционных ценностей не означает разрешение вопроса. Многое зависит от своевременности и полноты последующей реализации позиции органа конституционного правосудия в правотворчестве и правоприменении. В противном случае реальный баланс конституционных ценностей обеспечен не будет, а решение органа конституционного правосудия останется неисполненным.

³ URL: <https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/447b06dc-7b7f-4179-95bf-ba3c1c7193ac/A37-1417-2014%2020150213.pdf?isAddStamp=True>;

URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/507fbc85-0c46-4457-aab0-ca8a6e6f8754/2555dbea-cbff-48df-bbb7-5a9760c75b16/A12-36891-2014_20150213_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True;

URL: <https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/9ce1d7c6-83c9-45ab-a7d0-4275fdaeda3/A33-25361-2014%2020150213.pdf?isAddStamp=True>.

Возвращаясь к вопросу об иерархии ценностей, подчеркнём, что иерархичность конституционных ценностей означает одновременно их субординацию и суперординацию. Формально определённая вертикаль – *нормальный или же обычный режим сосуществования конституционных ценностей*, при котором доминирование высших ценностей (человек, его права и свободы, гарантии их реализации) свидетельствует о наличии оптимального баланса конституционных ценностей в обычных условиях, когда иных «перекосов» быть не должно. Из этого следует, что в условиях обычного правового режима (отсутствие военного или чрезвычайного положения, а также иных, заслуживающих внимания, обстоятельств, то есть названных в ч. 1 ст. 23 Конституции Беларуси) **баланс конституционных ценностей** – это не равенство, а, наоборот, такое состояние неравенства, при котором высшие конституционные ценности (*их перечень исчерпывающий*) перевешивают все остальные. **Дисбалансом конституционных ценностей** в таком случае следует признавать любое другое состояние, объективная необходимость в котором отсутствует. Следовательно, при ограничении реализации высших конституционных ценностей баланс возможен постольку, поскольку данное ограничение было основано на Конституции.

Оптимальность, на которую обращалось внимание выше, означает справедливость баланса. Так, В.К. Бабаева рассматривает справедливость в ракурсе краеугольного камня правового здания по той причине, что данный генеральный принцип находит развитие в иных, общеправовых принципах [21, с. 128–131]. М.И. Марченко пришёл к выводу, что одним из аспектов справедливости является её соразмерность [22, с. 24–25]. При этом уместно привести высказывание И. Канта о том, что юристы всё ищут, но никак не могут найти формулу права. На наш взгляд, то же самое относится и к принципу справедливости. Однако найти такую формулу всё-таки можно, если рассматривать справедливость сквозь призму ценностей. В рассматриваемом контексте В.И. Хайруллин пишет, что «в иерархии ценностей на высшую ступень претендует лишь справедливость. Все остальные ценности соизмеримы с ней в той степени, в которой они справедливы» [23, с. 100].

Проблема, возникающая при изучении справедливости, всегда сводилась к субъективному взгляду на данное понятие. Вместе с тем в юридико-правовом контексте истина должна быть едина. На наш взгляд, в правовом значении *минимальное проявление справедливости* – это следование правилам тем субъектом, который их установил. В связи с этим представляется уместным привести слова Н. Макиавелли: «[не] думаю, чтобы <...> власть могла придумать что-нибудь худшее, чем издать закон и не выполнять его, тем более по вине самого его автора» [24, с. 190]. Таким образом, справедлив тот баланс, который изначально был заложен в Конституции и корректируется по основаниям, ей предусмотренным. И Конституция в этом плане выступает в качестве крепости, оплота ценностей. Однако важно понимать, что конституции тоже бывают разные. Предметом охраны Конституции является не её текст (буква закона), а ценности, прямо или косвенно в ней отражённые (дух закона). Приоритеты охраны конституционных ценностей постоянно меняются, соответственно, корректируется и баланс конституционных ценностей.

Правовая природа баланса конституционных ценностей обусловлена самой Конституцией. Кроме ранее рассмотренных, об этом свидетельствуют и положения Конституции Беларуси, согласно которым ограничение прав и свобод личности допускается только в случаях, предусмотренных законом в интересах национальной безопасности, общественного порядка, защиты нравственности и здоровья населения, прав и свобод других лиц. Никто не может пользоваться преимуществами и привилегиями, противоречащими закону (ст. 23). Приведенные нормы составляют фундамент механизма обеспечения баланса конституционных ценностей. Введение ограничений в отношении высших конституционных ценностей – специальный инструмент механизма поддержания баланса, который не должен обладать обратной силой и затрагивать ядро этих ценностей. Таким образом, ограничение реализации одних ценностей допустимо при условии, что это обусловлено защитой других ценностей⁴. Например, в постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 12 мая 2011 г. № 7-П указано, что государству неправомерно произвольно вмешиваться в отношения собственности, чтобы не нарушать устоявшийся «баланс конституционно защищаемых ценностей и лицо не подвергалось чрезмерному обременению»⁵. Действительно, отсутствие соразмерности влечёт за собой злоупотребления в правотворчестве и правоприменении.

Известное изречение «права одного заканчиваются там, где начинаются права другого» применимо и к конституционным ценностям. Поэтому можно говорить о том, что пределы реализации одних ценностей оканчиваются в том месте, где они пересекаются с реализацией других, если при этом стеснения от налагаемых ограничений невозможно компенсировать за счёт гарантий, льгот и др. В связи с этим возникает не менее важный вопрос о пределах реализации конституционных ценностей. Дискуссии вокруг поднятого вопроса не угасают не только в доктрине, но и на практике.

В качестве аподиктического примера приведём неоднозначное определение Конституционного Суда Российской Федерации от 17 января 2012 г. № 174-О-О по вопросу об осуществлении сторонами уголовного процесса права на ознакомление с особым мнением судьи⁶. К данному определению имелось четыре особых мнения о понимании спорного права. Так, судьей Г.А. Жилиным сделан акцент на соразмерность ограничения права на

⁴ По делу о проверке конституционности положения пункта 4 части 1 статьи 16 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» в связи с жалобой муниципального образования – городского округа «Город Чита» [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.szrf.ru/szrf/doc.php?nb=100&issid=1002011015000&docid=172>.

⁵ URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_114084.

⁶ URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_126311/6f5388c23284a43e29dde30c48025cccf23c721e.

получение информации, связанное с необходимостью обеспечения тайны совещательной комнаты. С точки зрения судьи Г.А. Гаджиева, «в целях достижения баланса между ценностью изложения судьей особого мнения <...> и обеспечением независимости судей <...> надо ограничить право судей на особое мнение, предъявляя требования к его содержанию, а не ограничивать право сторон на ознакомление с таким мнением»⁷. Предложение Г.А. Гаджиева заключается в необходимости сбалансирования конституционных ценностей: тайны совещательной комнаты (с учётом юридической фикции единства суда при коллегиальном рассмотрении дела) и принципов демократического правового государства. В то же время, Г.А. Жилиным предложен важнейший метод обеспечения баланса конституционных ценностей – определение их соразмерности. Приведенный пример важен, поскольку свидетельствует о возможности расхождения мнений относительно коллизирующих конституционных ценностей ещё на стадии их выявления, до обеспечения баланса.

Для правильного понимания баланса конституционных ценностей необходимо уяснить также его важнейшие признаки. Так, Ю.А. Рудт отмечает *релятивный характер указанного баланса* [20]. С точки зрения данного автора, относительность баланса зависит от способа разрешения коллизии конституционных ценностей, избрание которого связывается с публичным интересом к тем или иным институтам права, а также иными факторами (политическими, экономическими и другими процессами). Это указывает на адаптивный характер права и обусловленную им возможность поправки правовых позиций органа конституционного правосудия в части балансирования с учётом складывающейся обстановки. Однако важно уточнить и позицию самих органов конституционного правосудия по данному вопросу. В постановлении от 14 мая 1999 г. № 8-П Конституционным Судом Российской Федерации указано, что преодоление его правовой позиции недопустимо⁸. В актах Конституционного Суда Республики Беларусь данный вопрос остался неосвещённым. Тем не менее, с нашей точки зрения, речь идёт не о невозможности коррекции позиции как таковой, а её обязательном характере и неправомерности её игнорирования. Неслучайно Л.Г. Белявским отмечено, что в XX в. Верховный Суд США, хотя и избегал прецедентов к Конституции, однако пересмотрел в отношении неё около 150 доктрин [25, с. 77–78]. Выше подчёркивалось, что конституционные ценности – это изменчивое явление, поэтому невозможность корректирования их баланса противоречила бы самой сущности ценностей и приводила бы к ценностному застою, а также не соответствовала бы сути баланса как постоянно «плавающего» состояния.

В качестве варианта решения проблемы, связанной с изменением состояния сбалансированности, А.А. Югов предлагает при толковании Конституции исходить, в первую очередь, из здравого смысла и «значения категорий и понятий, которое принято в современной языковой среде» [26, с. 20]. В противном случае можно так и не прийти к единому знаменателю относительно спорных конституционных ценностей. Так или иначе, конституция не должна быть оторвана от современных реалий, а ценности, охраняемые ею, – в одно и то же время трактоваться по-разному. Впрочем, «релятивность баланса» не равно «релятивность субъектов конституционной интерпретации», поэтому она должна быть связана с теми или иными объективными обстоятельствами общественно-государственной жизни. Изменчивый характер баланса подтверждают Л.В. Тихомирова и М.Ю. Тихомиров, определяя его как «соотношение взаимосвязанных показателей какой-либо деятельности, процесса» [27, с. 49]. При этом авторы обращают внимание на ещё один важный признак баланса – связь показателей, которые соотносятся друг с другом. Таким образом, баланс показывает взаимосвязь и взаимовлияние конституционных ценностей, которые хотя и не являются равными, однако стремятся к этому посредством сбалансирования.

Заключение. Подводя настоящее исследование к своему логическому завершению, необходимо отметить, что для юридических науки и практики категория баланса конституционных ценностей не является новой, но на данный момент она малоизучена. На это указывает отсутствие единого понимания указанного феномена. Несмотря на это, Конституционный Суд Республики Беларусь активно ссылается на необходимость обеспечения баланса конституционных ценностей и интересов, на них основанных. Практика Российской Федерации в этом аспекте развита в большей мере, в связи с чем целесообразно учитывать её применительно к отечественной правовой системе.

Баланс конституционных ценностей – такое оптимальное состояние уравновешенности конституционных ценностей, при котором в условиях обычного правового режима доминируют высшие конституционные ценности по отношению к остальным. При этом в условиях специального правового режима (чрезвычайное и военное положения, а также в иных случаях, предусмотренных Конституцией Республики Беларусь) оптимальный баланс ценностей достигается путём смещения обычного приоритета. Под **дисбалансом конституционных ценностей** следует понимать любое иное состояние, объективная (т.е. конституционная) необходимость в котором отсутствует. Тем самым определяются пределы изменения баланса конституционных ценностей.

Существуют следующие подходы к уяснению сущности баланса конституционных ценностей: 1) *стратегический*, в соответствии с которым баланс выступает целью конституционного правосудия; 2) *функциональный*, согласно которому баланс используется как метод разрешения коллизии конституционных ценностей; 3) *комбинированный*, объединяющий оба предыдущих подхода как взаимодополняющие. В связи с этим выделяется **презумпция баланса конституционных ценностей**, под которой следует понимать предположение о нахождении конституционных ценностей в сбалансированном состоянии, если иное не установлено.

⁷ URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_126311/6f5388c23284a43e29dde30c48025ccef23c721e.

⁸ URL: <https://www.szrf.ru/szrf/doc.php?nb=107&issid=1071999008000&docid=2885>.

К основным **признакам баланса конституционных ценностей** можно отнести: релятивность баланса, взаимосвязь и взаимовлияние ценностей, отсутствие безусловного характера тех или иных ценностей, иерархичность, схематичность и темпоральность ценностей. Кроме того, специфичность баланса конституционных ценностей состоит в том, что его определение относится к исключительной компетенции органа конституционного правосудия.

Правовая природа баланса конституционных ценностей обусловлена Конституцией, положениями которой определены механизм и пределы его обеспечения. Речь идет о части первой статьи 2, статьях 23 и 63 Основного закона Беларуси. Обеспечение баланса конституционных ценностей не является прерогативой органа конституционного правосудия, в то же время, именно этот орган определяет такой баланс. В обеспечении ценностного баланса могут быть задействованы и иные органы государственной власти, которые при этом должны руководствоваться правовыми позициями органа конституционного правосудия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кудашкин В.В. Научно-практический комментарий к Федеральному закону «О военно-техническом сотрудничестве Российской Федерации с иностранными государствами». – М.: Междунар. отношения, 2002. – 656 с.
2. Барихин А.Б. Большой юридический энциклопедический словарь. – М.: Книжн. мир, 2000. – 792 с.
3. Васюкова И.А. Словарь иностранных слов. – М.: АСТ-ПРЕСС, 1998. – 640 с.
4. Мальцев В.А. Баланс интересов в сфере обеспечения безопасности: понятие и механизм государственно-правового регулирования // Конституц. и муницип. право. – 2007. – № 18. – С. 6–9.
5. Anichkin E.S., Rydt Y.A. Constitutional Balancing in Russia: Practice and Perspectives // Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki. – 2019. – № 5. – Р. 80–100.
6. Bomhoff J. Balancing Constitutional Rights: The Origins and Meanings of Postwar Legal Discourse // Cambridge University Press, 2013. – Р. 72–137.
7. Шмакова Е.Б. Общественный интерес как условие изъятия собственности в конституциях зарубежных стран // Конституц. и муницип. право. – 2011. – № 6. – С. 7–10.
8. Невинский В.В. Трансформация баланса конституционных прав и обязанностей человека и гражданина в современном государстве: сущность, основные направления, результаты // Обеспечение прав и свобод человека в современном мире: материалы науч.-практ. конф.: в 4 ч. – Ч. 1; под ред. В.Н. Синюкова. – М., 2017. – С. 216–222.
9. Василевич Г.А. Обеспечение конституционной законности в государстве: теория и практика. – Минск: Междунар. ун-т «МИТСО», 2012. – 88 с.
10. Мельников В.Ю. Формирование правовой идеологии государства // Инновац. наука. – 2016. – № 1. – С. 133–135.
11. Пугачёв А.Н., Козловская В.В. Принципы, функции и юридические свойства конституции / под ред. В.В. Козловской. – Витебск: ВГУ им. П.М. Машерова, 2019. – 375 с.
12. Воронович Т.В. Взаимосвязь и взаимовлияние конституционных ценностей в нормотворчестве // Ценностная парадигма Основного Закона Республики Беларусь: материалы респ. науч.-практ. конф., Минск, 14 марта 2013 г. / Белорус. гос. ун-т; редкол.: Г.А. Василевич (гл. ред.). – Минск: Издат. Центр БГУ, 2013. – С. 42–44.
13. Зорькин В.Д. Ценностный подход в конституционном регулировании прав и свобод // Журн. рос. права. – 2008. – № 12. – С. 3–14.
14. Миклашевич П.П. Конституционные ценности и современные тенденции развития конституционализма // Весн. Канстытуц. Суда Рэсп. Беларусь. – 2012. – № 3. – С. 74–81.
15. Чулков Г. О мистическом анархизме. – Репринт изд. 1906 г. – England: The Scholar Press Limited, 1971. – 58 с.
16. Чиркин В.Е. Конституционная терминология / Ин-т законодательства и сравнит. правоведения при Правительстве РФ. – М.: Норма : Инфра-М, 2013. – 272 с.
17. Пресняков М. В. Критерии справедливого баланса конституционных ценностей в деятельности Конституционного Суда РФ // Журн. конституц. правосудия. – 2009. – № 4. – С. 15–17.
18. Петров А.А. Конституция России: взгляд с позиции теории иерархических многоуровневых систем // LEXRUSSICA. – 2014. – № 2. – С. 153–159.
19. Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского // Соч.: в 2 т. – Т. 2. – М.: Мысль, 1991. – 731 с.
21. Рудт Ю.А. Баланс конституционных ценностей в доктрине конституционного права и практике органов конституционной юстиции Российской Федерации: автореф. дис. канд. юрид. наук: 12.00.02 / Алтайск. гос. ун-т. – Омск, 2019. – 33 с.
26. Бабаев В.К. Общая теория права. Курс лекций / под общ. ред. В.К. Бабаева. – Н-Новгород, 1993. – 544 с.
27. Общая теория государства и права: акад. курс в 2 т. / В.В. Борисов и др.; под ред. М.Н. Марченко // Теория права / Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. – Т. 2. – М.: Зерцало, 1998. – 639 с.
28. Хайруллин В.И. Справедливость как комплексная ценность // Государство и право. – 2010. – № 3. – С. 100–103.
29. Макиавелли Н. Государь / пер. с ит. М. Юсима. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2018. – 448 с.
34. Берлявский Л.Г. Теории конституционной интерпретации в США // Конституц. и муницип. право. – 2011. – № 10. – С. 77–78.
35. Югов А.А. Правовая импровизация как искусство юридического толкования : осмысление опыта Конституционного Суда РФ // Рос. юрид. журн. – 2003. – № 4. – С. 19–26.
36. Тихомирова Л. В. Краткий юридический словарь / под ред. М.Ю. Тихомирова. – М.: Изд. Тихомирова М.Ю., 2012. – 828 с.

Поступила 12.03.2024

CONCEPT, SIGNS AND LEGAL NATURE BALANCE OF CONSTITUTIONAL VALUES**S. ALESKA****(Belarusian State University, Minsk)**

The theoretical and practical significance of the study of the balance of constitutional values is noted. The main schools and teachings about balancing are considered. Doctrinal approaches to understanding the phenomenon under study are studied. It is concluded that there are no unified and unambiguous interpretations of the balance of constitutional values. Based on the provisions of the Basic Law of the Republic of Belarus and scientific approaches to the systematization of constitutional values, the author's definition of their balance is derived. The main approaches to understanding the balance of constitutional values are proposed: strategic, functional and combined. The phenomenon of imbalance of values is determined. A proposal is put forward on the existence of a presumption of balance of constitutional values. The main signs of such a balance are revealed: the relativity of the balance, the relationship and mutual influence, the absence of an unconditional character, the hierarchy, schematicity and temporality of values. It is noted that the legal nature of the balance of constitutional values is determined by the constitution, the provisions of which define the mechanism and limits of its provision.

Keywords: *balanced-constitutional speeches, constitutional values, constitutional axiology, constitutional justice, organ-constitutional movement.*

УДК 346.12:347.122

DOI 10.52928/2070-1632-2024-66-1-69-73

ПОНЯТИЕ И ВИДЫ ОТНОШЕНИЙ (ПРАВООТНОШЕНИЙ) В СФЕРЕ ЧАСТНЫХ ФИНАНСОВ

канд. юрид. наук., доц. С.П. ПРОТАСОВИЦКИЙ
(Белорусский государственный университет, Минск)
ORCID: <https://orcid.org/0009-0002-9304-168X>

Большинство финансовых правоведов исследует финансовые отношения в целом, но подразумевает под ними публичные отношения, что свойственно классической (советской) теории финансов. К отношениям в сфере частных финансов обращаются немногие исследователи. Автор раскрывает понятие названных отношений и дает характеристику их видов. По его мнению, отношения в сфере частных финансов являются собой социальные связи, возникающие при обладании финансовым имуществом, осуществлении частной финансовой деятельности, оказании финансовых услуг и их государственном регулировании. В правовой форме они детерминированы юридическими свойствами их субъектов – правоспособностью, субъективными правами, обязанностями и запретами, которые образуют содержание этих правоотношений и направлены на будущее монетарное состояние тех же субъектов. Виды данных правоотношений автор выделяет из их определения и характеризует правоотношения, возникающие при: 1) обладании финансовыми активами, 2) осуществлении частной финансовой деятельности, 3) оказании финансовых услуг, 4) государственном регулировании частных финансов.

Ключевые слова: правоотношения в сфере частных финансов, обладание финансовыми активами, частная финансовая деятельность, финансовые услуги, финансовое обязательство, государственное регулирование частных финансов.

Введение. Частные финансы как объект правового регулирования представляют собой систему, состоящую из финансового имущества, частной финансовой деятельности и отношений в сфере частных финансов. В настоящей статье мы намерены раскрыть понятие названных отношений и дать характеристику их видов.

В отечественной науке финансового права формируется неоклассическое направление и все больше внимания уделяется частным финансам. Тем не менее к отношениям в этой сфере обращаются немногие авторы. Так, А.В. Худяков, предполагая существование частных финансовых отношений, считает, что они возникают «в процессе осуществления частными субъектами своей финансовой деятельности» [1, с. 14]. Э.Д. Соколова упоминает «финансовые отношения, возникающие при осуществлении финансовой деятельности хозяйствующих субъектов...»¹. М.К. Сулейменов характеризует «отношения, опосредующие движение денежных средств в рамках частной собственности... (или „частные финансовые отношения“)...»². А по мнению В.Ф. Попондопуло, все финансовые отношения частные: «это имущественные отношения, основанные на равенстве, автономии воли и имущественной самостоятельности участников, которые возникают в связи с осуществлением финансовой деятельности» [2, с. 10]. Большинство финансовых правоведов исследует финансовые отношения в целом, но подразумевает под ними публичные отношения, что, впрочем, свойственно классической (советской) теории финансов.

Согласно Е.А. Ровинскому, финансовыми являются экономические отношения в области финансовой деятельности государства [3, с. 64]. «В финансовых правоотношениях особенно отчетливо выступают два правовых элемента: а) государственно-властный и б) имущественный» [3, с. 136]. С точки зрения С.В. Запольского, «финансовыми те или иные экономические отношения становятся постольку, поскольку отношения преследуют цель образования государственных денежных фондов (экономический критерий) с использованием особых, властно-императивных методов деятельности государства и его органов (юридический критерий)»³. Ученый выделяет ряд признаков финансового правоотношения: возникновение во имя отправления власти на основе законодательства, участие государственного органа, имущественный (денежный) характер, присутствие юридического или физического лица [4, с. 11]. По мнению М.В. Карасевой, границы финансового правоотношения определяются совокупностью следующих параметров: «а) эти отношения возникают исключительно в сфере финансовой деятельности государства и муниципальных образований; б) они строятся на правовом регулировании, главным образом, с помощью метода властных предписаний...»⁴. На взгляд А.И. Худякова, «финансовые отношения возникают в такой сфере общественного воспроизводства, как *распределение*. Отсюда их характеристика в качестве распределительных отношений, опосредующих одностороннее движение стоимости в денежной

¹ Соколова Э.Д. Теоретические аспекты правового регулирования финансовой деятельности государства и муниципальных образований: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.14 / МГЮА. – М., 2008. – С. 33.

² URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=38484206&pos=6;-107#pos=6;-107.

³ Запольский С.В. Правовые вопросы самофинансирования предприятий в условиях полного хозяйственного расчёта (финансово-правовой аспект): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.02 / Всесоюз. науч.-исслед. ин-т советского государственного строительства и законодательства. – М., 1989. – С. 20–21.

⁴ Карасева М.В. Финансовое правоотношение: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.12. – Воронеж, 1998. – С. 76.

форме. Те денежные отношения, которые возникают в сфере *обмена*, т.е. опосредующие встречное движение стоимости..., финансовыми не являются (в экономическом смысле они являются товарно-денежными)» [5, с. 11].

Таким образом, в юридической науке понятие отношений (правоотношений) в сфере частных финансов не исследовано и образует научную проблему, потому обращение к данной теме представляется крайне актуальным.

Основная часть. Рассматриваемые отношения входят в систему частных финансов как объекта правового регулирования вместе с двумя элементами – финансовым имуществом и частной финансовой деятельностью, которая неразрывно связана с использованием финансовых услуг. Разумеется, они подлежат государственному регулированию (ч. 4 ст. 13 Конституции Республики Беларусь). Значит, эти отношения возникают при обладании финансовым имуществом, осуществлении частной финансовой деятельности, оказании финансовых услуг и их государственном регулировании. В научном познании названных отношений мы опираемся на триаду философских категорий: вещи, свойства, отношения. «Всякая наука, каков бы ни был её предмет, изучает вещи, их свойства и отношения. Можно изучать главным образом вещи, преимущественно отдельные свойства или отношения, но нельзя изучать что-либо иное, кроме вещей, свойств и отношений» [6, с. 3]. В широком понимании вещь – это все, что может быть объектом мысли, в том числе и субъект отношений. «Свойство – характеристика объекта... определяющая его вид, тип, поведение и пр.» [7, с. 510]. Именно свойства вещей объясняют отношения между ними. Как пишет Г. В. Ф. Гегель, «вещь обладает свойствами; они суть... ее определенные соотношения с другим; свойство имеется лишь как некоторый способ отношения друг к другу» [8, с. 581]. «Разные вещи находят благодаря их свойствам в существенном взаимодействии», – утверждает он [8, с. 585]. Согласно А.И. Уемову, «свойство является тем, что объединяет отдельные вещи в систему, т. е. удовлетворяет определению отношения» [6, с. 64]. Следовательно, отношения в сфере частных финансов детерминированы свойствами их субъектов.

В свое время Г. В. Лейбниц заметил, что «всякое отношение – это либо отношение сравнения, либо отношение связи (*conscours*). Отношение сравнения дает различие и тождество..., что приводит к понятиям тождественного и различного, сходного и несходного. Связь содержит в себе... совместное существование» [9, с. 365]. Вместе с тем некоторые авторы занимают однозначную позицию, усматривая суть отношения либо в сравнении, либо в связи. «Сущность отношения состоит в сопоставлении, или сравнении, двух вещей друг с другом», – утверждает Д. Локк [10, с. 372]. С точки зрения Н.М. Коркунова, «всякое отношение предполагает связь, зависимость и вытекающую из этой зависимости возможность воздействия. Где нет зависимости, нет и отношения» [11, с. 201]. Исследуемые отношения возникают в обществе и представляют собой социальные связи.

Изложенное позволяет предложить следующую дефиницию: **отношения в сфере частных финансов** – это детерминированные свойствами их субъектов социальные связи, возникающие при обладании финансовым имуществом, осуществлении частной финансовой деятельности, оказании финансовых услуг и их государственном регулировании.

Общественные отношения подлежат правовому регулированию, что выражается в наделении субъектов юридическими свойствами: 1) признании за ними правоспособности; 2) установлении прав, обязанностей, запретов, а также оснований их возникновения и прекращения. Юридические свойства придают отношениям правовую форму. Другими словами, правовое регулирование рассматриваемых отношений состоит в моделировании правоотношений в сфере частных финансов. Правоотношение – традиционный предмет научного внимания в правоведении. В то же время, как верно отмечает В.А. Белов, «ни в теории права, ни в цивилистической науке до сих пор так и не достигнуто единства мнений по важнейшим вопросам учения о правоотношении (гражданском правоотношении); так, продолжает оставаться открытым даже вопрос о том, а что, собственно, следует понимать под правоотношением (гражданским правоотношением)» [12, с. 454].

Следуя нашей дефиниции отношений в сфере частных финансов и учитывая выход на первый план юридических свойств субъектов, мы приходим к выводу, что **правоотношения в сфере частных финансов** – это детерминированные юридическими свойствами их субъектов социальные связи, возникающие при обладании финансовыми активами, осуществлении частной финансовой деятельности, оказании финансовых услуг и их государственном регулировании.

Можно заметить, что обладание финансовым имуществом в данном определении сведено к обладанию финансовыми активами. Полагаем, отношения, возникающие при обладании финансовыми долгами, не требуют правовой формы, а правоотношения, связанные с созданием, принятием, прекращением и переводом финансовых долгов, возникают при осуществлении частной финансовой деятельности.

Научное познание правоотношения не обходится без обсуждения его структуры (взаимосвязанных элементов) или содержания. Однако, по наблюдению Н.Н. Алексева, «учение об элементах правоотношения отнюдь не является научно построенной теорией, но довольно произвольным и искусственным конгломератом понятий, выработавшихся постепенно в правовой практике и в догматической юриспруденции» [13, с. 137]. Рассмотрение правоотношения в части его элементов и содержания зависит от решения вопроса об онтологическом статусе отношения, который формулируется примерно следующим образом: «...если существуют предметы **a** и **b**, находящиеся между собой в отношении **R**, то существует ли само **R** и в каком смысле можно говорить, что **R** существует?» [14, с. 182–183]. Отношение между вещами объясняется их свойствами. Признав существование свойств, мы примем существование детерминированного ими отношения. При этом мы должны признать существование свойств, если согласны с объективным существованием вещей [6, с. 43]. «Действительно, если материя

существует объективно, помимо нашего сознания, то объективно существуют и части этой материи – вещи. Но вещь не существует вне своих свойств. Следовательно, из объективности вещей вытекает объективность их свойств» [6, с. 49]. Субъекты права существуют независимо от нашего сознания. Значит, их юридические свойства и, соответственно, правоотношения тоже существуют объективно. Тем самым мы отрицаем идеалистическое понимание правоотношений: они не «могут существовать лишь между фактами сознания и устанавливаться самим человеком» [6, с. 49].

Продолжая мысль, можем сказать, что существование правоотношения сводится к существованию юридических свойств его субъектов. Иначе говоря, данные свойства существуют в форме правоотношения, образуя содержание последнего. В то же время юридические свойства не существуют без своих носителей – субъектов права – субъектов правоотношения. По сути дела, субъект права, будучи системой существенных и иных свойств, входит в содержание правоотношения частью свойств. Но, называя его субъектом, а не элементом содержания правоотношения, мы имеем в виду носителя, а не систему свойств.

Правоотношение показывает текущее состояние его субъектов в контексте юридически возможного, необходимого и невозможного поведения в будущем. Поэтому в содержании правоотношения нет места фактическому поведению, которое всегда в настоящем. Фактическое поведение относится к области юридических фактов, влекущих возникновение и прекращение правоотношения.

Содержание правоотношений в сфере частных финансов составляют юридические свойства их субъектов – правоспособность, права, обязанности и запреты. «Едва ли не самым спорным в общем учении о правоотношении является вопрос об объекте правоотношения» [15, с. 677]. Мы уже отметили, что правоотношение показывает текущее состояние его субъектов в контексте юридически возможного, необходимого и невозможного поведения в будущем. Юридические свойства субъектов направлены на будущее поведение последних, потому в нем заключается объект правоотношения. Поскольку финансовое поведение проявляется в сохранении или изменении монетарного состояния, **объектом** правоотношений в сфере частных финансов выступает будущее монетарное состояние их субъектов.

Виды названных правоотношений мы выделяем из их определения. Как следствие, имеем правоотношения, возникающие при:

- обладании финансовыми активами;
- осуществлении частной финансовой деятельности;
- оказании финансовых услуг;
- государственном регулировании обладания финансовыми активами, частной финансовой деятельности и финансовых услуг (далее – государственное регулирование частных финансов).

В правоотношениях, возникающих **при обладании финансовыми активами**, юридические свойства субъектов закрепляют указанное обладание. Субъективное право обладателя доставляет ему юридическое господство над активом, которое включает возможность сохранять актив в своем имуществе. Оно соответствует праву собственности (п. 2 ст. 210 ГК) и обеспечивается общим запретом принудительного изъятия активов у собственника (п. 2 ст. 236 ГК), запретом причинения вреда его активам в вещественной форме – наличным деньгам и документарным ценным бумагам (ч. 1 п. 1 ст. 933 ГК), а также принципом неприкосновенности собственности (абз. 6 ч. 2 ст. 2 ГК Беларуси).

Правоотношения, **возникающие при осуществлении частной финансовой деятельности**, обнаруживают юридическую возможность или необходимость совершения финансовых операций, а также действий по управлению финансовыми рисками. Модели этих правоотношений предусматривают реализацию правоспособности, осуществление права и исполнение обязанности субъектом деятельности. Правоспособность позволяет создавать (выпускать) и приобретать финансовые активы; создавать, принимать, прекращать и переводить финансовые долги; совершать сделки по управлению финансовыми рисками. Право собственности дает возможность прекращать и отчуждать активы. Все это обеспечивается запретом ограничения правоспособности (п. 1 ст. 21 ГК), принципами свободы договора, недопустимости произвольного вмешательства в частные дела и беспрепятственного осуществления гражданских прав (абз. 7, 9, 10 ч. 2 ст. 2 ГК).

Создавая или принимая финансовый долг, субъект обязуется совершить финансовую операцию в пользу обладателя корреспондирующего финансового требования. В законодательстве и литературе такое правоотношение именуется обязательством, в нашем случае – финансовым обязательством. Финансовое обязательство в сфере частных финансов есть правоотношение, по содержанию которого одна сторона (должник) обязана предоставить в пользу другой стороны (кредитора) деньги, долговые ценные бумаги, акции или инвестиционные паи в определенном количестве, а кредитор вправе получить их. Отметим, при исполнении данного обязательства финансовую операцию совершает не только должник (отчуждение актива), но и кредитор (приобретение актива). Вместе с тем в сфере частных финансов находит место и отрицательное финансовое обязательство – правоотношение, в силу которого одна сторона (должник) обязана воздержаться от совершения определенной финансовой операции, а другая сторона (кредитор) имеет право на такое воздержание со стороны должника.

Правоотношения, **возникающие при оказании финансовых услуг**, обязывают к оказанию подобных услуг в пользу обладателей финансовых активов и субъектов частной финансовой деятельности. Поэтому каждое из них представляет собой обязательство по оказанию финансовых услуг – правоотношение, по содержанию которого одна сторона (должник – субъект финансовых услуг) обязана оказать другой стороне (кредитору) определенную финансовую услугу, а кредитор вправе получить её.

Данные правоотношения неразрывно связаны с правоотношениями, возникающими при обладании финансовыми активами и осуществлении частной финансовой деятельности. В некоторых случаях их реализация обнаруживает себя в одних и тех же действиях. К примеру, банк, предоставляя кредит, исполняет финансовое обязательство, но в то же время он исполняет обязательство по оказанию финансовых (банковских) услуг.

Рассмотренные выше виды правоотношений имеют разновидности. Они появляются при совместном обладании финансовыми активами, совместном осуществлении частной финансовой деятельности и совместном оказании финансовых услуг. Мы подразумеваем здесь правоотношения между сособственниками, сокредиторами, содолжниками, товарищами.

Правоотношения, **возникающие при государственном регулировании частных финансов**, обеспечивают в указанной сфере публичные интересы. В отличие от других, они относятся к публичным правоотношениям. Социальная связь в этих правоотношениях детерминирована властными полномочиями на стороне государства и императивными предписаниями (обязанностями, запретами) на стороне обладателей финансовых активов, субъектов частной финансовой деятельности и финансовых услуг. «Для публичного права, – отмечает Ю.Б. Шубников, – характерными являются правоотношения, основанные на одностороннем запрете и обязывании...» [16, с. 50]. Государство тем самым запрещает те или иные финансовые операции либо устанавливает условия и порядок обладания финансовыми активами, осуществления частной финансовой деятельности и оказания финансовых услуг.

Заключение. Таким образом, отношения в сфере частных финансов являются социальными связями, возникающими при обладании финансовым имуществом, осуществлении частной финансовой деятельности, оказании финансовых услуг и их государственном регулировании. В правовой форме они детерминированы юридическими свойствами их субъектов – правоспособностью, субъективными правами, обязанностями и запретами, которые образуют содержание этих правоотношений и направлены на будущее монетарное состояние тех же субъектов. Разделяя их на виды, мы имеем правоотношения, возникающие при:

- обладании финансовыми активами;
- осуществлении частной финансовой деятельности;
- оказании финансовых услуг;
- государственном регулировании частных финансов.

Научная значимость изложенных результатов заключается в концептуальном развитии теории частных финансов как объекта правового регулирования. Раскрыто понятие отношений (правоотношений) в сфере частных финансов, дана характеристика их видов. Тем самым получены новые знания о предмете правового регулирования в сфере частных финансов, имеющие ценность для цивилистики и финансового правоповедения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Худяков А.И. Финансовое право Республики Казахстан. Общая часть. – Алматы: Баспа, 2001. – 272 с.
2. Попондопуло В.Ф. Финансовое право: понятие, природа, источники // Финансовое право. – 2020. – № 1. – С. 8–14.
3. Ровинский Е.А. Основные вопросы теории советского финансового права. – 2-е изд., стер. – М.: Норма; ИНФРА-М, 2018. – 176 с.
4. Запольский С.В. О природе финансовых правоотношений // Современная теория финансового права: научные и практические аспекты развития институтов общей части финансового права: материалы междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 25-26 марта 2011 г.). – М.: РАП, 2012. – С. 9–16.
5. Худяков А.И. К вопросу о содержании некоторых финансово-правовых категорий // Финансовое право. – 2010. – № 2. – С. 10–13.
6. Уемов А.И. Вещи, свойства и отношения. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – 184 с.
7. Новоселов М.М. Свойство // Новая философская энциклопедия: в 4 т. / Ин-т философии РАН, Нац. общ.-научн. фонд. – М.: Мысль, 2010. – Т. III. – С. 510.
8. Гегель Г. В. Ф. Наука логики / пер. Б.Г. Столпнера // Сочинения: в 14 т. / Г. В. Ф. Гегель. – М.: Соцэкгиз, 1937. – Т. 5. – С. 1–694.
9. Лейбниц Г. В. Новые опыты о человеческом разумении автора системы предустановленной гармонии / пер. П.С. Юшкевича // Сочинения: в 4 т. / Г. В. Лейбниц. – М.: Мысль, 1983. – Т. 2. – С. 47–545.
10. Локк Д. Опыт о человеческом разумении / пер. А.Н. Савина // Сочинения: в 3 т. / Д. Локк. – М.: Мысль, 1985. – Т. 1. – С. 77–582.
11. Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. – М.: РОССПЭН, 2010. – 520 с.
12. Белов В.А. Гражданское право: учеб.: в 4 т. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2022. – Т. I. Общая часть. Введение в гражданское право. – 622 с.
13. Алексеев Н.Н. Общее учение о праве: Курс лекций, прочитанных в Таврическом университете в 1918/19 году. – Симферополь: Тип. Е.К. Брешко-Брешковской, 1919. – 161 с.
14. Новоселов М., Гастев Ю. Отношение // Философская энциклопедия: в 5 т. / под ред. Ф.В. Константинова. – М.: Сов. энцикл., 1967. – Т. 4: «Наука логики» – Сигети. – С. 182–184.
15. Иоффе О.С. Спорные вопросы учения о правоотношении // Избранные труды по гражданскому праву: Из истории цивилистической мысли. Гражданское правоотношение. Критика теории «хозяйственного права» / О.С. Иоффе. – 3-е изд., испр. – М.: Статут, 2009. – С. 653–698.
16. Шубников Ю.Б. О социальных предпосылках существования частного и публичного права // Вестн. Санкт-Петерб. ун-та МВД России. – 2014. – № 2. – С. 48–51.

Поступила 08.04.2024

**THE CONCEPT AND TYPES OF RELATIONS (LEGAL RELATIONS)
IN THE SPHERE OF PRIVATE FINANCE**

S. PRATASAVITSKI
(Belarusian State University, Minsk)

Most financial and legal scientists study financial relations in general, but mean public relations by them, which is typical of the classical (Soviet) theory of finance. Few authors address the relationship in the sphere of private finance. The author reveals the concept of these relations and gives a description of their types. In his opinion, relations in the sphere of private finance are social links that arise from having financial property, carrying out private financial activities, provision of financial services and their state regulation. In legal form, they are determined by the legal properties of their subjects – legal capacity, rights, duties, and prohibitions that form the content of these legal relations, and are aimed at the future monetary condition of the same subjects. The author distinguishes the types of these legal relations from their definition, and characterizes the legal relations arising from: 1) having financial assets, 2) carrying out private financial activities, 3) the provision of financial services, 4) the state regulation of private finance.

Keywords: *Legal relations in the sphere of private finance, Having financial assets, Private financial activity, Financial services, Financial obligation, State regulation of private finance.*

УДК 343.575+342.95+613.83+614.283:340

DOI 10.52928/2070-1632-2024-66-1-74-77

**ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ КРИТЕРИЕВ ДЕЛЕНИЯ НА НАРКОТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА,
ПСИХОТРОПНЫЕ ВЕЩЕСТВА, ИХ ПРЕКУРСОРЫ, АНАЛОГИ***канд. юрид. наук, доц. Д.Л. ХАРЕВИЧ**(Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь, Минск)*ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1390-6077>e-mail: dmitryharevich@mail.ru

На основании сравнения свойств наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов автор приходит к выводу о том, что такое деление психоактивных веществ не отвечает формальным критериям логики, а перечисленные понятия не могут быть представлены как обособленные категории. С учетом единой системы критериев отнесения к наркотическим средствам, психотропным веществам, их прекурсорам и аналогам приведенные понятия с содержательной стороны представляют собой единое целое. Предлагается использование в нормативных правовых актах единого термина «наркотики», охватывающего всю совокупность психоактивных веществ, подлежащих контролю.

Ключевые слова: *аналог, наркотическое средство, правовое регулирование, прекурсор, психотропное вещество, оборот наркотиков.*

Введение. Понятия «наркотическое средство», «психотропное вещество», «прекурсор, аналог наркотического средства, психотропного вещества» играют ключевую роль в сфере оборота указанных средств и веществ, контроля над ними, затрагивая при этом различные области знания: фармакологию, медицину, психиатрию, административное (государственное), административно-юрисдикционное, уголовное право. Эффективность правового регулирования оборота указанных веществ в значительной степени определяется согласованностью данных понятий. В публикациях, посвященных отмеченным аспектам [1; 2, с. 347–350; 3], нами выделен ряд нерешенных вопросов, на которых был сконцентрирован исследовательский интерес для отыскания способов их разрешения.

Основная часть. Ряд исследователей объясняют деление контролируемых веществ на наркотические средства и психотропные вещества различиями в их свойствах [4, л. 19; 5, л. 98–100; 6]. В качестве таковых предлагают использовать признаки медицинского (наркологического, терапевтического, фармакологического, токсикологического) характера, поскольку именно они являются первичным основанием установления контроля над оборотом психоактивного вещества. Согласно этому подходу к основаниям деления на наркотические средства и психотропные вещества относят вид зависимости и характер воздействия на организм человека с точки зрения способности вызывать нарушения его функционирования: для наркотических средств – одно из проявлений воздействия на нервную систему (ступор, кома, нечувствительность к боли), а также способность вызывать физическую зависимость¹; для психотропных веществ – одно из проявлений воздействия на разум или умственные процессы (стимулирующее, депрессивное, галлюциногенное, нарушение моторной функции, мышления, поведения либо настроения), а также способность вызывать психическую зависимость². Однако использованию данного основания противоречит факт отнесения к наркотическим средствам кокаина, вызывающего характерные для психотропных веществ последствия в виде галлюцинаций, стимулирующего воздействия и высокой психической зависимости при отсутствии физической [7, с. 3]. И наоборот, такие психотропные вещества, как синтетические каннабиноиды, кетамин и фенциклидин, обладают выраженным анестезирующим эффектом, синтетические каннабиноиды и альфа-RVP – способностью вызывать физическую и психическую зависимость, что более характерно для типичных морфиноподобных наркотических средств¹.

При более детализированном подходе в делении подконтрольных психоактивных веществ на наркотические средства и психотропные вещества данные параметры рассматривают по отдельности. В одном случае принимается во внимание наиболее важный для медицинского критерия параметр – характер и тяжесть зависимости: только психическая – для психотропных веществ, физическая и психическая – для наркотических средств. Вместе с тем, отнесение к психотропным веществам бупренорфина (согласно Конвенции ООН 1971 г.), бензодиазепинов и барбитуратов, вызывающих физическую и психическую зависимость¹, не позволяет использовать указанные критерии в качестве основания для деления.

В другом случае в качестве основания выделяется характер воздействия на организм человека: свойственное для наркотических средств седативное воздействие противопоставляется стимулирующему и галлюциногенному эффекту большого числа разновидностей психотропных веществ. Однако данному подходу противоречит отнесение к психотропным веществам бензодиазепинов (наиболее многочисленный по номенклатуре медицинских наименований вид седативных препаратов), солей гамма-оксимасляной кислоты и других психотропных

¹Наркотики: криминалистическое пособие / сост. Д.Л. Харевич. – Минск: Промкомплекс, 2012. – 135 с.

²Конвенция ООН о психотропных веществах 1971 г. с Заключительным актом и резолюциями, утвержденными Конференцией Организации Объединенных Наций для принятия Протокола о психотропных веществах, и списками веществ, прилагаемыми к настоящей Конвенции / Организация Объединенных Наций. – Нью-Йорк, 1971. – 39 с.

депрессантов, вызывающих воздействие, более присущее указанному для наркотических средств. Аналогично, относящиеся к наркотическим средствам продукты каннабиса (марихуана, гашиш, гашишное масло) и лист шалфея предсказателей вызывают выраженный галлюциногенный эффект, более присущий психотропным веществам. Также следует отметить, что вне зависимости от принадлежности к наркотическим средствам или психотропным веществам некоторые из них могут вызывать противоположное воздействие в краткосрочном и последующем периоде после потребления: первоначальное возбуждение сменяется седативным эффектом (амфетамины, каннабиноиды, соли гамма-оксимасляной кислоты) и наоборот (опиаты и опиоиды)¹.

Имеются и иные противоречия в классификации, указывающие на незначительную роль медицинского (наркологического) аспекта в её формировании. Так, непоследовательным является отнесение ряда галлюциногенов (каннабиноидов), имеющих одинаковое психоактивное основание, к разным группам: если марихуана, гашиш, гашишное масло, лист шалфея предсказателей являются наркотическими средствами, то их наиболее психоактивные компоненты – тетрагидроканнабинол [7, с. 3; 8, с. 40] и сальвинорин А – психотропными веществами. Воздействующие на одинаковые типы рецепторов опиаты и опиоиды также классифицированы по-разному: если большинство из них являются наркотическими средствами (наиболее типичными представителями этой группы), то трамадол – психотропным веществом.

Приведенное рассмотрение позволяет утверждать, что невозможность выделения закономерных взаимосвязей между видом психоактивного вещества (наркотическое средство, психотропное вещество) и характером зависимости, воздействия на организм человека, а также отсутствие отличительных признаков в обоих классификационных группах не позволяют использовать признаки медицинского характера в качестве основания для деления контролируемых психоактивных веществ на наркотические средства и психотропные вещества.

Сравнивая свойства прекурсоров и наркотических средств (психотропных веществ), можно выделить такой отличительный признак, как возможность их использования при изготовлении, производстве и переработке наркотических средств, психотропных веществ. В связи с этим может возникнуть предположение о возможности использования данного признака как основания для разделения прекурсоров и психоактивных веществ (наркотических средств и психотропных веществ). Однако изучение свойств последних показывает, что это не так. Многие наркотические средства и психотропные вещества являются предшественниками (прекурсорами) других психоактивных веществ. Например, из маковой соломы можно изготовить экстракционный и ацелированный опий, морфин, кодеин, тебаин; из опия, морфина – героин; из тебаина – бупренорфин; из эфедрина, псевдоэфедрина – эфедрон, метамфетамин; из норэфедрина – амфетамин, катинон; из марихуаны – гашиш, гашишное масло, из фентанила – 3-метилфентанил¹. Растения (опийный мак, конопля, кокаиновый куст), контролируемые согласно Конвенции ООН 1961 г., а также получаемое из них сырье, не указаны в списках Конвенции ООН 1988 г., хотя они являются полупродуктами (прекурсорами) для получения находящихся под контролем наркотических средств, психотропных веществ растительного происхождения. Также необходимо отметить, что существование в перечне групп наркотических средств, психотропных веществ с общими базовыми структурами предполагает возможность преобразования некоторых из них друг в друга.

С другой стороны, свойством психоактивных веществ, отличающим их от прекурсоров, является оказание специфического воздействия на организм человека и возможность вызывать зависимость. О последнем говорит, например, использование в Законе Республики Беларусь от 13 июля 2012 г. № 408-З «О наркотических средствах, психотропных веществах, их прекурсорах и аналогах» и других нормативных правовых актах вместе с глаголом «потребление» словосочетания «наркотические средства, психотропные вещества, их аналогах». Однако детальное рассмотрение свойств некоторых прекурсоров показывает, что отмеченное не является закономерным. Например, для достижения психоактивного воздействия могут использоваться 1,4-бутандиол, бутиролактон, лизергиновая кислота [7, с. 34], нитрометан, эргометрин, эрготамин, что приводит к развитию зависимости. В качестве токсикоманического может применяться ацетон, метилэтилкетон, толуол, этиловый эфир¹. Эти примеры показывают широкий спектр воздействия прекурсоров на организм человека, в целом не отличающийся от спектра воздействия наркотических средств и психотропных веществ.

Таким образом, разделение контролируемых веществ на психоактивные вещества (наркотические средства, психотропные вещества) и их прекурсоры также не имеет единого основания и отличительных критериев с точки зрения их свойств.

Рассматривая аналоги наркотических средств, психотропных веществ как самостоятельную классификационную группу, необходимо учитывать исходную близость свойств и химической структуры аналога и наркотического средства (психотропного вещества), психоактивное действие которого он воспроизводит. В этой связи можно с определенной долей условности (с учетом отказа от проверки медицинских свойств вещества при его отнесении к аналогам в Республике Беларусь [9, с. 8]) говорить об отсутствии принципиальных содержательных (физических, химических, фармакологических) различий между свойствами аналогов и наркотических средств (психотропных веществ).

Заключение. Таким образом, на основании сравнения свойств психоактивных веществ можно сделать вывод о том, что их деление на наркотические средства, психотропные вещества, их прекурсоры и аналоги не отвечает формальным критериям логики. Нам не удалось выделить значимые сущностные основания такого деления, перечисленные понятия во многих аспектах пересекаются и не могут быть представлены как обособленные категории.

Предложенная нами ранее [10] унифицированная система первичных (содержательных) критериев отнесения к наркотическим средствам, психотропным веществам, их прекурсорам и аналогам дает основания для вывода о том, что с содержательной стороны приведенные понятия представляют собой единое целое.

С учетом этого полагаем целесообразным использование в нормативных правовых актах единого термина «наркотики», охватывающего всю совокупность психоактивных веществ, подлежащих контролю. Это позволит достичь лаконичности правовых норм, улучшить их восприятие. Немаловажно, что подобное нововведение не требует коренного изменения существующих правовых режимов оборота психоактивных веществ: разграничение данных режимов будет обеспечиваться в том же порядке, что и в настоящее время, т. е. делением на группы, подгруппы (в настоящее время они называются списками, таблицами).

При изменении наименования групп первого уровня на «классы» будет использоваться словосочетание «наркотики классов 2, 3, 4.1» вместо используемого в настоящее время выражения «наркотические средства и психотропные вещества, включенные в список особо опасных наркотических средств и психотропных веществ, разрешенных к контролируемому обороту, список опасных психотропных веществ, разрешенных к контролируемому обороту, Республиканского перечня наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих государственному контролю в Республике Беларусь, и прекурсоры, включенные в таблицу 1 "Химические вещества и их соли, из которых образуются наркотические средства или психотропные вещества в процессе их изготовления или производства" списка прекурсоров наркотических средств и психотропных веществ Республиканского перечня наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих государственному контролю в Республике Беларусь»³.

Правовое обоснование указанного предложения выходит за рамки настоящей статьи и будет рассмотрено отдельно.

ЛИТЕРАТУРА

1. Жбанков В.А., Табаков А.В. Криминалистические классификации наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов и прекурсоров как предметов контрабанды: теоретические и практические аспекты разработки и использования в расследовании. – М., 2013. – 274 с. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=28851934>.
2. Павленко Р.М. Поняття «наркотичні засоби» та «психотропні речовини»: дискусійні питання // Актуальні проблеми протидії незаконному обігу наркотичних засобів та психотропних речовин у сучасних умовах: Науковий вісник Юридичної академії Міністерства внутрішніх справ. – Дніпропетровськ, 2004. – Спец. вип. № 2. – С. 347–350.
3. Рекомендации по унификации и гармонизации законодательства государств-участников СНГ в сфере борьбы с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров / Бюро по координации борьбы с организованной преступностью и иными опасными видами преступлений на территории Содружества Независимых Государств. – М., 2013. – 25 с.
4. Вяземская А.А. Незаконный оборот наркотиков по уголовному законодательству Российской Федерации (ст. 230–233 УК) и Нидерландов (сравнительно-правовое исследование): дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. – М., 2015. – 261 л. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=30429271>.
5. Панова Е.В. Предмет преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. – М., 2005. – 185 л. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=16074324>.
6. Симакова И. Правовая характеристика психотропных веществ // Уголовное право. – 2004. – № 2. – С. 122–123.
7. Международные конвенции о контроле над наркотиками: история, достижения и проблемы // Доклад Международного комитета по контролю над наркотиками за 2008 год / Международный комитет по контролю над наркотиками. – Вена, 2009. – С. 1–15.
8. Бабаян Э.А., Гаевский А.В., Бардин Е.В. Некоторые проблемы терминологии в области наркотических средств // Правовые аспекты оборота наркотических, психотропных, сильнодействующих, ядовитых веществ и прекурсоров. – М., 2000. – С. 4–14.
9. Жданова Е.В., Малиенко А.А., Кузнецов А.Г., Демковец О.В., Алексеев В.А. Опыт определения аналогов наркотических средств, психотропных веществ, а также формирование реестра новых потенциально опасных психоактивных веществ на территории государств-участников СНГ. – М.: ВНИИ МВД России, 2019. – 22 с.
10. Харевич Д.Л. О единой системе критериев отнесения к веществам, растениям (грибам), предметам, подлежащим контролю в связи с оборотом наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов // Подразделения по контролю за оборотом наркотиков Министерства внутренних дел Российской Федерации: 30 лет со дня образования: Материалы международного научно-практического семинара, Красноярск, 26 ноября 2021 года / Ответственные редакторы Д.В. Ким, Н.Н. Цуканов. – Красноярск: Сибирский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2021. – С. 34–38. – EDN OYAKJN. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=47495208>.

Поступила 10.04.2024

³ См., например, абз. 3 п. 9 Постановления Совета Министров Республики Беларусь от 30 декабря 2002 г. № 1827 «О порядке изготовления, производства, переработки и хранения наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров».

**APPLIED ASPECTS OF CRITERIA FOR DIVISION INTO NARCOTIC DRUGS,
PSYCHOTROPIC SUBSTANCES, THEIR PRECURSORS, ANALOGUES****D. KHAREVICH***(Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus)*

Based on a comparison of the properties of narcotic drugs, psychotropic substances, their precursors and analogues, the author comes to the conclusion that such a division of psychoactive substances does not meet the formal criteria of logic, and the listed concepts cannot be presented as separate categories. Taking into account the unified system of criteria for classifying narcotic drugs, psychotropic substances, their precursors and analogues, the above concepts from the content side represent a single whole. It is proposed to use a single term “drugs” in regulatory legal acts, covering the entire range of psychoactive substances subject to control.

Keywords: *analogue, drug trafficking, legal regulation, narcotic drug, precursor, psychotropic substance.*

УДК 343.3/.7+346.2

DOI 10.52928/2070-1632-2024-66-1-78-86

ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПРИЗНАКОВ КРИМИНАЛЬНОГО БАНКРОТСТВА И ПЕРСПЕКТИВЫ ИХ РЕШЕНИЯ

канд. юрид. наук, доц. Т.Г. ХАТЕНЕВИЧ, В.В. БЕРСУНУКАЕВ
(БИП – Университет права и социально-информационных технологий, Минск)
Татьяна Хатеневич ORCID: <https://orcid.org/0009-0001-0731-1712>;
Вадим Берсунукаев ORCID: <https://orcid.org/0009-0002-1512-8747>

Анализируется законодательство, предусматривающее пределы ответственности за общественно опасные деяния, направленные на нарушение процедур банкротства. Предлагается дополнить механизм уголовно-правовой охраны установленного порядка осуществления экономической деятельности новыми положениями с учетом анализа сложившейся практики применения уголовно-правовых запретов криминального банкротства, а также на основании изучения законодательного опыта других государств в сфере регулирования неплатежеспособности и криминализации общественно-опасных деяний, связанных с процедурами банкротства. Рассматривается вопрос о целесообразности закрепления в законодательстве Республики Беларусь процедур банкротства физических лиц, а также юридической ответственности физического лица за умышленное нарушение процедур банкротства. Исследуется проблема привлечения к ответственности соучастников криминального банкротства. В целях дальнейшего совершенствования применения норм о криминальном банкротстве виды специального субъекта рассматриваемых преступлений могут быть дополнены временным управляющим. Определяется целесообразность возможного включения специальной поощрительной нормы, определяющей условия освобождения от уголовной ответственности при криминальном банкротстве, в систему уголовно-правового регулирования.

Ключевые слова: неплатежеспособность, несостоятельность, криминальное банкротство, сокрытие банкротства, преднамеренное банкротство, препятствование проведению расчета с кредитором (кредиторами).

Введение. Эффективно функционирующая система уголовно-правовых средств противодействия преступлениям против порядка осуществления экономической деятельности является одной из гарантий осуществления экономической функции государства, обеспечения социальной направленности экономики. Республика Беларусь стремится к обеспечению доступными средствами экономически благоприятной среды для реализации интересов человека и развития бизнеса [1, с. 64], что выражается, в том числе, в поддержании в актуальном состоянии механизма правового регулирования общественных отношений в сфере предпринимательской деятельности. В соответствии с вступившим в силу 1 октября 2023 г. Законом Республики Беларусь от 13 декабря 2022 г. № 227-З «Об урегулировании неплатежеспособности» внесены изменения в уголовное законодательство. В связи с этим своевременным является научное исследование усовершенствованной системы уголовно-правовых запретов, закрепленных в ст. 239 – 241 УК Республики Беларусь, с учетом новых критериев криминализации общественно-опасных деяний.

Анализ признаков запрещенных деяний, связанных с банкротством, необходим для целей правильной квалификации и определения путей повышения эффективности практики применения уголовно-правовых норм. В определенной мере актуальность работы связана с особенностями социально-экономического развития страны, когда Республика Беларусь находится в условиях жесткого санкционного давления, когда создаются искусственно сложности для поступательного развития производства и экономической стабильности. В этих условиях нередко несостоятельность (банкротство, санация) – это естественный механизм преодоления кризисов развития предприятия. Такой механизм должен иметь эффективную нормативную регламентацию, быть понятным в процессе применения норм различных отраслей права на практике. Таким образом, научное обоснование решения проблем правового регулирования общественных отношений в сфере неплатежеспособности и, в частности, толкования и применения охранительных норм права, определяющих запрет на определённые действия в сфере банкротства, полагаем, является важным для практической деятельности.

Настоящее исследование основано на работах белорусских и зарубежных ученых, разрабатывавших критерии классификации преступлений в сфере экономики (например, Д. Климов [2]), изучавших институт банкротства в целом (А.П. Смольский¹ и др.), анализировавших уголовно-правовые признаки криминального банкротства и меры противодействия ему (К.С. Захилько², А.А. Вакутин, М.Г. Ильина [3]), изучавших основания дифференциации уголовной ответственности за преступления в сфере банкротства (В.В. Соболев³). Однако многие теоретические, правотворческие и правоприменительные аспекты уголовной ответственности за криминальное банкротство не были ещё освещены в научной литературе. Частично это связано с существенным обновлением

¹ Смольский А.П. Становление и развитие института банкротства в Республике Беларусь. – URL: <https://econexpert.biz/ekonomicheskaya-nesostoyatelnost-bankrotstvo/upravlencheskoe-konsultirovanie/stanovlenie-i-razvitie-instituta-bankrotstva-v-respublike-belarus>; Смольский А.П. Проблемы борьбы с криминальным банкротством. – URL: https://etalonline.by/document/?regnum=u01700049&q_id=0.

² Захилько К.С. Уголовно-правовые меры противодействия криминальному банкротству: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Белор. гос. ун-т. – Минск, 2020. – 26 с.

³ URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-differentsiatsii-otvetstvennosti-za-prestupleniya-v-sfere-bankrotstva>.

нормативной основы регулирования неплатежеспособности. Ряд дискуссионных вопросов всё ещё не нашли своего окончательного решения.

Цель данного исследования заключается в определении на научной основе достаточности и необходимости уголовно-правовой охраны установленного институтом банкротства порядка осуществления деятельности при наступлении неплатежеспособности у субъектов экономической деятельности и выработке на этой основе предложений по совершенствованию уголовно-правовых мер и практики их применения, направленных на противодействие общественно опасным деяниям, совершаемым в связи с банкротством.

Основная часть. Высокая значимость правовых институтов несостоятельности (банкротства) для обеспечения устойчивости социальной и экономической систем детерминирует особое внимание к ним как научного сообщества, так и законодательной ветви власти, Президента и Правительства Республики Беларусь. Первым законом суверенной Беларуси, закрепляющим процедуры при наступлении неплатежеспособности, был Закон Республики Беларусь от 30 мая 1991 г. № 826-ХІІ «Об экономической несостоятельности и банкротстве». Вступление в силу указанного закона требовало введения юридической ответственности за нарушение установленных в нем правил, что и было осуществлено. Далее Парламентом Республики Беларусь были последовательно приняты три закона, регламентирующие порядок осуществления процедур экономической несостоятельности (банкротства) в отношении субъектов экономической деятельности. Это Закон от 18 июля 2000 г. № 423-3 «Об экономической несостоятельности (банкротстве)»⁴, Закон от 13 июля 2012 г. № 415-3 «Об экономической несостоятельности (банкротстве)»⁵, Закон от 13 декабря 2022 г. № 227-3 «Об урегулировании неплатежеспособности» (далее – Закон об урегулировании неплатежеспособности)⁶. Необходимые изменения в регулировании процедур несостоятельности (банкротства) проводились также посредством Указа Президента Республики Беларусь от 12 ноября 2003 г. № 508 «О некоторых вопросах экономической несостоятельности (банкротства)»⁷, Указа Президента Республики Беларусь от 15 октября 2007 г. № 505 «Об обязательном страховании гражданской ответственности антикризисных управляющих»⁸, Указа Президента Республики Беларусь от 25 июня 2010 г. № 328 «О некоторых мерах по оптимизации проведения процедур экономической несостоятельности (банкротства)»⁹, Указа Президента Республики Беларусь от 5 февраля 2013 г. № 63 «О некоторых вопросах правового регулирования процедур экономической несостоятельности (банкротства)»¹⁰ и др.

Советом Министров Республики Беларусь был регламентирован ряд важных вопросов, касающихся процедур экономической несостоятельности (банкротства), постановлениями, например, от 12 декабря 2011 г. № 1672 «Об определении критериев оценки платежеспособности субъектов хозяйствования»¹¹, от 4 сентября 2013 г. № 785 «Об утверждении комплекса мероприятий по предупреждению экономической несостоятельности (банкротства) и проведению процедур экономической несостоятельности (банкротства)»¹², от 8 января 2013 г. № 14 «О некоторых вопросах аттестации и перееаттестации физических лиц в качестве временных (антикризисных) управляющих в производстве по делу об экономической несостоятельности (банкротстве)»¹³. На смену вышеуказанным постановлениям Правительства Республики Беларусь приняты, в 2023 году вступили в силу и действуют в настоящее время постановления, регулирующие общественные отношения в сфере банкротства, утвержденные Министерством экономики Республики Беларусь и Министерством финансов Республики Беларусь:

⁴ URL: https://etalonline.by/document/?regnum=h10000423&q_id=8627302.

⁵ URL: <https://etalonline.by/document/?regnum=h11200415>.

⁶ Закон Республики Беларусь от 13 декабря 2022 г. № 227-3 «Об урегулировании неплатежеспособности» [Электронный ресурс] // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Национальный центр правовой информ. Респ. Беларусь – Минск, 2024.

⁷ Указ Президента Респ. Беларусь от 12 нояб. 2003 г. № 508 «О некоторых вопросах экономической несостоятельности (банкротства)» [Электронный ресурс] // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Национальный центр правовой информ. Респ. Беларусь – Минск, 2024.

⁸ Указ Президента Респ. Беларусь от 15 окт. 2007 г. № 505 «Об обязательном страховании гражданской ответственности антикризисных управляющих» [Электронный ресурс] // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Национальный центр правовой информ. Респ. Беларусь – Минск, 2024.

⁹ Указ Президента Респ. Беларусь от 25 июня 2010 г. № 328 «О некоторых мерах по оптимизации проведения процедур экономической несостоятельности (банкротства)» [Электронный ресурс] // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Национальный центр правовой информ. Респ. Беларусь – Минск, 2024.

¹⁰ Указ Президента Респ. Беларусь от 5 фев. 2013 г. № 63 «О некоторых вопросах правового регулирования процедур экономической несостоятельности (банкротства)» [Электронный ресурс] // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Национальный центр правовой информ. Респ. Беларусь – Минск, 2024.

¹¹ Постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 12 дек. 2011 г. № 1672 «Об определении критериев оценки платежеспособности субъектов хозяйствования» [Электронный ресурс]: // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Национальный центр правовой информ. Респ. Беларусь – Минск, 2024. (утратило силу)

¹² Постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 4 сен. 2013 г., № 785 «Об утверждении комплекса мероприятий по предупреждению экономической несостоятельности (банкротства) и проведению процедур экономической несостоятельности (банкротства)» [Электронный ресурс]: // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Национальный центр правовой информ. Респ. Беларусь – Минск, 2024. (утратило силу)

¹³ Постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 17 мая 2021 г. № 273 «О некоторых вопросах аттестации и перееаттестации физических лиц в качестве временных (антикризисных) управляющих в производстве по делу об экономической несостоятельности (банкротстве)» [Электронный ресурс]: // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Национальный центр правовой информ. Респ. Беларусь – Минск, 2024. (утратило силу)

постановление Министерства экономики Республики Беларусь от 10 мая 2023 г. № 8 «Об определении признаков сокрытия банкротства, преднамеренного банкротства, препятствования проведению расчета с кредиторами»¹⁴, постановление Министерства экономики Республики Беларусь и Министерства финансов Республики Беларусь от 7 августа 2023 г. № 16/46 «Об оценке степени риска наступления банкротства»¹⁵ и др.

Таким образом, поступательное развитие общественных отношений в различных направлениях экономической деятельности требует регулярного совершенствования их правового регулирования путем внесения изменений и дополнений в действующие нормативные правовые акты или разработки принципиально новых нормативных правовых актов. Думается, что оформление норм, регулирующих экономические отношения в сфере неплатежеспособности, в отдельном самостоятельном нормативном правовом акте является обоснованным и целесообразным, как это осуществлено в Законе 2022 г., так как такой подход может обеспечить большую стабильность действующего законодательства и упрощение применения норм охранительных отраслей права. Вместе с тем следует отметить, что в отдаленной перспективе, как следующий шаг в развитии законодательства, можно ожидать дальнейшего укрупнения массива нормативных правовых актов, регулирующих отношения в сфере неплатежеспособности, и создания, возможно, единого кодифицированного нормативного правового акта.

В силу значительного влияния института банкротства на социально-экономическую ситуацию в стране возникает необходимость создания, кроме эффективного механизма правового регулирования общественных отношений, связанных с неплатежеспособностью, еще и системы юридической охраны общественных отношений в сфере банкротства от противоправных (преступных) посягательств. В Уголовном кодексе (далее – УК) Республики Беларусь в настоящее время закреплены три статьи, в которых запрещены общественно опасные деяния, связанные с банкротством субъектов экономической деятельности (ст. 239 «Сокрытие банкротства», ст. 240 «Преднамеренное банкротство», ст. 241 «Препятствование проведению расчета с кредитором (кредиторами)»).

Схожим образом общественно опасные деяния, связанные с банкротством, запрещены и в ряде зарубежных уголовных законов, которые конструировались на основе модельного Уголовного кодекса для государств-участников СНГ. Например, в УК Российской Федерации в гл. 22 «Преступления в сфере экономической деятельности» закреплены ст. 195 «Неправомерные действия при банкротстве», ст. 196 «Преднамеренное банкротство», ст. 197 «Фиктивное банкротство»¹⁶. В УК Российской Федерации статья, запрещающая сокрытие банкротства, как это сделано в УК Республики Беларусь в ст. 239, отсутствует. Законодательством Российской Федерации сокрытие банкротства, выраженного в умышленном действии (представление заведомо ложных сведений и (или) документов о способности исполнить обязательства должника в полном объеме) либо бездействии (уклонение от исполнения обязанности по подаче в суд заявления должника о банкротстве), не наказуемо также согласно административно-деликтному законодательству. Несмотря на особенности правового регулирования ответственности за преступления, связанные с банкротством, в разных странах, общие подходы всё же сохраняются.

Нормы, определенные в вышеуказанных статьях, принято именовать нормами о криминальном банкротстве¹⁷. Существует также термин «управляемое банкротство». Таковым обозначаются неправомерные деяния, связанные с процедурами банкротства, имеющие целью уклонение от расчетов с кредиторами и уплаты налогов, иных обязательных платежей в бюджет либо рейдерский захват предприятия путем вывода его активов. Подобные деяния характеризуются высокой степенью маскировки под гражданско-правовые отношения и соблюдением процедурных правил, устанавливаемых законодательством в сфере несостоятельности [4, с. 48–51]. При недостаточной защищенности процедур банкротства от возможных неправомерных действий должников (юридических лиц или индивидуальных предпринимателей), а также управляющих и иных лиц возможны сокрытие, неправомерное отчуждение имущества должника, подлежащего включению в конкурсную массу, связанное с последующим причинением ущерба кредиторам в размере стоимости такого имущества. Подобные действия могут осуществляться и до появления признаков банкротства с целью избежать дальнейшего отчуждения (распродажи) имущества собственника в пользу кредиторов (А.А. Вакутин, М.Г. Ильина) [3, с. 11].

Вышеуказанные деяния криминального (управляемого) банкротства причиняют существенный вред общественным отношениям в экономической и социальной сферах. Вред выражается в негативном влиянии на экономическое развитие государства – повышение предпринимательских рисков, разрушение государственных, градообразующих, бюджетобразующих и системообразующих организаций, рост безработицы и как следствие – возможная социальная напряженность. Вышеизложенное указывает на то, что имеется высокая социальная обусловленность уголовной ответственности за противоправные деяния, связанные с банкротством. При этом нормы о криминальном банкротстве иногда называются «мертвыми»¹⁸, связывают с этим необходимость их отмены,

¹⁴ Постановление Министерства экономики Республики Беларусь от 10 мая 2023 г. № 8 «Об определении признаков сокрытия банкротства, преднамеренного банкротства, препятствования проведению расчета с кредиторами» [Электронный ресурс] // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Национальный центр правовой информ. Респ. Беларусь – Минск, 2024.

¹⁵ Постановление Министерства экономики Республики Беларусь и Министерства финансов Республики Беларусь от 7 августа 2023 г. № 16/46 «Об оценке степени риска наступления банкротства» [Электронный ресурс] // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Национальный центр правовой информ. Респ. Беларусь – Минск, 2024.

¹⁶ URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/.

¹⁷ См. сноски №№ 1, 2.

¹⁸ URL: <https://tass.ru/ekonomika/6372976>.

что, на наш взгляд, ошибочно. Учитывая, что многие зарубежные страны также со стабильно развивающейся экономической системой сохраняют такие нормы, а декриминализация общественно опасных деяний в сфере банкротства, как указывают и другие исследователи, приведет к неоправданному усилению ответственности из-за возможности квалификации данных деяний по другим статьям уголовного закона со схожими признаками объективной стороны состава преступления [5, с. 685–691], предложения об исключении данных норм из уголовного закона не представляются оправданными. Кроме того, на наш взгляд, закрепление таких норм в уголовном законе выполняет важную функцию общей превенции, неприменение норм уголовного закона не означает их недействительность, напротив, налицо их сдерживающий эффект.

В Республике Беларусь общественно опасные деяния, связанные с банкротством, были впервые криминализованы в 1993 г. путем внесения изменений и дополнений в УК Республики Беларусь 1960 г. В частности, были закреплены ст. 150-3 «Ложное банкротство», 150-4 «Злостное банкротство», 150-5 «Срыв возмещения убытков кредитором»¹⁹. Существенные изменения объема уголовно-правовой охраны общественных отношений были обусловлены легализацией предпринимательства, правовым закреплением и охраной частной собственности, образованием коммерческих организаций как государственной, так и частной форм собственности, а также необходимостью правовой охраны урегулированных процедур несостоятельности (банкротства) и др. Изучая развитие норм, направленных на противодействие криминальному банкротству, на дореволюционном, советском и современном этапах белорусской государственности можно отметить произошедшие изменения.

Во-первых, это переход от формальной конструкции объективной стороны состава преступления к материальной (причинение ущерба в крупном (особо крупном) размере). Представляется, что привлечение к уголовной ответственности за деяния в сфере банкротства без учета наступивших последствий заключает опасность подавления экономической активности и инициативы при решении финансовых проблем субъектом экономической деятельности. Во-вторых, были расширены и уточнены виды специального субъекта преступлений, связанных с банкротством. В действующей редакции статей о криминальном банкротстве УК Республики Беларусь субъектом составов указанных преступлений, помимо индивидуального предпринимателя, должностного лица, собственника имущества (учредитель, участник) должника – юридического лица, включен антикризисный управляющий, а также иное лицо, имеющее право давать обязательные для этого юридического лица указания или возможность иным образом определять его действия. Такой подход, по нашему мнению, корреспондирует содержанию современных форм управления субъектом экономической деятельности и является необходимым изменением в признаках составов криминального банкротства. В-третьих, совершенствование статей о криминальном банкротстве производилось постоянно с учетом специальной терминологии института банкротства и норм гражданского права. Поступательное развитие норм, направленных на противодействие криминальному банкротству, в среднем раз в 10 лет, направлено в сторону адаптации их к возникающим новым экономическим отношениям и существующей нормативной основе процедур несостоятельности (банкротства). В-пятых, прослеживается стремление законодателя к упрощению и конкретизации формулировок диспозиций статей о криминальном банкротстве.

Вместе с тем уголовно-правовые запреты криминального банкротства в настоящее время включают термины, которые не раскрываются в уголовном законе. Так, понятия, применяемые в уголовном законе, – «банкротство», «должник», «кредитор», «неплатежеспособность», «антикризисный управляющий» и др. определены в Законе об урегулировании неплатежеспособности. Это порождает определенные проблемы, широко известные как «проблемы применения бланкетных норм уголовного закона». В определенной мере проблемы бланкетных норм являются следствием частого изменения нормативных правовых актов, к положениям которых отсылает уголовный закон. Кроме того, не решен до настоящего времени вопрос о том, являются ли указанные нормативные правовые акты источниками уголовного права. Отсутствует также общая норма, регламентирующая допустимость бланкетных конструкций норм и, соответственно, обусловленность уголовной ответственности нарушением других – не уголовных – законов. Однако, на наш взгляд, использование бланкетных норм объективно необходимо, т. к. позволяет устранить загроможденность текста уголовного закона многочисленными детализированными правилами поведения и дефинициями, к тому же избавиться от них в уголовно-правовом регулировании в ближайшей перспективе не представляется возможным.

В процессе квалификации и установления объекта криминальных банкротств возникает вопрос об отграничении предмета преступления от средств преступления. Как указывает С.В. Смирнов, к предмету криминального банкротства согласно УК Российской Федерации относится: имущество, имущественные права, имущественные обязанности, сведения об имуществе, иная информация об имуществе, имущественных правах или имущественных обязанностях, бухгалтерские и иные учетные документы, отражающие экономическую деятельность юридического лица или индивидуального предпринимателя²⁰. Думается, С.В. Смирнов допускает смешение предмета преступления со средствами совершения преступления. Как указывает Л.Д. Гаухман, средства совершения преступления – это предмет внешнего мира, используемый при совершении иного действия, сопутствующего тому действию, которое определяет уголовно-правовую природу данного преступления и ради запрета которого установлена конкретная уголовно-правовая норма, и повышающая эффективность последнего.

¹⁹ URL: https://etalonline.by/document/?regnum=v160_uk.

²⁰ URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obekt-i-predmet-kriminalnyh-bankrotstv/viewer>.

В качестве примера Л.Д. Гаухман относит к средствам совершения преступления документы и средства таможенной идентификации, обманно используемые при контрабанде [6, с. 120]. Полагаем, при квалификации деяний, связанных с банкротством, существует возможность смешения понятий предмета преступления и средства совершения преступления. Сведения об имуществе, информацию об имущественных правах или имущественных обязанностях, бухгалтерские и иные учетные документы, отражающие экономическую деятельность должника, необходимо относить к средствам совершения общественно опасного деяния, связанного с банкротством.

Субъективная сторона составов криминального банкротства характеризуется умышленной формой вины. Вопрос установления вида умышленной формы вины (прямой или косвенный умысел) в составах криминального банкротства до настоящего времени остается дискуссионным как в Республике Беларусь, так и в зарубежных странах (например, Российская Федерация)²¹ [7–9]. Это прямой умысел в преступлениях, признаки которых предусмотрены в ст. 240 «Преднамеренное банкротство» и ст. 241 «Препятствование проведению расчета с кредитором (кредиторами)» УК Республики Беларусь. Это прямой или косвенный умысел в преступлении, признаки которого предусмотрены в ст. 239 «Соккрытие банкротства» УК Республики Беларусь. При совершении криминального банкротства умысел является, как правило, неопределенным. Цель как обязательный признак субъективной стороны состава преступления закреплена исключительно в ст. 241 «Препятствование проведению расчета с кредитором (кредиторами)» УК Республики Беларусь. Для правильной квалификации данного общественно опасного деяния и выявления указанного признака субъективной стороны состава преступления имеет значение установление времени совершения преступления. Для этого требуются глубокие знания правоприменителя в сфере процедур несостоятельности (банкротства) субъектов экономической деятельности. Для совершения общественно опасных деяний, связанных с криминальным банкротством, требуются от лица, их совершающего, специальные знания, предварительное осмысление и подготовленный негативный экономический план – последовательное и умышленное заключение убыточных гражданско-правовых сделок, неоправданные расходы и пр. – это в преднамеренном банкротстве; либо сокрытие, отчуждение, повреждение или уничтожение имущества с целью уклонения от расчетов с кредиторами – это в препятствовании проведению расчета с кредитором (кредиторами). Такой алгоритм предполагает стадию приготовления к преступлению и даже соучастие в преступлении, а в случае сокрытия банкротства, когда криминализовано бездействие (неисполнение обязанности по подаче в суд заявления должника), внезапно возникший умысел представляется невозможным, что характеризует вышеуказанные общественно опасные деяния как заранее обдуманные.

Согласно уголовному законодательству Республики Беларусь, Закону об урегулировании неплатежеспособности, деяния, охватываемые понятием «криминальное банкротство» совершаются только специальным субъектом – это индивидуальный предприниматель, должностное лицо (руководитель, представитель должника), антикризисный управляющий, учредитель, собственник имущества, лицо, имеющее право давать обязательные для должника указания или возможность иным образом определять его действия. В целях оптимизации применения ст. 239 «Соккрытие банкротства» УК Республики Беларусь необходимо закрепить в диспозиции данной статьи в качестве специального субъекта преступления также временного управляющего. Законодательно временный и антикризисный управляющие как субъекты правоотношений, связанных с процедурами банкротства, объединены одним определением и термином «управляющий». Однако их правовой статус и, в частности, полномочия согласно п. 3 ст. 1 Закона об урегулировании неплатежеспособности в процедурах банкротства (несостоятельности) дифференцированы. Временный управляющий осуществляет свои полномочия исключительно в защитном периоде, а антикризисный управляющий – в конкурсном производстве, санации, ликвидационном производстве. Временный управляющий является самостоятельным видом специального субъекта преступления, связанного с банкротством, так как в защитном периоде он может представить в суд заведомо ложные сведения и (или) документы о способности должника исполнить обязательства в полном объеме, что повлечет сокрытие банкротства.

Отличительной особенностью законодательства Республики Беларусь, регулирующего процедуры банкротства и устанавливающего ответственность за их нарушение, является отсутствие установленных правил банкротства граждан и, соответственно, юридической ответственности гражданина (если только он не является должностным лицом юридического лица или собственником, или управляющим) за умышленные общественно вредные или общественно-опасные деяния в сфере банкротства. Однако в ряде зарубежных стран такое регулирование имеется. Как отмечается рядом исследователей зарубежного права, получили закрепление в нормативных правовых актах процедуры банкротства физических лиц, например, в Российской Федерации, США, ФРГ и Французской Республике [10]. Представляется, вопрос о законодательном закреплении процедур банкротства физических лиц можно было бы рассмотреть и в Республике Беларусь. Развитие денежно-кредитных отношений между банками, небанковскими кредитно-финансовыми организациями и физическими лицами может приводить к возникновению неплатежеспособности. В этом вопросе можно было бы изучить опыт, например, Российской Федерации. В частности, исходя из содержания ст. 196 «Преднамеренное банкротство» УК Российской Федерации противоправными являются действия (бездействия), заведомо влекущие неспособность как юридического лица или гражданина, в том числе индивидуального предпринимателя, в полном объеме удовлетворить требования кредиторов по денежным

²¹ Уголовный кодекс Республики Беларусь: науч.-практ. коммент. под ред. В.М. Хомича, А.В. Баркова, В.В. Марчука. – Минск: Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2019. – С. 545–551.

обязательствам и (или) исполнить обязанность по уплате обязательных платежей, если эти действия (бездействие) причинили крупный ущерб. При совершении неправомерных действий при банкротстве (ст. 195) субъектом преступления также может быть гражданин, в том числе индивидуальный предприниматель. В уголовном законе Российской Федерации предусматриваются, например, за преднамеренное банкротство такие наказания, как штраф в размере от двухсот тысяч до пятисот тысяч рублей или в размере заработной платы, или иного дохода осужденного за период от одного года до трех лет, либо принудительные работы на срок до пяти лет, либо лишение свободы на срок до шести лет со штрафом в размере до двухсот тысяч рублей или в размере заработной платы, или иного дохода осужденного за период до восемнадцати месяцев либо без такового. Можно было бы предусмотреть в белорусском законодательстве ответственность за криминальное банкротство не только должностного лица должника – юридического лица, собственника имущества (учредителя, участника) должника – юридического лица либо иного лица, имеющего право давать обязательные для этого юридического лица указания, *но и физического лица*, если его деяния повлекли причинение ущерба кредиторам в крупном размере. В таком случае предполагаемым наказанием в санкции статьи может быть ограничение свободы на срок до двух лет или лишение свободы на тот же срок. Законодательная регламентация в Республике Беларусь процедур банкротства гражданина предполагает необходимость закрепления в ст. 11 «Процедуры, применяемые в ходе производства по делу о несостоятельности или банкротстве» Закона об урегулировании неплатежеспособности применимых в указанных случаях таких процедур как реструктуризация долгов, реализация имущества, мировое соглашение.

В ряде случаев криминальное банкротство осуществляется при умышленном совместном участии двух и более лиц (соучастии). Например, согласно приговору суда Московского района г. Бреста от 17 января 2022 г. по уголовному делу 17У21656 Т. и Д. признаны виновными в пособничестве в умышленном создании неплатежеспособности индивидуального предпринимателя, совершенного этим индивидуальным предпринимателем в личных интересах, повлекшее причинение ущерба в особо крупном размере, в совершении каждым из них преступления, предусмотренного ч. 6 ст. 16 и ч. 2 ст. 240 УК. Т. и Д., в период с 1 декабря 2017 г. по 3 апреля 2018 г. из корыстных побуждений оказали иному лицу, являющейся индивидуальным предпринимателем, имевшей единый умысел на преднамеренную экономическую несостоятельность (банкротство) индивидуального предпринимателя, в личных интересах из корыстных побуждений, выразившихся в намерении использовать денежные средства указанного субъекта хозяйствования для собственных нужд, пособничество путем заключения фиктивных сделок в создании неплатежеспособности индивидуального предпринимателя, что повлекло причинение ущерба кредиторам данного предпринимателя в особо крупном размере. Назначено каждому из них наказание в виде штрафа в размере 3 000 (трех тысяч) базовых величин в сумме 96 000 (девяносто шесть тысяч) рублей²². Судебная коллегия по уголовным делам Брестского областного суда приговор суда Московского района города Бреста от 17 января 2022 г. в отношении Т. и Д. оставила без изменения, а апелляционную жалобу обвиняемых Т. и Д. – без удовлетворения²³. При производстве по делу о банкротстве должника – юридического лица также может быть установлено соучастие привлеченного на основании гражданско-правового договора бухгалтера или лица, осуществляющего аудиторские услуги, в совершении общественно опасного деяния, например, направленного на препятствование проведению расчета с кредитором (кредиторами). В ч. 1 ст. 261 «Неправомерные действия при банкротстве» модельного Уголовного кодекса для государств – участников Содружества Независимых Государств²⁴ указано, что такие действия могут быть совершены руководителями организации-должника. В УК Российской Федерации предусмотрено в качестве квалифицирующего признака неправомерных действий при банкротстве (ст. 195), преднамеренного банкротства (ст. 196) совершение деяния группой лиц по предварительному сговору. С учетом признака совершения преступления группой лиц можно было бы рассмотреть возможность закрепления соответствующего квалифицированного состава криминального банкротства в УК Республики Беларусь. Для этого следует изложить ч. 2 ст. 240 «Преднамеренное банкротство» УК Республики Беларусь в следующей редакции: «то же действие, совершенное повторно либо группой лиц либо повлекшее причинение ущерба в особо крупном размере наказывается ...»; ч. 2 ст. 241 «Препятствование проведению расчета с кредитором (кредиторами)» в следующей редакции: «то же действие, совершенное повторно либо группой лиц либо повлекшее причинение ущерба в особо крупном размере наказывается...».

Как представляется, соучастие в преднамеренном банкротстве, помимо применения уголовной ответственности, должно влечь и другие меры правового воздействия – привлечение к солидарной ответственности. В этих целях следовало бы п. 1 ст. 9 Закона Республики Беларусь от 13 декабря 2022 г. № 227-3 «Об урегулировании неплатежеспособности» дополнить понятием «соучастник преднамеренного банкротства» и изложить его в следующей редакции: «собственник имущества унитарного предприятия, признанного банкротом, учредители (участники) юридического лица, признанного банкротом, или иные лица, в том числе руководитель юридического лица, имеющие право давать обязательные для этого юридического лица указания либо возможность иным

²² URL: <https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/bank-sudebnykh-resheniy/document/216173>.

²³ URL: <https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/bank-sudebnykh-resheniy/document/330048>.

²⁴ О модельном Уголовном кодексе для государств - участников Содружества Независимых Государств [Электронный ресурс]: постановление Межпарламентской Ассамблеи государств - участников Содружества Независимых Государств от 17 февраля 1996 г. № 7-5 : в ред. постановления от 27 ноября 2015 г. № 43-16 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Национальный центр правовой информ. Респ. Беларусь – Минск, 2024.

образом определять его действия, а также лицо, содействовавшее наступлению банкротства, советами, указаниями, предоставлением информации (соучастники, признанные таковыми согласно приговору суда), несут солидарно субсидиарную ответственность по обязательствам такого юридического лица при недостаточности у него имущества в случае, если банкротство юридического лица или индивидуального предпринимателя было вызвано умышленными действиями таких лиц».

В аспекте сравнительного правоведения следует обратить внимание на отдельные правила привлечения к уголовной ответственности за криминальное банкротство во Франции. В УК Франции закреплена возможность привлечения к уголовной ответственности за криминальное банкротство как физических, так и юридических лиц. Наказание может быть назначено должнику либо руководителю юридического лица, а также юридическому лицу. Положения об уголовной ответственности юридических лиц, в том числе за криминальное банкротство, закреплены в ст. 314-13 раздела 4 «Дополнительные санкции, применимые к физическим лицам, и ответственность юридических лиц»²⁵. Согласно указанной статье юридические лица несут ответственность в виде штрафа, а также предусмотрено опубликование решения суда или его распространение в печатных изданиях либо с помощью любых электронных средств связи с общественностью (ст. 131-39). Норму об опубликовании постановленного решения суда по делам о криминальном банкротстве полагаем полезной для заимствования, так как такая мера уголовно-правового воздействия будет способствовать профилактике правонарушений в сфере банкротства и выявлению потерпевших от преступления лиц. Что касается установления уголовной ответственности юридических лиц в уголовном законе, то, на наш взгляд, это является излишней мерой. Ведутся дискуссии о возможности привлечения к уголовной ответственности юридических лиц, в спорах поднимается проблема виновной ответственности юридических лиц [11]. Опуская спорные моменты возможности установления вины юридического лица, можно обратиться к вопросу о том, что юридическое лицо может нести преимущественно имущественную ответственность в виде вилдикации (возврат имущества из чужого незаконного владения), возмещения убытков, выплаты неустойки (штрафы, пени), конфискации, а также запрета на осуществление экономической деятельности (отзыв лицензии). В Республике Беларусь и Российской Федерации подобные санкции, которые могут быть возложены на юридическое лицо, закреплены в нормах гражданского и административно-деликтного права. Установление уголовной ответственности юридического лица приведет, помимо прочих негативных моментов, к неоправданному смещению сфер регулирования различных отраслей права и дублированию уже установленных мер правового воздействия на субъектов общественных отношений.

Уголовный закон содержит ряд поощрительных норм, направленных на формирование у лица, совершившего преступление, стремления к заглаживанию причиненного преступлением вреда (например, п. 4 ч. 1 ст. 63, ч. 3 ст. 66, ч. 2 ст. 77, ст. 86, 88, п. 8 ч. 5 ст. 90 УК). Поощрительные нормы отличает способ воздействия на волевое поведение человека. Такие нормы не принуждают и не обязывают к совершению определенных действий, а одобряют их, побуждают лицо к достижению полезного для общества результата. Добиваться или нет указанного в норме результата, а значит, и государственного поощрения – добровольное дело субъекта. Применение поощрения выступает средством экономии мер уголовно-правовой репрессии, что представляется привлекательным в деле устранения последствий преступного деяния. В отношении многих преступлений законодатель предусмотрел в специальных нормах поощрение в виде освобождения от уголовной ответственности в обмен на совершение положительных постпреступных действий, в том числе выраженных в заглаживании причиненного вреда различными способами. Учитывая высокую латентность преступлений, связанных с криминальным банкротством, необходимость оперативного восстановления нарушенных законных прав и интересов субъектов экономической деятельности, можно было бы предусмотреть в УК Республики Беларусь специальную поощрительную норму, предусматривающую освобождение от уголовной ответственности. Для этого необходимо закрепить в указанной норме условия, требуемые для реализации лицом, впервые совершившим деяния, связанные с криминальным банкротством (ст. 239-241 УК Республики Беларусь), или соучастником таких преступлений: если оно активно способствовало раскрытию и (или) расследованию преступления, добровольно сообщило о лицах, извлекавших выгоду из незаконного или недобросовестного поведения должника, раскрыло информацию об имуществе (доходах) таких лиц и обеспечило реальное возмещение причиненного этим преступлением вреда, при условии, что в его деяниях не содержится иного преступления. Подобный опыт законодательного регулирования имеется в Российской Федерации (примечание к ст. 195 «Неправомерные действия при банкротстве»), УК Республики Армения (ч. 2 ст. 288 «Преднамеренное банкротство»).

Заключение. Социальная значимость института банкротства заключается в его непосредственном влиянии на эффективность реализации экономической функции государства. Общественные отношения в сфере неплатежеспособности требуют как надлежащего правового регулирования, так и оптимальной правовой охраны от противоправных посягательств путем закрепления и развития соответствующих уголовно-правовых норм.

Основанием криминализации посягательств на общественные отношения, связанные с банкротством, является их высокая общественная опасность. Общественная опасность деяний, связанных с нарушением либо уклонением от установленных законодательством процедур банкротства, заключается в объективно существующей возможности причинения ущерба общественным отношениям в сфере экономической деятельности, правам и законным интересам граждан, субъектов хозяйствования и государства. Общественная опасность преступлений

²⁵ URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/texte_lc/LEGITEXT000006070719.

криминального банкротства также выражается в их негативном влиянии на экономическое развитие государства (повышении предпринимательских рисков, разрушении государственных, градообразующих, бюджетообразующих и системообразующих организаций, возрастании безработицы и социальной напряженности). Общественная опасность воплощается объективно в последствиях в виде наступления ущерба в крупном (особо крупном) размере субъектам экономических отношений. Уголовная противоправность общественно опасных деяний, связанных с банкротством, в некоторых уголовных законах связана с формальной конструкцией модели преступления (США, Французская Республика), что противоречит принципу осуществления предпринимательской деятельности – самостоятельной деятельности субъекта экономической деятельности на свой риск и под свою имущественную ответственность. Предпочтительной является материальная конструкция состава преступления как в законодательстве Республике Беларусь и Российской Федерации.

На современном этапе развития регулирования неплатежеспособности наблюдается позитивная тенденция сокращения количества нормативных правовых актов, на которые имеется ссылка в бланкетных диспозициях охранительных норм о криминальном банкротстве. Несмотря на отсутствие единого мнения о правильности использования бланкетных конструкций уголовно-правовых норм и сложности их применения, в настоящее время использование бланкетных норм необходимо, т.к. позволяет устранить загромождение текста уголовного закона детализированными правилами поведения и дефинициями.

В целях совершенствования применения ст. 239 «Соккрытие банкротства» УК Республики Беларусь следует предусмотреть в её диспозиции в качестве специального субъекта преступления временного управляющего. На основании изучения зарубежного опыта следовало бы дополнить п. 1 ст. 9 Закона об урегулировании неплатежеспособности нормой о привлечении к солидарной ответственности лиц, признанных соучастниками умышленного (преднамеренного) банкротства. Исходя из содержания ст. 49 «Привлечение управляющим лиц для выполнения задач, связанных с производством по делу о несостоятельности или банкротстве, и оплата их услуг» Закона об урегулировании неплатежеспособности, возможного совместного умышленного выполнения сложных преступных задач, связанных с производством по делу о банкротстве, несколькими лицами (например, должностными лицами должника – юридического лица) имеются основания для дифференциации уголовной ответственности за криминальное банкротство с учетом признака группы лиц.

С учетом установления и развития в Республике Беларусь денежно-кредитных отношений между банками, небанковскими кредитно-финансовыми организациями и физическими лицами необходимо дополнительно изучить правоприменительную практику Российской Федерации в целях заимствования позитивного опыта в области закрепления и развития процедур банкротства физических лиц и, вместе с этим, установления юридической ответственности при их нарушении.

Полезной и возможной для внедрения в Республике Беларусь является законодательно регламентированная Французской Республикой практика опубликования в открытых источниках, включая электронные средства связи, постановленного решения суда по каждому делу о криминальном банкротстве. Такой опыт должен способствовать профилактике правонарушений в сфере банкротства и выявлению потерпевших от преступлений лиц.

Можно было бы закрепить специальную поощрительную норму, предусматривающую освобождение от уголовной ответственности лица, совершившего преступление криминального банкротства, или соучастника такого преступления в обмен на совершение положительных послепреступных действий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Хатеневич Т.Г. Правовые инструменты совершенствования менеджмента инновационной деятельности на примере опыта Республики Беларусь // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. Право. – 2023. – № 1 (52). – С. 66–77. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2023/y66-77>.
2. Климов Д. Классификация преступлений в сфере экономики [Электронный ресурс] // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Национальный центр правовой информ. Респ. Беларусь – Минск, 2023.
3. Вакутин А.А., Ильина М.Г. Уголовно-правовая характеристика криминальных банкротств: учеб. пособие / Омская академия МВД РФ. – Омск, 2022. – 60 с.
4. Вакутин А.А. Управляемое банкротство // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2013. – № 9-2 (35). – С. 48–51.
5. Захилько К.С. К вопросу о декриминализации криминального банкротства // Право в современном белорусском обществе: сб. науч. тр. – Минск, 2018. – С. 685–691.
6. Гаухман Л.Д. Квалификация преступлений: закон, теория, практика. – М.: АО «Центр ЮрИнфоР», 2001. – 316 с.
7. Разумова Т.А. Вопросы квалификации преднамеренного банкротства по субъективной стороне // Научный поиск. – 2017. – № 1–2. – С. 57–60.
8. Кирилов Д.В., Имшухаметов Я.М. Криминальные банкротства: особенности субъектного состава [Электронный ресурс]. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=44002239>. (дата обращения 29.03.2024).
9. Чуцаев А.И. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный). [Электронный ресурс]. – URL: https://online-edu.ranepa.ru/pluginfile.php/36721/mod_page/content/8/2020-20_LBE_04-01_sr.pdf. (дата обращения 30.03.2024).
10. Шерашенкова Е.А. Сравнительно-правовой анализ банкротства физических лиц в зарубежных странах. [Электронный ресурс]. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29223788>. (дата обращения 29.03.2024).
11. Иванов Л. Принцип вины и публичная ответственность юридического лица (к вопросу об уголовной ответственности юридических лиц). [Электронный ресурс]. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=12518189>. (дата обращения 29.03.2024).

Поступила 05.04.2024

**PROBLEMS OF DETERMINING THE SIGNS OF CRIMINAL BANKRUPTCY
AND PROSPECTS FOR THEIR SOLUTION**

T. KHATENEVICH, V. BERSUNUKAYEV

(BIP – University of law and social-information technologies, Minsk)

The legislation providing for limits of liability for socially dangerous acts aimed at violating insolvency (bankruptcy) procedures is analyzed. It is proposed to supplement the mechanism of criminal law protection of the established procedure for carrying out economic activities with new provisions taking into account the analysis of the current practice of applying criminal law prohibitions of criminal bankruptcy, as well as based on the study of the legislative experience of other states in the field of regulating insolvency and criminalization of socially dangerous acts related to the procedures bankruptcy. The issue of the advisability of establishing bankruptcy procedures for individuals in the legislation of the Republic of Belarus, as well as the legal liability of an individual for intentional violation of bankruptcy procedures, is being considered. The problem of bringing accomplices to criminal bankruptcy to justice is explored. In order to further improve the application of the rules on criminal bankruptcy, the types of special subject of the crimes under consideration can be supplemented by a temporary manager. The feasibility of the possible inclusion of a special incentive norm that defines the conditions for exemption from criminal liability in case of criminal bankruptcy in the system of criminal legal regulation is determined.

Keywords: *insolvency, insolvency, criminal bankruptcy, concealment of bankruptcy, deliberate bankruptcy, obstruction of settlement with creditor(s).*

УДК 347.97/99

DOI 10.52928/2070-1632-2024-66-1-87-89

ПРОФЕССИЯ СУДЕБНОГО ХУДОЖНИКА

*канд. юрид. наук, доц. Е.Н. ЯРМОЦ**(Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой)**ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3006-9610>*

В статье рассказывается об одной из редких профессий – профессии судебного художника, которая по ряду объективных причин на сегодняшний день находится на грани исчезновения. На основе сравнительного анализа двух смежных профессий – судебного художника и журналиста – выявлены некоторые характерные особенности профессии судебного художника. Также наиболее известные из ныне существующих судебных художников дают описание специфики работы в суде.

Судебные зарисовки как некий институт, отходящий в прошлое, все же продолжает существовать и интересовать определенные, пусть и узкие, круги: исследователей, коллекционеров, кинорежиссеров, писателей, работников музеев и др.

Ключевые слова: суд, судебный процесс, профессия, судебный художник, судебные зарисовки.

Введение. Судебный художник (courtroom artist) – это профессия, действующая на стыке искусства, психологии и права. Художник, как и судья, должен быть объективен и беспристрастен, но при этом максимально глубоко погружен в детали, атмосферу происходящего на судебном заседании. Всё это является необходимым условием получения «живого» рисунка. Художник, в отличие от судьи, исследует не материю права, а пытается отобразить события судебного процесса через призму своего восприятия на бумаге или холсте.

Искусство судебных зарисовок – не самый креативный вид изобразительного искусства: он функционирует преимущественно в практической плоскости. Но такова его природа, судебная зарисовка не предполагает раскрытие творческого потенциала художника в общепринятом смысле этого слова, поскольку предназначена, прежде всего, для информирования.

Основная часть. Иллюстратор зала суда – нишевая профессия, существование которой сегодня находится под вопросом. Во многом это связано с законодательным разрешением в Великобритании с января 2020 года осуществлять фото- и видеосъемку в судах для трансляции приговоров по резонансным уголовным делам¹.

Художник, работающий в зале суда, обычно прибывает за несколько минут до начала судебного процесса, т.к. выбор места, которое удастся занять художнику, во многом определяет успех его будущих зарисовок. В киноленте французского режиссера Анри-Жоржа Клузо «Истина» (1960 г.) есть красноречивая сцена, когда судебные художники и пресса буквально врываются в зал судебного заседания, перепрыгивая через скамьи в попытке занять лучшие места в первых рядах, чтобы видеть перекрестные взгляды участников процесса. Если художник/журналист занял неудачное место, то и рассчитывать на выгодный ракурс не приходится. В некоторых залах суда для художников и прессы отведены специальные места. Лучшими местами в зале суда, по обыкновению, считается ложа присяжных заседателей. Иногда, когда дело рассматривается без участия заседателей, судья разрешает судебному художнику занять место в ней.

Судебная иллюстрация может быть своего рода отражением времени, эпохи, момента, «души» дела. Судебные художники появляются тогда, когда судья принимает такое решение, чтобы атмосфера в зале суда была более сдержанной, камерной, в каком-то смысле, старомодной, или, когда адвокат против фотосъемки своего клиента².

Типичный судебный художник окончил художественную школу и, возможно, прошел специальную подготовку по искусству рисования в зале суда. Некоторые из художников ранее имели опыт работы в области карикатуры, что позволяет им работать быстро и «под давлением», в «нетипичных» условиях. Многие проводят часы практики в зале суда во время учебы в художественной школе, посещая открытые для публики судебные процессы, чтобы изучать нюансы профессии и чувствовать себя комфортно в условиях помещения для судебных заседаний³.

В некоторых юрисдикциях художникам разрешается делать наброски во время судебного процесса. В этом случае каждый из художников выбирает для себя технику рисования и соответствующие ей средства, организует работу наиболее оптимально для выбранной манеры письма. В Великобритании и Гонконге, например, напротив, художникам запрещено делать наброски во время судебных прений, поэтому те ждут окончания или перерыва в судебном заседании и создают свои зарисовки по памяти. Очевидно, что в такой ситуации художник, работающий в зале суда, должен обладать отличной зрительной памятью и высокой скоростью, так как через двенадцать часов изображение может быть уже неактуальным в связи с, например, показом кадров или видеосъемки заседания в вечерних новостях. Некоторые судебные художники работают только над судебными эскизами, но это редкость. Многие делают успешную карьеру в искусстве, могут работать в различных стилях и

¹ URL: <https://www.itsnicethat.com/features/courtroom-illustration-060420>.

² URL: <https://www.youtube.com/watch?v=L7B3Dnt0xg8>.

³ URL: <https://www.practicaladultinsights.com/what-is-a-courtroom-artist.htm>.

нередко сотрудничают с представителями средств массовой информации. Обычно художник зала суда является фрилансером, продавая работу тому информационному агентству, которое предложит лучшую цену, хотя некоторые штатные художники зала суда работают в конкретных информационных агентствах.

Проводя параллели между судебной иллюстрацией и кино-, фотосъемкой, – в равной степени между судебным художником и журналистом, – можно обнаружить некоторые особенности профессии судебного художника. Известный судебный художник Говард Броди обозначил это следующим образом: «Разница между камерой и художником, как между холодным сухим фактом стенограммы и языком романа»⁴.

Во-первых, наличие «своеобразного этического кодекса» или правил поведения в зале суда – художник должен по возможности делать свою работу тихо и быстро, без отвлекающих моментов. Одежда должна быть скромной, в сдержанных, преимущественно, локальных тонах. Художники должны использовать соответствующие средства, арсенал которых невелик – небольшие холсты, пара-тройка карандашей или мелки. Установка в зале суда массивного холста или мольберта для создания зарисовок не допускается.

Во-вторых, судебные процессы, как известно, могут длиться довольно продолжительный период времени, а иногда и годы. Так, в случае видеосъемки, присутствие или отсутствие того или иного журналиста не имеет особого значения, однако замена судебного художника может негативным образом повлиять на динамику отображения данного процесса. Разные художники – разные техники и угол зрения. Многие художники, работающие в зале суда, вырабатывают особый стиль, который может быть узнаваем людьми, следящими за ходом судебного процесса, в то время как другие могут придерживаться общепринятого универсального стиля;

В-третьих, художнику в большей степени, чем журналисту, необходимо иметь четкое представление о запечатлеваемом моменте. Причем, это может быть наиболее драматичный и кульминационный момент в деле (старшина жюри, зачитывающий приговор/вердикт, особенно эмоциональные свидетели, лицо обвиняемого, его близких родственников). К примеру, художник Б. Робблес изобразил попытку нападения Ч. Мэнсона на судью во время судебного процесса⁵. Иногда же взгляд художника запечатлевает, казалось бы, абсолютно незаметный для обывателя жест, взгляд, движение в моменте (ухмылка обвиняемого, усмешка потерпевшего, процесс надевания в наручники, «говорящий» взгляд кого-либо из участников процесса).

Среди художественных приемов, помогающих передать атмосферу в зале судебного заседания, чаще всего художники обращаются к изображению судьи, адвоката, различных символов судебной власти и иной атрибутики – государственного флага, микрофонов и т.п. Главное здесь – четко и правдиво передать момент, не закликаясь на мелких, ненужных деталях (хотя в зале суда может быть очень красивая колонна или потолок) – для зрителя это, как правило, не имеет большого значения. Судебный художник Мона Шеффер так характеризует специфику своей деятельности: «Совет от художника – всегда стремиться к драматизму, найти некую черту, чтобы это не было статичной фотографией. Вы должны рисунком рассказать историю человека, зачастую подготовить к финалу. Художники любят драматичные события, которые потом попадут в вечерние новости – когда кто-то падает в обморок или плачет. Перед вами много моментов, но надо найти что-то особенное, цепляющее»⁶. Гэрри Мырик, проработавший судебным художником 38 лет в штате Техас, отмечает: «история человека проходит через мою душу, сердце, мой мозг, мои пальцы. Зал суда и человеческая драма – это безусловно театр. Когда вы присутствуете в комнате, где происходит драматический процесс, то очень хочется передать это мгновение»⁷. Кристин Корнелл работает судебным художником с 1975 года. Кристина говорит, что «камера – это жесткая экспозиция, а художники – это фильтр, они более гуманно преподносят некоторые вещи. Преимущество художника в том, что он может как бы уменьшить пространство, поставить/показать [на рисунке – Е.Н.] людей рядом, как бы сопоставив их, их лица, а, следовательно, их эмоции. То есть они позволяют драме раскрыться, схватывают этот, зачастую, секундный мимолетный момент»⁸. Делясь своим многолетним опытом, художница советует всем начинающим судебным художникам изучать анатомию человека для облегчения и ускорения процесса зарисовки по памяти, поскольку у художника мало времени на планирование и нет времени на ошибки. Судебный художник должен думать, как журналист, но не забывать, что он есть всё же художник.

Судебные зарисовки как некий институт, отходящий в прошлое, все же продолжают существовать и интересовать определенные, пусть и узкие, круги. Помимо средств массовой информации, покупающих судебные зарисовки, подобные работы нередко интересуют пользователей интернета, а также юристов, судей или рядовых участников суда, включая зрителей. Если судебный процесс имел какую-то историческую или юридическую ценность, то судебные зарисовки охотно покупают музеи в качестве постоянных или временных экспозиций выставок. Так, в библиотеке Конгресса США была организована первая в своем роде специальная выставка под названием «Правосудие в зарисовках. Искусство иллюстрации из зала суда», на которой была собрана коллекция из более чем 1000 зарисовок 50 – 60-летней давности. Более того, судебные зарисовки как таковые и профессия судебного художника, в частности, могут выступать предметом академического и художественного интереса. Так, Элизабет Уильямс, к примеру, является автором книги «The Illustrated Courtroom. 50 Years of Court Art».

⁴ URL: <https://www.youtube.com/watch?v=z7Hw9u3mVaM>.

⁵ URL: <https://www.youtube.com/watch?v=ZO0Y1W1ATpM>.

⁶ См. сноску № 2.

⁷ URL: https://www.youtube.com/watch?v=WBetE_IRje8.

⁸ См. сноску № 5.

В книге размещены истории знаменитых судебных процессов, описаны условия, в которых работали судебные художники, приведены их иллюстрации. В 2023 году вышел фильм Ф. Озона «Мое преступление», в котором автор повествует о процессе судебной зарисовки во время заседания. Некоторые художники имеют собственные веб-сайты, где размещены их работы, в том числе иллюстрации судебных заседаний: Э. Кенни⁹, Б. Робблес¹⁰, Э. Уильямс¹¹.

Заключение. В настоящее время, в эпоху глобальной информатизации, разнообразия форм цифровой техники, возможности моментального получения и распространения любой информации через сеть Интернет рисунок/набросок от руки, сделанный в зале судебного заседания, зачастую воспринимается как нечто анахроничное и даже экзотичное. Преимущества судебного художника перед фоторепортером состоит в том, что художник в меньшей степени может смутить или отвлечь внимание участников судебного заседания вспышками и щелчками затворов. Зарисовка в меньшей степени способствует установлению психологического барьера у лиц, стесняющихся фото- и видеосъемки. Кроме того, при судебной зарисовке исключается возможность изображения лиц, участие которых в процессе засекречено. Многие судьи, не желая превращать процесс в реалити-шоу, выступают за сохранение красивой традиции судебного рисунка.

Поступила: 07.12.2023

PROFESSION OF A COURTROOM ARTIST

A. YARMATS

(Euphrosyne Polotskaya State University of Polotsk)

The article talks about one of the rare professions – the profession of a forensic artist, which, for a number of objective reasons, today is on the verge of extinction. Based on a comparative analysis of two related professions – forensic artist and journalist – some characteristic features of the profession of forensic artist have been identified. Also, the most famous currently existing court artists describe the specifics of working in court.

Judicial sketches, as an institution that is becoming a thing of the past, still continue to exist and interest certain, albeit narrow, circles: researchers, collectors, film directors, writers, museum workers, etc.

Keywords: court, litigation, profession, court artist, court sketches.

⁹ URL: <https://www.aggiewhelankenny.com/courtroom/>.

¹⁰ URL: <https://www.billrobles.com>.

¹¹ URL: <https://www.elizabethwilliamstudio.com>.

РЕЦЕНЗИИ

Управление эффективностью деятельности профессиональных спортивных клубов / А.И. Матвиенко; под науч. ред. д-ра экон. наук, доц. С.Б. Репкина. – Минск: БГЭУ, 2023. – 203 с.

В Минске, в издательстве Белорусского государственного экономического университета недавно была опубликована монография, посвященная разнообразным проблемам экономики футбола, точнее, проблемам эффективного управления хозяйственными аспектами функционирования профессиональных футбольных клубов. К спорту на разных уровнях его проявления – от спорта высших достижений до широкого внедрения среди различных слоев населения разнообразных элементов физкультуры – приковано внимание огромного числа заинтересованных лиц. По вполне понятным причинам заинтересованы представители чиновничества, политики разного уровня, а также просто представители большого числа болельщиков в разных видах спорта. Такой неподдельный интерес к разнообразным проблемам спорта среди широких слоев населения вполне оправдан и понятен, ведь спорт, в хорошем смысле слова, – это не только великолепное зрелище, это еще и престиж страны, и показатель здорового образа жизни, и много еще чего хорошего. Вместе с тем, эффективное развитие различных видов спорта требует решения многочисленных проблем, в том числе, и проблем экономического характера. Достаточно сказать, что покупка футболиста международного уровня в топовые европейские команды, к примеру, «Реал Мадрид» и «Барселона» в Испании, «Манчестер Сити» и «Ливерпуль» в Англии, обходится в сотни миллионов долларов. Очевидно, что такие денежные вливания в человеческий капитал делаются неспроста. Как уже указывалось выше, современный спорт (например, футбольный матч между «Интером» и «Пармой» в Италии) – это, помимо прочего, великолепное зрелище, а значит, и большие деньги.

Более того, матчи такого уровня для футбольных болельщиков большинства стран Европы, Латинской Америки и многих других регионов мира – это не просто прекрасное зрелище, во много раз по силе воздействия и накалу страстей превосходящее самые крутые театральные постановки, но и самая настоящая жизненная религия, когда молодые фанаты тех или иных топовых футбольных клубов в буквальном смысле слова живут интересами различных игроков из этих клубов, знают о них практически всё (предпочтения, интересы игроков, марки автомобилей, которые те приобретают, образ их жизни, местонахождение в данный момент времени и т.д.). Очевидно, что в экономическом отношении это выливается в многомиллионные долларовые доходы, которые имеют топовые клубы. Достаточно сказать, что только покупка футболок с номерами своих кумиров, клубных сувениров и аксессуаров приносит огромные доходы. В целом, как справедливо отмечает в своей монографии А.И. Матвиенко, один из топовых английских футбольных клубов «Манчестер Юнайтед», по данным отчета Делойт «Самые прибыльные клубы мира 2020», несмотря на игровые недостатки в сезоне показал хороший рост доходов и удержал третье место в мировом рейтинге, а ранее – с 2017 по 2018 гг. занимал первое место, опередив по рейтингу испанские футбольные клубы «Реал Мадрид» и «Барселону». Доходы клуба «Манчестер Юнайтед» за отчетный период 2020 г. по основным направлениям составили: совокупные доходы в день матча – 120,6 млн евро (17%), права на телевидении – 273,7 млн евро (38%) и доходы от коммерции, куда входят доходы от мерчандайзинга и спонсорских контрактов – 317,2 млн евро (45%). Совокупные доходы клуба, таким образом, составили 711,5 млн евро, что составляет около 1 млрд долларов. Иначе говоря, можно видеть, что многомиллионные затраты, которые тратят футбольные клубы на покупку мировых звезд, с лихвой окупаются последними, принося этим клубам баснословные доходы, выражаемые в миллиардах долларов за выдаваемые звездами спортивные зрелища.

Конечно же доходы белорусских профессиональных клубов существенно уступают ведущим мировым футбольным гигантам. По оценкам, которые приводятся в рецензируемой книге, доходы всех клубов высшей лиги Республики Беларусь по футболу за аналогичный отчетный период в 15,2 раза меньше доходов лишь одного вышеуказанного футбольного клуба «Манчестер Юнайтед». И тем не менее, это весьма значительные суммы, особенно, если сравнить средние доходы граждан Беларуси с доходами, которые в среднем получают белорусские спортсмены топового регионального уровня (те же футболисты).

В монографии Александра Игоревича Матвиенко на глубоком уровне с использованием многочисленных экономико-математических моделей рассматриваются разнообразные актуальные проблемы экономики спорта: вопросы оценки экономической эффективности функционирования профессиональных спортивных клубов, в том числе, эффективного регулирования инвестиций в их развитие, методические рекомендации по максимизации доходов профессиональных клубов. Последний аспект напрямую способствует росту доходов бюджета страны от различных финансовых поступлений вследствие проведения разнообразных спортивных мероприятий. Очевидно, что чем больше болельщиков ходит на стадионы во время проведения тех же футбольных матчей и, соответственно, больше там покупает не только входных билетов, но и разнообразной спортивной продукции символического характера (т.е. связанной с рекламой футбольного клуба), тем выше доходы клуба, а, в конечном счете, и бюджетных финансовых поступлений. Автор книги на основе анализа положительного зарубежного опыта предлагает использовать многочисленные механизмы и методы повышения уровня посещаемости болельщиками спортивных объектов (стадионов во время проведения футбольных матчей) в целях роста доходов от осуществления спортивных мероприятий. Важно также, что в книге приводятся практические рекомендации по совершенствованию деятельности профессионального спортивного клуба и, что особенно важно, в современных условиях определяются тенденции и направления цифровизации деятельности футбольных клубов.

Таким образом, в монографии рассматривается множество актуальных проблем экономики спорта, решение которых отличается не только существенной научной новизной, но и имеет большое практическое, народно-хозяйственное значение для дальнейшего эффективного развития такой важной и значимой части белорусской экономики, каковым является спортивный комплекс. Следует также добавить, что, к сожалению, в Республике Беларусь сравнительно немного издается книг, являющихся серьезными научно-практическими исследованиями в области экономики спорта – значительно меньше по сравнению не только со странами «просвещенного Запада», но и существенно меньше, чем в Российской Федерации.

В России, причем не только в Москве и Санкт-Петербурге, но и в нескольких регионах страны давно и плодотворно функционируют специализированные диссертационные советы по защите кандидатских и докторских диссертаций при вузах спортивно-физкультурной направленности, в результате чего издается немало книг и статей в специализированных журналах и сборниках по разнообразным проблемам развития физкультуры и спорта, в том числе, по вопросам экономики спорта. Исследования на серьезном уровне актуальных проблем хозяйственного развития объектов спортивной инфраструктуры позволит создать объективные предпосылки для научной разработки оптимальной стратегии дальнейшего развития спортивной индустрии Беларуси в современных непростых условиях, когда против российско-белорусских спортсменов со стороны Запада принимаются всевозможные санкции и другие крайне недружественные мероприятия, значительно затрудняющие и усложняющие возможности их выступлений на международной арене. Поэтому следует только приветствовать появление монографии «Управление эффективностью деятельности профессиональных спортивных клубов» – одной из многочисленных глубоких книг по разнообразным проблемам экономики спорта в Республике Беларусь. Книга с интересом читается, в ней приводятся разнообразные примеры хозяйственного развития не только профессиональных футбольных клубов, но и на серьезном уровне рассматриваются вопросы других отраслей и видов спортивной деятельности. Уверен, что, написанная доступным языком, она будет интересна и полезна всем, кого волнуют вопросы эффективного хозяйственного развития спортивного комплекса страны.

Д-р экон. наук, проф.

Константин Викторович ПАВЛОВ

(Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой)

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Поздравляем с Юбилеем</i>	2
------------------------------------	---

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Веретенникова Е.С.</i> Модуль «B2B» региональной цифровой платформы как инструмент кооперации стейкхолдеров цепей поставок и развития политики импортозамещения	5
<i>Гаврилов Р.В.</i> Экологические и социальные предпосылки реализации принципов «зеленой» экономики в Республике Беларусь	10
<i>Данилкова С.А., Панков Д.А.</i> Внутренний аудит в концепции контроля	16
<i>Карпенко В.М., Чжу Хао</i> Формирование и эволюция теории региональной экономики в Китае	22
<i>Краенкова К.И., Мицкевич К.А.</i> Возможности и угрозы использования искусственного интеллекта на рынке труда: международный прогноз и национальные перспективы	29
<i>Топилдиев С.Р., Малей Е.Б., Масько Л.В., Гаврилов Р.В.</i> Проблемы перехода к «зеленой» экономике в современных условиях (на примере Республики Беларусь и Республики Узбекистан)	39

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Катушонюк О.В., Стадникова О.А.</i> Криминогенные детерминанты супружеского насилия в Республике Беларусь и Российской Федерации (по данным социологических опросов общественного мнения)	46
<i>Колёско С.С.</i> К вопросу о сущности административно-правового регулирования участия граждан в охране общественного порядка	51
<i>Колёско С.С.</i> Членство в кибердружинах как перспективная организационно-правовая форма участия граждан Республики Беларусь в охране общественного порядка	56
<i>Олесько С.С.</i> Понятие, признаки и правовая природа баланса конституционных ценностей	60
<i>Протасовицкий С.П.</i> Понятие и виды отношений (правоотношений) в сфере частных финансов	69
<i>Харевич Д.Л.</i> Прикладные аспекты критериев деления на наркотические средства, психотропные вещества, их прекурсоры, аналоги	74
<i>Хатеневич Т.Г., Берсунокаев В.В.</i> Проблемы определения признаков криминального банкротства и перспективы их решения	78
<i>Ярмоц Е.Н.</i> Профессия судебного художника	87

РЕЦЕНЗИИ

<i>Матвиенко А.И.</i> Управление эффективностью деятельности профессиональных спортивных клубов / под науч. ред. д-ра экон. наук, доц. С.Б. Репкина. – Минск: БГЭУ, 2023. – 203 с. (<i>Павлов К.В.</i>).	90
--	----